

Мёрфи

Энтропия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мёрфи Мёрфи

Энтропия

<https://litres.ru/74334213>

SelfPub; 2026

Аннотация

Не всё так просто, как кажется на первый взгляд, да?

Возможно ли, встретившись по разные стороны баррикад непримиримыми врагами, нащупать общую цель?

Сработает ли «враг моего врага — мой друг»?

Возможно ли, пройдя точку невозврата, забыв, потеряв себя, вернуться назад?

И главное — стоит ли?

Людам, которым нечего терять, кроме самих себя, предстоит ответить на эти вопросы и умудриться не сдохнуть в процессе.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

299

Мёрфи

Энтропия

Пролог

Бостон, США, 2018 год.

— Мать твою, Хант! Гони! — рывкает Эрик, вцепившись в приборную панель.

Хантер, не ответив, резко выворачивает руль, уходя от патрульной машины.

Эрик Косински — племянник босса. Хантер мысленно выругался, когда тот сообщил, что в сегодняшнем деле его напарником будет Рик. Он нутром чуял, что в этот раз будет конкретное попадалово, потому что присутствие Эрика на деле — это как гарант, как знак качества, нахрен, охрительного качества отменного дерьмеца, которым заканчивается каждое дело с его участием.

Сегодняшняя ночь не стала исключением. Всё было просто — они должны были сбыть крупную партию товара, забрать деньги. Всё. Но, по классике жанра, нагрянули копы. И теперь Хантер пытается уйти от погони, сохранив бабло и кусок дерьма, вопящий на заднем сиденье машины. Мужчины не следит за временем, но, судя по концентрации копов и заграждений на дорогах, прошло достаточно. А это означает только одно.

Им не уйти.

И Хантер знает, что с потерей денег босс смирится. У него этих денег хоть задницей жуй. А вот если копы сцапают Рика — отхватит он.

Сука.

Хантер кидает быстрый взгляд в зеркало заднего вида, оценивает ситуацию. Замечает комплекс старых складов справа и, подрезая патрульную машину, идущую ему наперерез, сворачивает на просёлочную дорогу. Вжимает педаль газа в пол.

— Рик, — спокойно зовёт недонапарника. Тот поворачивает голову в его сторону, нервно облизав губы. Перебирается на переднее пассажирское сиденье. — Сейчас я тормозну у одного из зданий, ты возьмёшь сумку с деньгами и свалишь нахуй отсюда.

— Что? Да они сцапают меня за двадцать минут! Хант, ты чего...

— Слушай сюда, кусок дерьма. — Хантер теряет терпение, пытаясь справиться с управлением и увеличить расстояние между ними и копами. — Они не знают, что нас двое. Свалишь из машины, побежишь в лес. Через пять миль к западу будет заправка. Позвонишь Дону, тебя заберут.

— Пять миль? Ночью по лесу?! Да ты чего нюхнул-то, нахрен?!

— Хорошо. — Хантер резко выворачивает руль, заметив глубокую яму посреди просёлочной дороги. — Вот тебе дру-

гой вариант. Ты остаёшься здесь. Нам не уйти, идиот! — гневно цедит. — Нас сцапают. Твой дядя потеряет крупную сумму денег. Нас посадят. А в процессе будут прессовать, выбивая инфу про босса. Выдержишь? — Снова смотрит на него с ухмылкой, которая резко пропадает. Хантер переводит взгляд в лобовое. — Хотя, может, оно и к лучшему. Может, Дон наконец поймёт, что его племянник припиздыш трусоватый. — Видит, что Косински насупился, обидевшись, но ему плевать. — Осталось сто ярдов. Решай.

— А как же ты? — вдруг спрашивает и Хантер с удивлением понимает, что этот придурок действительно переживает за его дальнейшую судьбу.

— Отсижу за двоих. Повезёт, выйду по УДО.

— Но...

— Верность семье, Рик, — перебивает с насмешкой в голосе. — Попрактикуй как-нибудь. — Тормозит. — Вали нахер!

Эрик дёргается. Медлит секунду. Слышит звук приближающихся сирен. Хватает сумку, набитую деньгами и, бросив быстрый взгляд на Хантера, буквально вываливается из машины. Бежит в темноте в указанном направлении. Хантер смотрит на него секунду, а затем резко трогается с места. Знает, что ему осталось минут пятнадцать, но больше и не нужно. Главное — отвлечь копов. Ему не хочется подставляться. Ещё меньше хочется подставляться из-за идиота Эрика. Но он надеется, что Дон щедро вознаградит его за эту

жертву. А это именно то, что нужно Хантеру. Пара потерянных в тюрьме лет стоят того.

Глава 1.

Нью-Йорк, США, февраль 2020 года.

— Эй, Хант, передашь привет моей мамаше? — спрашивает Рикки, кидая в него довольно большой шарик из бумаги. Хантер фыркает, не отрывая взгляда от книги, которую читает.

— Может, лучше Луизе? — с насмешкой спрашивает Бозо. Рослый латиноамериканец, который выглядит устрашающе, но при этом и мухи не обидит. Хорошо, что об этом знают только Хантер и Рикки.

— Ты бы попридержал свой хавальник, Бозо, — насупившись, отвечает Рикки. Спрыгивает со своей кровати, бесцеремонно валится на кровать Хантера. Пристально смотрит на него.

— Что? — невозмутимо спрашивает тот, переворачивая страницу.

— Почему ты не сбежал, как Скофилд? — весело спрашивает парень. Мужчина хмурится, смотрит на него.

— Ты же в курсе, что Скофилд вымышленный персонаж? — вздёрнув бровь, интересуется. — Как и тюрьма, из которой он сбежал. — Возвращается к книге. Рикки закатывает глаза.

Этот невысокого роста, вечно раздражающий криминальный элемент стал своего рода приятелем для Хантера. К его удивлению, кстати. С самого первого дня в «Райкерс» прилип к нему, как банный лист. И постоянно искал в нём сходство с главным героем известного шоу о побеге из тюрьмы. Кроме множества непонятных никому, за исключением самого Хантера, татуировок и очевидно не самого низкого интеллекта, никакого сходства с персонажем шоу у него не было, но Рикки это не останавливало.

— Рид! — рявкает охранник. — На выход!

— Уже?! — изумляется Рикки. Хантер усмехается. Поднимается с кровати, тыча книгой в парня.

— Начни читать, малец, — говорит ему. — Жаль будет, если ты так и останешься на уровне сопливого подростка, — продолжает беззлобно. — Потенциал-то есть.

Рикки хватается за книгу и хмурит брови. Хантер хлопает его по плечу, собирается развернуться к выходу из камеры, когда понимает, что доступ к кислороду внезапно перекрыт. Бозо. Крепко обнимающий его Бозо — вот причина.

— Бля, громила тупорогая, ты меня раздавишь! — Несильно бьёт кулаком в бок. Бозо ухмыляется, отпуская Хантера.

— Жаль, что ты так быстро, — басит.

— Да пошёл ты, — усмехнувшись, отвечает Рид. — Мне хватило. Тошнит уже от ваших рож.

Он выходит из камеры. Позади свист, крики, улюлюка-

нье. Хантер не оборачивается. Он провёл здесь два года, знал каждый звук, каждую интонацию — и ему плевать. Два года он ждал этого дня. С той самой ночи. Ему дали пять, но Дон подсуетился, как Хантер и предполагал. Удалось скостить срок. Плюс Хантер был неприкосновенен в стенах «Райкерс». И это бесило большую часть заключённых.

Зато его веселило.

Ему нравилось дразнить этих уродов. Бывало, что он отхватывал от особо отчаянных, но никогда не уходил от драки, какой-то частью себя испытывая большое удовольствие оттого, что и ему доставалось определённая доза побоев. И от того, что он делал тоже самое.

Жестокость и хладнокровие этого места никого не обходят стороной.

Исключением стали два придурка, с которыми Хантер делил камеру. Сдержанная терпимость проявлялась лишь по отношению к ним.

В любом случае, как и сказал, его уже тошнит от этого места.

Коридоры он знает наизусть. Каждый стык плитки, каждую трещину. Не сверяется с распиской, просто распахав содержимое пакета с личными вещами по карманам. Ни с кем не говорит, ни на кого не смотрит. Охранник, шагающий позади, собирается сказать что-то про «До скорой встречи», но спотыкается о взгляд Хантера и проглатывает конец фразы.

Рид выходит за ворота, вдыхает морозный воздух и цепляется взглядом за чёрную машину, стоящую неподалёку. Несколько не сомневаясь в том, что это за ним, шагает к ней. Забирается на заднее сиденье и замирает, испытав секундное замешательство. На него смотрит пара чёрных глаз Дональда Косински. Босс, который — и Хантер совершенно точно это знает — никогда не снисходит до того, чтобы лично встречать только что освободившихся членов его группировки.

— Дон, — спокойно приветствует его Хантер.

Косински отвечает не сразу, с подозрительным прищуром уставившись на него. И только спустя несколько секунд его губы расплываются в широкой улыбке, покрывая лицо множеством морщин.

— Здравствуй, Хантер. — Улыбка босса совсем не трогает глаза. — Готов?

— К чему?

Дон взмахом руки даёт понять водителю, что можно ехать, и, убрав с лица улыбку, смотрит на Хантера.

— К повышению, мой друг. И к новым горизонтам. — Замолкает ненадолго. — За два года кое-что изменилось.

— Например?

— Например, — Дон пожимает плечами, — например, направленность нашей деятельности. И, учитывая твоё прошлое, я думаю, тебе понравится. — Кровожадно улыбается.

Хантер усмехается в ответ, но как только отворачивается к окну, делая вид, что наблюдает за дорогой, усмешка ис-

чезает. Итак, он не просчитался, Дон, наконец, пустит его в круг приближенных. И это хорошо. Только омрачается новостью о смене деятельности. Потому что Хантер, несмотря на уверенность Дона, уже знает совершенно точно, что ему это дерьмо не понравится.

Нью-Йорк, США, апрель 2020.

— Морган! Где статистика?!

Эрин закатывает глаза, продолжая перебирать папки в нижнем ящике стола. Когда она наконец находит нужную, поднимается. Сдувает с глаз прядь выбившихся тёмных волос.

— Обязательно так рвать глотку? — спрашивает с ехидством. Сэм щурится. Эрин протягивает ему папку. — Вот здесь ваши статистические данные.

Сэм хватается папку, пролистывает, хмурится.

— Всё так плохо?

Морган ведёт плечом.

— Порядочные скучные сенаторы сейчас не в цене, — отвечает будничным тоном.

Ланкастер закатывает глаза, захлопывает папку.

— Даже не начинай, — говорит он, разворачиваясь к кабинету. Она идёт за ним. — Я знаю, что тебя интересует тема повышенной преступности. Но ты новичок. Это опасно.

— Если бы меня интересовала только повышенная преступность, я бы осела в Чикаго.

— Это ещё почему?

— Потому что этот город переплюнул Нью-Йорк по концентрации преступлений. Статистику давно смотрел?

Ланкастер вздыхает, садится в кресло, ослабляет галстук. Смотрит на неё долгим, усталым взглядом.

— Какая тема? Если не банальная преступность.

— Хочу написать серию статей о коммерческих тюрьмах, — отвечает она, садясь напротив. — О том, что они ни черта не исправляют. Только усугубляют.

— И?

— Тюремная система в США — это бизнес. Частные тюрьмы почти вытеснили федеральные. И они не подлежат реальному контролю.

— Это опасно, — повторяет он, но в голосе уже нет прежней твёрдости.

— Ты сам предложил, чтобы я набиралась опыта, — напоминает она.

Сэм тяжело выдыхает.

— Собери материал. Посмотрим, как хорошо ты научилась это делать. И никаких экстремистов и садистов.

— Хорошо, зануда, — бросает она, уже направляясь к выходу.

Сэм наблюдает за ней, пока девушка не скрывается за дверью, а затем откидывается на спинку кресла, качает головой.

Как он, чёрт возьми, согласился то на это?

Ему снова холодно и страшно. Он осматривается, хотя знает, что в этом нет нужды. Приторно-сладковатая вонь, проникающая даже сквозь щели шкафа, в котором он прячется, не даёт ему и шанса спутать это место с чем-то другим. Всё вокруг кажется слишком большим. И не удивительно, ведь ему шесть. Весь мир, окружающий его, огромен.

Мальчик придвигается ближе к дверцам шкафа и припадает к небольшой щели между ними, силясь разглядеть хоть что-то. Он давно перестал чувствовать голод и озноб. Зима, отопление отключили за неуплату, так что дома, особенно ночами, идёт пар изо рта. Он не чувствует голода, да, но его мучает жажда. Поэтому мальчик, обливав потрескавшиеся губы, осторожно давит на дверцу шкафа, чувствуя ладошками шершавую поверхность. Дверца со скрипом открывается и он выставляет наружу босую ногу, ставит ступню на холодный пол.

Замирает на секунду, а потом резко выскакивает из своего укрытия, практически бежит в сторону маленькой кухни по тёмному коридору, минуя дверной проём в единственную комнату. Старается не смотреть. Ведь если чего-то не видишь, то этого и нет. Не получается. Он кожей чувствует, когда оказывается напротив входа в комнату. За-

стыивает. Впадает в ступор от ужаса, потому что знает, что именно увидит. Но веки, словно против его воли, сами открываются, голова сама поворачивается и мальчик перестаёт дышать, широко открыв глаза.

Белая кожа, глазницы, кажущиеся из-за темноты чёрными. И слишком много контрастного красного. Повсюду. Мальчик шумно дышит, пяясь к стене. Потому что больше всего этого его пугает взгляд.

Пристальный. Мёртвый. Взгляд, от которого не спрятаться.

Нигде.

Никогда.

Он хочет закричать, позвать на помощь, но вместо этого сползает по стене на пол, подтягивает к себе коленки и обнимает их, крепко зажмурившись. Что-то едва слышно мычит, раскачиваясь из стороны в сторону. В холоде, в темноте, в пожирющем одиночестве.

Он садится на кровати, хватая ртом воздух. Прижимается затылком к холодной стене, ноги запутаны в простыне. Хмурится.

Нет.

Он в тюремной камере.

В «Райкерс».

— Эй, Хант! Мать твою, вставай! Опоздаем!

Рид резко садится в кровати, хватая ртом воздух. За секунду понимает, где он, кто он, и испытывает раздражение

от назойливого Эрика, явственно ощущая под раздражением то, что ненавидит больше всего. Этот треклятый сон снится ему на протяжении всей жизни. Всегда одно и то же. Он выдыхает, прикрывая глаза. Трёт лицо рукой, подпирая затылком холодную стену. Не реагирует на залетевшего в комнату Косински.

— Просыпайся, спящая красавица, — нахально улыбаясь, вещает тот, зажав в зубах сигарету. — Пора на бал.

Хантер хмурится.

— Что за чушь ты несёшь?

Эрик уже возится у шкафа. Он кидает Хантеру джинсы, футболку и кожаную куртку.

— Собирайся, говорю. Тёлочки, тусующиеся в «Вольте», уже заждались нас.

Многозначительно шевелит бровями вверх-вниз. Хантер с отвращением морщится, скидывая с себя вещи.

— Нахрен. Я не иду. — Падает лицом в подушку.

— А что, если я скажу, что мой дядюшка попросил кое-что сделать в клубе в перерывах между изучением мягких податливых женских прелестей? — Снова ухмыляется. Хантер открывает один глаз, смотрит на него. Громко раздражённо фыркнув, встаёт.

— Ты отвратительный червь, Рик, — говорит, направляясь в ванную. — Как тебе ещё перепадает от женщин?..

— Всё дело в моей очаровательной улыбке, — кричит тот из комнаты. — И хер у меня, как у жеребца! — прилетает

Хантеру в спину.

Рид корчит гримасу отвращения. Дёрнул же чёрт этого идиота прилипнуть к нему. Скидывает с себя мокрую от пота одежду и шагает под струи ледяной воды. Прикрывает глаза, опираясь одной рукой в кафель перед собой. Смотрит в сток, замирая — вид воды, по кругу стекающей в тёмное отверстие, гипнотизирует и Хантер приходит в себя только тогда, когда перестаёт чувствовать шею и спину от холода. Резко вдыхает, поднимает голову и трясёт ею из стороны в сторону, разбрызгивая капли воды. Слышит фоном голос Рика, доносящийся из комнаты. Серьёзно, этот мужик готов говорить просто, чтобы слышать свой голос.

Наскоро вытирается, заматывается в полотенце и смотрит в зеркало. Кем он стал? А кем был? Он не помнит. Он уже слишком давно не был самим собой.

Эрин медленно выходит из здания редакции, останавливается у входа, осматриваясь. Она успела полюбить этот вид и момент, когда уходит с работы позже остальных. Медленные прогулки до станции метро и ощущение того, что ты невидимка в толпе. Она прилетела сюда пять месяцев назад. Без денег и идей, что делать дальше.

Но живая.

И свободная.

Этого было вполне достаточно.

Она улыбается, отпирая дверь час спустя. Заходит в лофт, тут же закрываясь на все замки. Их четыре. Ну, да, Эрин немного параноик.

— Эрин Морган! — возмущено рывкает Теона, вылетая из ванной и останавливаясь напротив девушки, уперев руки в бока.

Эрин хмурится, потому что такой вид Тео означает лишь одно — она о чём-то забыла. Судорожно пытается вспомнить. Понимает, что с треском проваливается и поднимает руки, сдаваясь.

— Ладно, я забыла. — Неуверенно улыбается. — Напомнишь, о чём?

Тео щурится.

— Сегодня пятница.

— Ага.

— Тринадцатое.

— Ииии?

— «Вольт», Эрин! Он уже месяц работает, а нас там ещё не было. И ты обещала!

Теона напирает, забывая дышать в перерывах от возмущения. Морган прикрывает глаза. Чёрт, как она могла забыть? Выставляет руки вперёд, призывая её замолчать, но Теона и ухом не ведёт, продолжая причитать и возмущаться. Тогда Морган делает то, что всегда срывает в таких ситуациях — засовывает два пальца в рот и громко свистит. Тео мо-

ментально затыкается и замирает.

— Дай мне полчаса, — устало просит Эрин и тащится на второй этаж приводить себя в порядок.

Огромное, затемнённое помещение со вторым этажом по периметру и островком барной стойки в центре заполнено до предела. Ночной клуб «Вольт» открылся чуть больше месяца назад и уже успел стать любимым местом для большей части молодых и не очень людей города-яблока. Хантер сидит на одном из диванчиков второго этажа, откинувшись на мягкую спинку и наблюдая за копошащимися внизу людьми. Биты бьют по ушам так, что временами он морщится от раздражения. Мужчина почти не пьёт. В отличие от Эрика и ещё троих мужчин, пришедших сюда вместе с ним развлечься и попутно преподать кое-кому урок, он предпочитает оставаться в твёрдом сознании.

— Хант!

Эрик пытается перекрычать музыку, придвинувшись к нему. Рид морщится, отворачиваясь, надеясь минимизировать контакт с ним и его алкогольным амбре. Получается не очень.

— Выпей, мать твою! Мы же так и не отметили как следует твоё освобождение! — Эрик пьяно и довольно улыбается. Хантер раздражённо выдыхает. Поворачивается, безраз-

личным взглядом смотрит на Рика, не моргая, и улыбка того как-то меркнет, сам он сдувается и чуть отстраняется, хватаясь за очередную стопку текилы. Хантер переводит взгляд на толпу, лениво наблюдая за пьющими, танцующими и деградирующими людьми. Совсем неожиданно его начинает тошнить от понимания того, что вот она, его жизнь. Среди этого тупого стада, дающего таким людям, как Дон, возможность богатеть, пока собственноручно загоняют себя в могилу.

Хантер безошибочно распознаёт в толпе людей, пришедших сюда работать. Хотя на первый взгляд внешне они и не отличаются от богатеньких студенток и студентов, дорвавшихся до свободы. Цинично думает о том, что для одних является работой и далеко не всегда приятной, для вторых будет чем-то вроде дикого развлечения. Серьёзно. Он встречал таких. И не понимает их.

Отстраняется, впадая в размышления, продолжая автоматически сканировать толпу. И в этот момент происходит две вещи: Эрик, слишком эмоционально рассказывая что-то очередной мадам, машет рукой, задевая стакан с виски и опрокидывая его на Хантера; тот собирается послать придурка нахер, но его толкают локтем с соседнего диванчика, он оборачивается, скользнув по толпе взглядом, который падает на девушку.

Она смеётся, пытаясь перекрычать музыку и что-то говоря собеседнице. При этом её лицо искажено неловкой гримасой. Вроде бы обычная девушка, но нет, что-то в ней...

Она явно не в своей тарелке. Глупо, на самом деле, что он обратил на это внимание, но когда тебя окружает пара сотен пьяных людей, отрывающихся в пятницу вечером в клубе, нестандартное поведение бросается в глаза. Это просто... необычно. Вот и всё.

— Хант.

Он отводит взгляд и смотрит на подсевшего к нему Рэйдена.

— Он здесь. Арво видел, как он пришёл пять минут назад.

— Один?

— С подружкой, — уныло отвечает Анкер. Рид кивает, залпом выпивает остатки виски в своём бокале и встаёт. Пора работать.

— Скажи Арво, пусть займёт подружку, — сухо кидает на ходу, хлопая по плечу Рика, отвлекая его от облапывания сочной блондиночки и давая тем самым понять, что время развлечений закончено.

Морган сдувает с лица прядь волос и озирается по сторонам.

У неё разболелась голова ещё до того, как они вышли из дома, но она не хотела расстраивать Тео. Хотя сейчас жалеет об этом. Ей никогда не нравились людные места. Переполненные ночные клубы она не любила ещё больше, но па-

ру недель назад Тео рассталась с очередным «онтотсамыйе-единственныйЭринячувствую» и, похоже, на этот раз всё действительно было серьёзно. Во всяком случае со стороны Тео-ны, потому что девушка была странно тихой всё это время. Эрин хотелось её поддержать. Поэтому она необдуманно согласилась на вылазку в клуб.

— Эй, Морган, ты позеленела! — кричит Тео и весело хихикает. Эрин немного нервно улыбается. Тео улыбаться перестает вовсе. — Ты в порядке? — Во взгляде проскальзывает беспокойство. Эрин берёт себя в руки и улыбается увереннее.

— Да. Тут просто душно. Выйду ненадолго. — Прикасается ладонью к плечу девушки, кивает.

Она выходит из клуба. Голова раскалывается. Ей нужен воздух, И только. Отходит в сторону от очереди, желающих попасть в клуб. Прикуривает сигарету, пытаясь успокоиться. Паранойя, внушённая годами жизни в Ирландии, не отпускает. Она чувствует на себе взгляды, хотя знает, что это просто игра воображения. Пытается убедить себя, но получается хреново. А потом её отвлекают странные звуки, доносящиеся со стороны переулка за углом клуба.

Кто-то бьёт. Кто-то стонет. Озирается по сторонам, чуть дёргаясь от негодования. Ну куда она лезет? Хмурится. А вдруг кому-то нужна помощь? Она замирает, затем делает шаг вперёд. Глупо. Очень глупо.

Вылетает из-за угла и тормозит.

Грёбаное дерьмо.

В тёмном углу переулка четверо мужчин избивают кого-то. Эрин не видит лица жертвы, но видит их лица. Хмурится. Раньше, чем успевает подумать, делает несколько широких шагов по направлению к ним.

— Эй! — возмущенно кричит, тут же кусает себя за язык, когда все четверо поворачивают головы в сторону раздавшегося возгласа. Весь её запал тает на глазах.

— Кто это тут у нас? — щурясь и наклоня голову в бок, спрашивает один из них. Похабно улыбается, оглядывая Эрин с ног до головы.

— Что... что вы делаете?

— Да так... — пожимая плечами и выходя вперёд, говорит всё тот же мужчина. — Разговариваем с приятелем.

Эрин делает шаг назад, а потом замирает, затравленно наблюдая за тем, как он приближается. Неопределённо машет рукой.

— Это не похоже на разговор приятелей, — лепечет. Затем хмурится и упрямо приподнимает подбородок. Мужчина останавливается в паре ярдов от неё.

— Шла бы ты отсюда, золотце, — говорит, улыбаясь, но тон остаётся холодным. — Хотя... — Оглядывается на своих друзей. — Судя по всему, тебе скучно.

Он хватает её за руку, но в следующую секунду его улыбка исчезает. Он смотрит за спину Эрин, резко отпускает её и отступает.

Эрин пятится. Врезается в кого-то. Оборачивается. Перед ней стоит мужчина. Держит в зубах сигарету, щурясь от дыма, и смотрит не моргая. Света от уличного фонаря достаточно, чтобы она смогла разглядеть множество мелких веснушек, рассыпанных по всему лицу. Глаза остаются в тени. Она с трудом проталкивает ком, образовавшийся в горле, чувствуя как руки начинает бить мелкая дрожь. Незнакомец наклоняет голову в бок, переводит взгляд на тех, кто стоит за спиной Эрин.

— Мы тут это... — лепечет тот, кто ещё минуту назад вёл себя нахально. — Она появилась ниоткуда... — Замолкает, потому что мужчина даже не моргает, сверля его взглядом.

Он спокойно шагает к ней, останавливается в нескольких дюймах, глядя в упор. Затягивается. Медленно, не отрывая взгляда, тянет руку к её сумке. Достает удостоверение, изучает его, усмехается. Кладёт обратно. Находит пропуск в редакцию и так же быстро оставляет. Находит квитанцию с адресом. Оставляет её в своей руке, закрывает сумочку и подчёркнуто аккуратно возвращает на плечо Эрин, которая в этот момент перестаёт дышать. Он снова затягивается, чуть отворачивается, выпуская дым. Ещё раз пробегается взглядом по лицу Эрин и любые мысли вылетают из её головы, когда он приближается ещё ближе. Глаза не отводит.

— Я знаю, как тебя зовут, где ты работаешь и живёшь, — говорит он тихо. — Если хоть кто-то узнает о том, что здесь сейчас произошло, будь уверена, я приду за тобой.

Эрин смотрит в его глаза. В них нет угрозы. Только холодный расчёт.

— Иди, — говорит он, кивая в сторону.

Она шумно втягивает кислород, отступает на шаг, обходя мужчину. Он не двигается, провожая её взглядом. Эрин пятится к выходу из переулка, не выпуская его из вида, затем резко разворачивается и почти бежит обратно к клубу. Нужно забрать Тео и сваливать нахрен отсюда. Хватит с неё увеселительных мероприятий.

— Бля, Хант, можно же было поразвлечься, — разочарованно говорит один из его людей, когда девушка исчезает из поля их зрения. Рид переводит на него раздражённый взгляд.

— Она видела наши лица. Что, если расскажет копам? — с беспокойством в голосе спрашивает другой.

— Не расскажет, — спокойно отвечает Хантер, потирая большим пальцем клочок бумаги, который держит в кулаке.

Весна в Нью-Йорке бесит Моджо — днём жарко, ночью холодно, приходится таскать за собой пальто, как идиоту. Но он любит свою работу. Ненавидит тех, с кем приходится иметь дело, но обожает то чувство глубокого удовлетворения, когда очередная мразь попадает за решётку.

Он выходит из своей машины, сунув в зубы сигарету, и направляется к оцеплению. Его встречает Раст Калвертон —

напарник, который умудряется работать с ним уже несколько лет и до сих пор его не застрелил. Им обоим по сорок, но у Расти жена и двое детей, а у Дэйва — только сигареты и хроническая злоба.

— Привет, — весело говорит Калвертон. Дэйв кидает на него мрачный взгляд. — О, чего такой недовольный? Что-то сорвалось?

— Ага. Знатный, качественный трах. — Затягивается, выпускает дым. — Набери в Google, хоть узнаешь, что это такое.

Раст усмехается, пропуская его колкости мимо ушей. Они подходят к телу, накрытому белой тканью.

— Школьница, семнадцать лет. Салли Макнот, — сообщает он. — Тело нашёл некий Стивенсон, прогуливаясь перед сном с собакой.

— Поздновато.

— Ага. Вызвал копов. Они нас.

— Почему? — хмурясь, интересуется Моджо.

Раст садится на корточки. Откидывает ткань с лица жертвы.

— Знакомая картина? — отвечает вопросом на вопрос.

Дэйв всматривается в лицо девочки, тихо выругавшись. Взгляд широко открытых глаз устремлён в небо. Посеребренная кожа кажется прозрачной. На губах виднеется розовая от крови пена, а ото рта отходит паутинка почерневших вен — жутковатый узор, который они уже видели. В Бостоне.

Неделю назад.

— Твою мать, — цедит он. — Центр оповестили?

— Да, — отвечает Раст. — И наш филиал в Нью-Йорке тоже. — Смотрит за спину Дэйва. — Это сержант Оуэн. — Кивает в сторону. Дэйв хмурит брови, поворачивает голову и приветственно кивает. — Сержант, это мой напарник, спецгент Моджо.

— Здравствуйте, — отвечает Оуэн. Переводит взгляд на тело. — Вы уже сталкивались с подобным?

— Ага, — мрачно отвечает Дэйв.

— И? Что это за хрень?

— Эта хрень означает, сержант, — говорит Моджо, шагая к своей машине, — что в Нью-Йорк заявила группа террористов.

Глава 2.

Хантер щурит глаз, зажав сигарету зубами. Ненавидит такие ранние подъёмы, но боссу внезапно захотелось увидеть его спустя несколько дней молчания. Козёл. Спускается с крыльца и садится на предпоследнюю ступеньку. Затягивается, выпускает дым, делает глоток горячего кофе. Без сахара, без сливок, чёрный. Он почти не помнит выходные. Более менее чёткие воспоминания заканчиваются глубокой ночью с пятницы на субботу. А дальше...

Память возвращается обрывками. Он пил. Кажется, даже

курил. Ещё была миниатюрная, изящная блондинка от которой начало тошнить уже через пару часов. Она всё ещё лежит в его кровати под грудой одеял. Он даже не помнит её имени.

Хмурится, выругавшись себе под нос. Чёртов Эрик так накачал его. Тяжело выдыхает, с силой трёт лицо, затем затылок. Движения медленные, потому что каждое отдаётся новым приступом головной боли. Хантер хмурится, лезет в карман штанов и натывает пальцами на клочок бумаги. Достав, кое-как разворачивает, молясь, чтобы там был не очередной номер какой-нибудь мадам. Его взгляд упирается в ровные ряды набранных на компьютере букв, таблицу с расчётами, какой-то лицевой счёт и адрес. Рид поднимает взгляд, упираясь им в жухлый газон, но видит совсем не его.

Синие испуганные глаза и упрямо вздёрнутый подбородок. Идиотские мысли, от которых не отвязаться. Кажется, он ещё под кайфом. Ничем другим объяснить себе иррациональный интерес, который испытал в клубе к странноватой дамочке, не может.

— Мужик, ты же себе яйца отморозишь.

Хантер закатывает глаза, но понимает, что Косински впервые не бесит его. Потому что своей глупой болтовнёй здорово отвлекает от того, о чем он и думать не должен. Рид ухмыляется, приподняв бровь и посмотрев на него через плечо. Помятая рожа Эрика смотрит с укором. Светлые волосы торчат в разные стороны и Косински зябко кутается

в огромный махровый халат.

Который принадлежит ему.

Ухмылка Хантера исчезает.

— Ты должен мне халат, — сухо говорит он и отворачивается, делая очередную затяжку. Косински оглядывает себя с ног до головы.

— Да ладно тебе, я его просто постираю, — ворчит, направляется к крыльцу и садится рядом. Хантер издаёт непонятный хрюкающий звук.

— Его не спасёт даже огонь, — возражает мрачно, но всё же протягивает Эрику свою пачку сигарет. — Ещё раз возьмёшь мои вещи, оторву твои руки нахрен. Усёк?

— Усёк, — хмыкнув, отвечает тот ворчливо. — Но ты бы не сидел на холоде... в трениках и футболке. По утрам холодно.

— Заделался моей мамочкой?

— Ой, знаешь что? — Возмущается, выкидывая недокуренную сигарету. — Пошёл нахер. — Встаёт со ступеней, разворачивается, уходит в дом.

Хантер посмеивается, наблюдая за сердитой походкой Косински. Не понимает его. Да и себя в отношении него. Что это за недодружба? Хантер думает. Восемь лет прошло. Сейчас Рик двадцать... шесть? Тридцатка? Больше? Щелчком отправляет окурок в урну, поднимается, возвращается в дом вслед за Риком. Переступив порог, хмурится, услышав из гостиной голос диктора новостного канала. В этом доме отро-

дьясь никто не смотрел новости. Он медленно заходит в комнату и непонимающе смотрит в спину Косински, не вслушивается в то, что говорит женщина. Эрик смотрит на него через плечо и выглядит так, будто его сейчас вырвет.

— Там человек пятьдесят завалили, чувак, — говорит шёпотом. — В зале суда.

Хантер переводит взгляд на экран, подходит ближе и перестаёт дышать.

Он не смотрит на трупы. Он смотрит на человека, который мелькает в репортаже. Щурится, всматриваясь в лицо, затем тихо, почти беззвучно, матерится, потому что узнал его.

— Хочешь заставить силой мысли эту мерзкую жижу превратиться в чудесный, ароматный кофе?

Морган слышит за спиной насмешливый голос и вздрагивает, пролив на стойку немного кофе. Тихо выругавшись себе под нос, хватается салфетки и начинает убирать за собой.

— Вот, держи.

Эрин хмурится, пялясь на стаканчик, от которого умопомрачительно пахнет кофе с фирменным логотипом её любимой кофейни. Моргает. Поднимает голову и встречается взглядом с Ланкастером, который простодушно улыбается.

— Что? Я просто брал кофе себе. — Салютует таким же стаканчиком в своих руках. — И подумал, что ты наверняка

уже здесь, хоть до начала рабочего дня ещё час. Ну и, может, в чувство вообще придёшь, а то я начинаю нервничать.

Эрин закатывает глаза, отворачивается, отправляет кружку с отвратительным кофе в раковину, хватая стаканчик, выходит из помещения, которое они используют как что-то среднее между комнатой отдыха и кухней. Так и знала, что босс будет припоминать её субботнее проникновение в офис. Эрин понимает, что у него масса вопросов, но не может на них ответить. Главным образом потому, что сама не совсем понимает логику и переплетения своего прошлого и событий пятничного вечера, перемешавшихся в голове. Не может же она просто выдать, что нуждалась в месте, в котором чувствует себя спокойно и отрешённо, которым, по случайному стечению обстоятельств, является кабинет Сэма. За этим ответом последуют другие вопросы, но Эрин совершенно точно не станет рассказывать о кучке местной шпаны, избивающей кого-то. Чувство вины из-за того, что она так позорно сбежала и никак не помогла тому человеку, не ослабевает ни на минуту, ухудшая тревожное состояние ещё больше. И о том придурке, который угрожал ей, тоже не собирается рассказывать. Сэму незачем лезть в это. А он полезет, на это Эрин может поспорить.

Слова, сказанные незнакомцем в переулке и тот факт, что он знает о Эрин достаточно, чтобы найти, набатом били в голове всю ночь и она просто не знала куда себя деть. Тео завалилась на диван и почти сразу уснула, когда они верну-

лись домой, даже не потрудившись разуться. Эрин сделала это за неё. А потом началась бессонная, полная нервозность, ночь. К шести утра Морган не знала, как удержать себя от того, чтобы лезть на стенку.

Я приду за тобой.

Она слышала эти слова в своей голове. В какой-то момент тихий, глубокий с хрипотцой голос менялся на грубый, резкий, полный презрения. Голос из прошлого. И тогда её начало трясти, мысли путались и казалось, что всё кончено. А потом возвращался тот голос, впервые который Эрин услышала лишь несколько часов назад и её отпускало. Так продолжалось на протяжении всей ночи. Поэтому она вызвала такси и сбежала в тихий успокаивающий уют кабинета босса. Развернула его кресло к панорамному окну, разулась и, укрывшись пледом, оставленным специально для неё, принялась бездумно наблюдать за тем, как медленно светлело небо.

Эрин уснула. Именно в таком положении её и нашёл Ланкастер, приехавший в редакцию к десяти часам. Да, в субботу. Да, он трудоголик. Но он никогда и не говорил, что идеален. Сэм испытал некоторое замешательство, обнаружив в своём кресле спящую девушку. Мало кто понимал их отношения. Для большинства сотрудников Эрин была флиртующей напропалую с боссом выскочкой, а тот падким на такое засранцем, испытывающим кризис среднего возраста.

Сэм частенько посмеивался над слухами, что ходили о

них в редакции. И всеми силами пытался сделать так, чтобы Морган ничего о них не узнала. Что-то подсказывало ему, что онаотреагирует не так спокойно, как он. Всё это было чушью. Они не флиртовали и Сэм знал это совершенно точно. Эрин просто была, ну, собой. И в их общении напрочь отсутствовала хоть какая-то романтика. Но он заботился о ней, с этим не поспоришь.

Утром в субботу, глядя на спящую Морган, он усмехнулся и почти сразу пожалел об этом. Девушка резко открыла глаза, вскочила с кресла и попятилась назад, озираясь по сторонам. На то, чтобы понять где она и кто такой Сэм, у Эрин ушло несколько секунд. А потом она поняла в каком глупом положении оказалась, пробормотала извинения и пулей вылетела из офиса. Ланкастер не потребовал объяснений.

Он всё ещё ждёт, когда Эрин сама захочет что-нибудь рассказать.

— Ты ведь понимаешь, что принося мне кофе по утрам, ты работаешь не на улучшение атмосферы в офисе? — ворчит Эрин, направляясь к своему столу.

— А что не так с атмосферой? — нахмурившись, уточняет Ланкастер, за что получает довольно ироничный взгляд в ответ. — Слушай... — начинает, остановившись возле стола, — у тебя всё в порядке?

Морган отводит взгляд, прикусив внутреннюю сторону щеки.

— Да, — отвечает наконец, посмотрев на него. — Всё от-

лично.

Улыбается, но улыбка сползает с лица, когда она переводит взгляд на экран работающего телевизора за спиной босса.

— Эри... — начинает Сэм, тяжело вздохнув, но та перебивает его.

— Помолчи. — Встаёт со стула. — Прибавь звук, пожалуйста, — просит одну из коллег. Сэм поворачивается всем телом к телевизору.

«На данный момент точно известно о тридцати семи смертях, но это не окончательные данные, потому что парамедики просто не могут зайти в зал суда из опасений за собственную жизнь, — вещает девушка с экрана. — Повторяю, сегодня в девять часов утра было совершено преступление, в результате которого погибло более тридцати человек. Во время заседания суда над Грэхемом Донахью, обвиняемом в пособничестве и организации нескольких террористических актов на территории США и ряде других стран, все присутствующие в зале, в том числе и сам мистер Донахью, стали жертвами. Полиция и ФБР никак не комментируют произошедшее...».

— Срань Господня, — бормочет кто-то, нарушая звенящую тишину.

— Сэм... — начинает говорить Морган.

— Я поведу, — перебивает тот, срываясь с места.

— Что?

— Поехали. Не забудь блокнот. Джуди, свяжись с мэрией и полицией. И позвоните Макс! Он нужен мне у здания суда! — начинает раздавать на ходу указания.

Морган не слушает их, хватая свою сумку и запихивая необходимое, потому что они предназначены не для неё. Почти бежит по проходу, пытаясь догнать босса, который вдруг решил поиграть в журналиста. Какого хрена? Когда она буквально падает на переднее пассажирское сидение, мотор машины уже урчит. Ланкастер тут же давит на педаль газа, выворачивает руль, выезжая с парковки.

— Не хочешь объяснить? — с подозрением интересуется Морган.

— Что именно?

— За каким тебя понесло на место преступления?

— Это скорее всего террористический акт, Эрин. — говорит, посмотрев на неё. — Он может быть не одиночным. — Возвращает взгляд на дорогу. Эрин хмурится. Сэм пожимает плечами. — И я не мог упустить возможность показать тебе, как работают профессионалы своего дела, — заявляет, нахально улыбнувшись.

Знала бы Эрин скольких усилий стоит ему эта ухмылка. Есть только одна причина, по которой он так торопится к зданию суда. И об этой причине не должна знать ни одна живая душа в его нынешней жизни.

— Ебическая сила, — ворчит Дэйв, зажав зубами сигарету и наблюдая за картиной, развернувшейся перед ними. — Какого рожна ты притащил меня сюда, Раст?

— Разведать обстановку, например? Нет? — отвечает тот, насмешливо приподнимая брови вверх. Дэйв сегодня особенно раздражителен и обычно спокойный Раст начинает чувствовать то же самое.

— Все данные всё равно передадут в Центр. Смысл морозить задницу под проливным дождём? — продолжает ворчать Моджо, выходя из машины. Раст закатывает глаза, поправляя воротник пальто.

— Будешь сидеть в кабинете и ждать готовые данные, когда тебе стукнет шестьдесят, Дэйв, — говорит, усмехнувшись. — А пока я буду пинать твой зад, чтобы ты не забыл, что значит быть агентом ФБР.

— Грёбанный, нахрен, звездац, — бормочет Дэйв и прибавляет шагу, чтобы оказаться за лентой оцепления раньше напарника.

Их встречает кто-то из полиции. Мужчина в штатском. Детектив.

— Спецгент Моджо, — сухо представляется Дэйв, доставая своё удостоверение. — Мой напарник спецгент Калвертон.

— Не совсем доброе утро, — мрачно отвечает коп, кивая. — Детектив Джонсон. — Рукой указывает направление и все

трое идут к зданию. — На данный момент точно известно о сорока погибших. Еще семеро пострадали и находятся на пути в больницу. Врачи не дают никаких гарантий. Скорее всего, они не доживут до вечера.

Мужчины подходят к одному из трупов в чёрном пластиковом мешке. Детектив приседает на корточки и расстёгивает молнию.

— Видели такое? — задаёт вопрос, подняв голову вверх. Раст и Дейв переглядываются. Калвертон тяжело выдыхает.

— К сожалению, да. В ночь с пятницы на субботу обнаружили труп школьницы. — отвечает он мрачно, разглядывая тёмные вены, расходящиеся от рта жертвы. — Свидетели есть?

— Со свидетелями не густо, — уныло отвечает детектив, вставая. — Девять утра. Все, кто был в здании, присутствовали на заседаниях или находились в своих кабинетах.

— Почему они не убрались из зала куда подальше? — нахмурившись, спрашивает Моджо.

— Пытались, — мрачно отвечает Джонсон, — но кто-то запер дверь снаружи.

— Камеры?

— Обработываем.

— Перешлите всё в Центр. В штаб-квартире уже известно об этой ситуации. И данные здорово помогут. А ещё перешлите информацию по всем сотрудникам суда, — продолжает, вдруг зашагав куда-то в сторону. — Всех. От верхов-

ного судьи до самого последнего уборщика, — заканчивает резким тоном и отворачивается, продолжая шагать к заграждению.

— Как скажете, — с ехидством отвечает коп, глядя ему в спину.

Калвертон пропускает мимо ушей его едкий тон, идёт за напарником. Когда Моджо начинает вести себя, как муляк, сильнее обычного, это означает только одно — он что-то почувал. Да, именно так. Есть в нём что-то такое. Раст никогда не мог подобрать нужного слова.

Именно благодаря его чутью они поймали педофила, похищающего детей на протяжении десяти лет в Аризоне. Садиста, бальзамирующего своих жертв в Техасе. Маньяка-каннибала, которого не могли поймать двадцать лет в Теннесси. И ещё множество других больных ублюдков. Они брали самые безнадёжные дела и в большинстве случаев находили тех, за кем охотились.

Столько дерьма, сколько Раст видел, работая с Дэйвом, он не видел за всю свою карьеру.

Моджо становится у жёлтой ленты и цепляется взглядом за толпу зевак, разрастающуюся с поразительной скоростью. Так всегда — то, что для одних становится трагедией и кошмаром, для других является не более, чем очередным способом словить своё «хлеба и зрелищ». Дэйв не понимает этого. Стремления разглядеть в мельчайших подробностях место преступления, труп жертвы, до самых мелких ран. Люди

не отдают себе отчёта в том, что вглядываются в это, маниакально желая зацепить все подробности, чтобы потом смаковать их и успокаивать себя тем, что «это не я». Человечество само по себе больной, разлагающийся труп. И все продукты гниения налицо.

Агент зажимает зубами очередную сигарету, сканируя взглядом толпу. Он здесь. Тот, кто запер дверь. Моджо уверен. Девчонка с едко розовыми волосами и в рваных джинсах? Мужик в засаленной кепке и с пузом, торчащим из-под кофты? Парень-курьер, тормознувший на пути к месту доставки? Кто? Он останавливает взгляд на мужчине лет тридцати пяти - сорока внешностью похожего на выходца с Ближнего Востока. Щурится.

Неа.

Это было бы слишком просто. До тошноты банально и пошло. Моджо давно понял, что те, кто совершает террористический акт, в большинстве случаев выглядят так, что и не заподозришь с первого раза. Терроризм вышел на новый уровень, давно покинув пределы стереотипного мышления. Террористом может оказаться кто угодно. От прыщавого школьника, до старика, продающего свежую выпечку. Но он здесь.

Здесь.

И Дэйв сцапает его.

Морган шаркающей походкой направляется к двери лоджии, не обращая внимания на то, что её сумка волочится по полу. Она устала. Выжата. Морально, физически и эмоционально. Она увидела сегодня достаточно, чтобы хватило на пару лет для кошмаров. И это было ужасно. Даже несмотря на то, что она не видела тела жертв. Толпы полицейских, зевак, агентов ФБР, журналистов. Эрин никогда не участвовала в чём-то подобном, сегодняшний день переполнил чашу.

Останавливается у двери и морщится, услышав басы, долбящие во входную дверь. Прекрасно, Тео развлекается. Отпирает дверь и открывает её. Музыка становится громче, режет слух. Обычно Эрин не против музыкальных предпочтений своей соседки, но сегодня просто не тот день. Она проходит, захлопнув за собой дверь и тормозит, уставившись на Теону. Девушка носится по первому этажу их квартиры, орудуя тряпкой и не забывая подпевать очередному треку. Короткие волосы собраны на макушке. Бесполезная мера, ведь большая их часть всё равно выбивается из резинки. Шорты, рваная майка и запах. Она что-то готовит. Какого чёрта?

— Я дома! — громко говорит Эрин, пытаясь перекрыть музыку. Теона подскакивает на месте и резко разворачивается, растягивая губы в наимилейшей улыбке. Взгляд Эрин мрачнеет. Она щурится. — Нет.

— Эрин...

— Даже слушать не хочу, — устало выдыхает Морган,

направляясь к лестнице. Теона с молниеносной скоростью оказывается перед ней, принимая этот дурацкий вид кота из мультика.

— Эрин, это ненадолго, обещаю. Никакой жести. Мы просто поужинаем. — Складывает ладони в умоляющем жесте на уровне груди. Эрин хватается за перила.

— Я устала. Ты вообще в курсе, что происходит в городе? Не хочу слушать какого-то очередного непонятного мужика, изображая интерес, а потом спать в наушниках, чтобы не получить душевную травму от ваших стонов, — ворчит, предпринимая попытку подняться в свою комнату.

Бесполезно, Теона выросла в пол. Она молчит, сверля Эрин умоляющим взглядом. Морган скрещивает руки на груди, опираясь на перила, закатывает глаза.

— Ладно. И кто этот Ромео?

— Его зовут Марк, — с восторгом начинает Тео. — Он работает в сфере маркетинга. Он очень умный и сдержанный. Тебе понравится.

— Где вы познакомились? — прищурившись, спрашивает Эрин.

— В смысле где? В «Вольте». — Тео хмурится. — Я же тебе рассказывала о нём вчера, ты где летаешь? — Дуется. Видит, что Эрин мешкает. — Слушай, спокойный, ничем не обременённый вечер после тяжёлого рабочего дня это то, что нужно.

— Видимо, у нас с тобой разные понятия «спокойного и

необремененного», — усмехнувшись, бормочет девушка. — И вообще, не понимаю, зачем вам я, если у вас свидание.

— Э... Эрин...

В голосе Тео проскальзывает этот её «мать твою, я накосячила и тебе это не понравится» тон и Морган застывает на месте, уставившись взглядом в кованные ступени. Выдыхает. Медленно поворачивается всем корпусом к подруге. Линия брови изгибается в ожидании ответа на невысказанный вопрос.

— Дело в том... — Прячет глаза. Трёт лоб пальцами. Выдыхает, как перед прыжком в ледяную воду, смотрит на неё. — Дело в том, что он придёт не один. — Натянута улыбается. — Это вроде как... типа... ну, двойное свидание. — Пятится назад, ведь видит прищуренный взгляд Морган. — Тебе не обязательно торчать с нами весь вечер. Просто поужинай, — начинает тараторить, выставив руки вперёд, — я старалась для тебя тоже. Должно быть вкусно. — Тормозит, виновато улыбнувшись. — Просто после Алекса... ну... — Прячет глаза, пожимая плечами. — А Марк понравился мне, потому что не пытался залезть под юбку в первые пять минут знакомства. Он разговаривал со мной, понимаешь? Со мной, а не с моей грудью. — Замолкает. Машет рукой. Эрин вздыхает. Как типично для Теоны, боже. — Знаешь что, ты устала и не обязана ничего делать. Мы куда-нибудь сходим, чтобы не мешать.

Эрин прикрывает глаза, глубоко вдыхает, медленно выды-

хает.

— Пара часов, — говорит она тихо. — И я не обещаю быть душкой.

— Эрин... — начинает Тео, только сейчас осознав, что опять поступила, как всегда.

— Всё нормально. Правда. Я большую часть времени ужинаю одна, будет не лишним немного социализироваться. — Улыбается увереннее. — Просто дай мне полчаса, хорошо? — Спасибо.

Эрин кивает, поднимается, наконец, в свою комнату. Закрывает дверь, подпирает её спиной и тяжело выдыхает.

Дэйв кидает карандаш на кипу бумаг, откидывается на спинку стула и давит на глаза пальцами в попытке вернуть им зоркость. День был сумасшедшим. Масса данных, куча людей, снующих туда-сюда, орущий на всех Рочестер, выводящий Моджо из себя...

Мак Рочестер — старший спецгент, курирующий работу их нью-йоркского отделения. Маку под полтинник, разведён, имеет дочь-подростка. Чертовски хорош в организации работы и поиске скрытых связей, но это не мешает ему быть занозой в заднице. Моджо уже приходилось с ним работать. И он не может не признать, что этот мужик обладает острым, цепким умом. Да и яйца у него стальные, если уж совсем

честно. Достаточно вспомнить дело о маньяке, орудующем в Колорадо в две тысячи двенадцатом, когда Мак спас двенадцатилетнюю девочку из его подвала и умудрился при этом выжить.

После того дела Рочестер осел в штабе, сосредоточив всю свою энергию на том, чтобы направлять агентов и персонал в нужное русло. Дэйву иногда кажется, что Рочестер так и остался в том подвале, заполненном сгнившими останками жертв Бэйкера.

— Так, народ! — Мак заходит в помещение, громко хлопнув в ладоши. — Порадуйте меня. Что нашли?

Из короткого отчёта становится ясно вот что: нашли небольшое устройство, распылившее газ, в отсеке вентиляции. Самодельное. Отпечатков нет. Камеры не засекли никого подозрительного, кто мог бы установить его. Отсек вентиляции был запечатан с трёх сторон и обработан какой-то масляной жидкостью. Предположительно для того, чтобы газ не попал ни в какие другие помещения. Исходя из этого подразумевается, что целью преступника был кто-то конкретный. Или это был не один конкретный человек, а конкретный зал. С конкретным заседанием.

Рочестер встречается взглядом с Калвертоном, поджимает губы, кивает.

— А что с тем, кто запер дверь? — спрашивает громко.

— Есть запись. Человек в капюшоне, лица не видно. Он отвернулся и прошёл мимо камеры. А вот тут, — техник

увеличивает кадр, — отражение в табличке. Металлическая доска, надраена до блеска.

Мак щурится, рассматривая зернистое изображение.

— Прогоните по базам. И списки сотрудников.

Дэйв, всё это время стоявший у стены и листавший этот список, отталкивается от неё и подходит к технику.

— Не надо прогонять по базам, — говорит он. — У меня уже есть имя. — Он смотрит на Мака. — Мира Макнот. Два дня назад полиция нашла её дочь с точно такими же признаками воздействия газа.

В помещении повисает тишина.

— Доставьте миссис Макнот на допрос, — говорит Мак. — Немедленно.

Глава 3.

Нью-Йорк, США, декабрь 2019 года.

Эрин подсакивает на кровати с громким вдохом. Шумно дышит, озираясь по сторонам, пока до неё не доходит: она в Нью-Йорке, в квартире Тео. *Не в Ирландии*. Запускает пальцы в волосы и с силой оттягивает их. Глухо стонет от бессильной злобы. Куда бы она ни сбежала, воспоминания остаются с ней. Кошмары. Страх.

Обречённо выдыхает, роняет руку на одеяло и замирает. Потому что слышит как кто-то ходит на первом этаже. Рациональная часть говорит: это Тео. Иррациональная бьётся

в панике, крича, что за ней пришли. Она откидывает одеяло, бесшумно крадётся к двери, спускается на середину лестницы. Замирает, уловив резкий вдох. Приседает, пытаясь охватить взглядом пространство внизу, но темнота не рассеивается. Затем замечает красноватый огонёк за пределами квартиры — на балконе. Он движется сам по себе, по одной заданной траектории.

Эрин выдыхает. Выпрямляется. Спускается к балкону. Открывает дверь, но не выходит.

— Не спится?

— Поспишь тут... Под аккомпанемент из твоих криков.

— Прости.

— Всё в порядке. — Теона протягивает пачку сигарет и девушка берёт одну. — Сама иногда грешу подобным.

Щёлкает зажигалкой, Эрин прикуривает. Форест снова поворачивается лицом к улице и они на какое-то время замолкают, наблюдая за тем, как кипит жизнь внизу, несмотря на глубокую ночь.

— Почему? — неожиданно для себя спрашивает Морган. Форест поворачивает голову в её сторону и просто смотрит. — Знаешь, что? Забудь. Я не должна была спрашивать. — Затягивается, выпускает дым, отводя взгляд.

Теона все ещё смотрит на неё несколько мгновений. Затем подкуривает очередную сигарету, отворачивается и опирается на перила. Поднимает голову вверх, пытаясь разглядеть звезды, которые в этом городе никогда не появляются.

— Моя мать покончила с собой, когда мне было одиннадцать. Отец — политик, ему плевать на всё, кроме карьеры. А брат — садист, который самоутверждался, унижая других. — Она усмехается. — Коротко: прав был Фрейд. Все проблемы из детства.

— Мне жаль, — тихо говорит Эрин.

— Не надо. Я рассказала это не для того, чтобы ты меня жалела. А для того, чтобы ты знала, почему я иногда делаю глупые вещи.

Эрин обдумывает слова Теоны, прекрасно понимая, что это далеко не вся история, но и не собираясь лезть к ней в душу. Она и этот то вопрос задавать не имела никакого права. Не раньше, чем будет готова сама рассказать столько же.

Теона наблюдает за окнами соседних домов. Не знает зачем вообще заикнулась о своей семье. Она смотрит на девушку, которую впервые встретила чуть больше месяца назад. Тео до сих пор не может объяснить себе тот порыв. Причину, по которой позвала с собой Эрин. Но несколько не жалеет о принятом тогда решении.

Нью-Йорк, США, апрель 2020 года.

Со злостью сжимает руль до побелевших костяшек пальцев, прищуренным взглядом наблюдая за дорогой. Не день, а сплошное дерьмо. Хантер никак не может успокоиться по-

сле утренней встречи с Доном. Этот мужик совсем выжил из ума. А может быть и всегда таким был.

Хантер вместе с Эриком явились в кабинет Дона немного раньше оговорённого времени, но их уже ждали. И не только Дон. Двое неизвестных мужчин сидели на диване из натуральной кожи справа от стола Косински. Хантер внутренне напрягся, увидев их, но внешне оставался абсолютно спокойным. Чего не скажешь о племяннике Дона. Эрик нахмурился и неодобрительно уставился на дядю.

— А вот и вы, — добродушно улыбнувшись, сказал Дон. Впрочем, до глаз его улыбка не дошла. Он наклонился вперёд, облачаясь на стол. — Этих господ зовут Малик и Сабур. Они здесь для того, чтобы обговорить условия нашего партнёрства.

— Партнёрство? — Хантер приподнял бровь.

— Именно. — Дон откинулся на спинку своего кресла. — Как я и говорил после твоего освобождения из тюрьмы, наша организация поменяла род деятельности. — Улыбка исчезла. — Продажа наркотиков и оружия всё ещё остаётся, но скорее, как вспомогательный источник дохода.

— И что же будет являться основным? — саркастично поинтересовался Хантер.

— Слышал о «Паноптикуме»? — с насмешкой спросил Дон.

Хантер почувствовал горький сгусток тошноты, ползущий по пищеводу.

— Нет.

Это не ответ на поставленный вопрос. Чёрт, естественно он слышал о «Паноптикуме». Все, кто имел уши, слышал о них. Химическое оружие, яды, учёные-заложники. И теперь Дон собирается работать с ними.

— Нет? — сухо переспросил Дон.

— Ты слышал, что я сказал, — в тон ему ответил Рид.

Малик, Сабур и Эрик пристально наблюдали за тем, что происходило. И если первые два прекрасно понимали, что между Доном и Хантером велось безмолвное противостояние, то третий просто охреневал от тона, которым его недруг позволил себе говорить с его дядей. Дон убивал и за меньшее. Косински внезапно дружелюбно улыбнулся.

— Все не отойдёшь от заключения, Хантер? — Как-то совсем уж по-отечески хмыкнул, понимающе кивнул. — Ничего, скоро всё вернётся в норму, парень. — Посмотрел на двух своих гостей. — Это Хантер Рид, я говорил вам о нём. Он будет курировать наше с вами партнёрство от моего имени. А значит, — повернул голову и пристально посмотрел в глаза Хантеру, — все сделки, действия, условия и прочее вы будете обсуждать с ним. — Снова перевёл взгляд на Малика и Сабура. — Если вам что-то понадобится. Какие-то вещи, техника, лишняя пара рук — обращайтесь к нему. Ах, да, Рик, мальчик мой. — В этом обращении не было ни толики родственного тепла. Наоборот, в нём сквозил лишь холод. Эрик молча посмотрел в ответ, внимательно слушая дядю.

— С этого дня работаешь с Хантером на постоянной основе. Эрик кивнул, Хантер прищурился.

— Как будто раньше было иначе, — злобно проворчал последний.

Дон на его слова не отреагировал, продолжая смотреть на племянника.

— Да... дядя, — тихо ответил тот. Для него ничто из вышесказанного не стало неожиданностью. Он даже не удивился. — Я понял.

— Хорошо. Это всё, — сказал Косински, давая понять, что они свободны.

— Дон... — напряжённо начал Хантер. Его нихера не устраивал такой расклад.

— Я сказал, всё, — грубо перебил тот, глядя на мужчину исподлобья. — Детали можете обговорить чуть позже с мистером Маликом.

Хантер сжал челюсти. Он не собирался работать с террористами, но спорить с боссом в присутствии посторонних было бессмысленно. Этот разговор пришлось отложить.

Он резко развернулся и бросил Эрику: «Пошли», вышел из кабинета, даже не взглянув на людей, с которыми, по мнению Дона, он будет «работать». Повара, возникшие на его пути, расходились в стороны. Рик окликнул его, но Хантер не обернулся.

Ему нужно на воздух.

Эрин смотрит на своё отражение в зеркале, вяло взъерошив волосы пятернёй. Слишком устала, чтобы думать. Тряхнув головой, резко выдыхает. К чёрту всё это дерьмо. Она собирается провести пару часов в приятной компании.

— Эрин! — кричит Тео с первого этажа.

Эрин спускается. Тормозит на последней ступеньке. Усмехается.

— Не смешно, — прищурившись, говорит Теона. — Я нервничаю, как идиотка.

— Так сильно понравился? — мягко спрашивает Эрин, кладя руки ей на плечи и слегка сжимая их. — Всё будет в порядке. — Раздаётся звонок, Тео дёргается. — Я открою.

Эрин подходит к двери, хватается за ручку, широко распаивает её, нацепив на лицо вежливую улыбку. Перед ней стоит мужчина чуть старше их обеих. Высокий, широкие плечи, почти белые волосы и тёмные, почти чёрные глаза. Улыбается, демонстрируя очаровательные ямочки на щеках. Красивый. И это первое, что настораживает. В его руках букет цветов и бутылка вина.

— Привет! — весело говорит он. — Ты, должно быть, Эрин. А я Марк.

— Да, я догадалась, — отвечает она, отступая в сторону. — А...

— Точно, с моим другом ты уже знакома, — говорит

Марк, который на самом деле Арво, слегка повернув голову в её сторону, но не замедляя шага.

Эрин хмурится, медленно поворачивается в сторону дверного проёма и перестаёт дышать, когда в нём, шагнув от стены, словно чёрт из табакерки, появляется Хантер.

Зелёные.

У него зелёные глаза.

Теперь Эрин может их рассмотреть. Хантер широко улыбается, засунув руки в карманы брюк, и выглядит так, будто встретил старую знакомую. Эрин его настроения не разделяет.

— Будь умничкой, Морган, — тихо говорит он, продолжая улыбаться. — Твоя подруга не должна ничего заподозрить.

— Что ты здесь делаешь? — шипит она.

— Мне просто скучно. — Хантер пожимает плечами. Переступает порог. — Делай, что говорят, и твоя подруга не пострадает.

Эрин чувствует тошноту, потому что снова слышит этот тон. Сжимает зубы, но взгляд не опускает. Хантер ухмыляется.

— Умница.

— Его на самом деле зовут Марк? — язвительно интересуется она.

— Это не твоего ума дело, — отвечает Хантер, проходя мимо. Хмурится. — Почему ты спрашиваешь?

Эрин захлопывает дверь и поворачивается к нему всем телом.

— Если этот козёл обидит Тео, я вышибу ему мозги, — предупреждает спокойно. И почему-то Хантер верит ей.

Эрин не ждёт, разворачивается и идёт на кухню, чтобы занять свои трясущиеся мелкой дрожью руки. Ни на кого не смотрит, когда приходится сесть за стол.

Напротив Хантера.

Дерьмо.

— Марк, не хочешь представить нам своего друга? — бес-
печно интересуется Тео.

— Хантер, — обаятельно улыбается Рид, ставя стакан с соком на стол.

— Ммм... какое необычное имя, — тянет девушка. Ставит локти на стол, игриво прищурившись. — А характер соответствует имени?

Эрин, громко фыркнув, закатывает глаза. Хантер косится в её сторону и улыбка немного меркнет.

— Зависит от того, с какой целью ты интересуешься, Тео-на, — говорит он девушке.

— Для общего развития.

Эрин не вслушивается в разговор, уныло ковыряя вилкой содержимое тарелки. Она хочет, чтобы этот фарс закончился как можно быстрее.

— Эрин, — добродушно обращается к ней Арво, заставляя вздрогнуть, — ты ведь работаешь в «Немезиде»?

Она быстро смотрит на Рида, замечает пристальный взгляд прищуренных глаз, смотрит на Тео. Та улыбается, думая, что этот козёл просто пытается вовлечь неразговорчивую Эрин в дружескую беседу.

— Да, — коротко отвечает. Арво наклоняется вперёд.

— И как оно? Я имею в виду, — пожимает плечами, — одно из самых крупных печатных изданий в Нью-Йорке да ещё с таким уклоном... интересно, наверное.

— Нормально, — сухо отвечает. Чего он привязался?

— С каким? — одновременно с ней спрашивает Хантер. Арво переводит на него удивлённый взгляд.

— Ну, они славятся своими скандальными расследованиями. Половина разоблачённых во всякой гадости чиновников — их рук дело. А ещё был шеф полиции, — хмурится, вспоминая, — пару лет назад. — Злорадно смеётся. — Представляешь, оказалось, что эта скотина на протяжении двух десятилетий похищал и убивал малолеток беспризорных. Прямо под носом у всех. ФБР после этого независимого расследования журналистов «Немезиды» ещё полгода откапывало трупы по всему штату.

И Эрин, и Хантер смотрят на него тяжёлым взглядом. Ничего смешного в этом не видят. Теона очарована им, поэтому не обращает внимания на звоночки.

— Чёрт, мужик, ты чем уши затыкаешь, что не... — его тон меняется и становится тише, — ...в курсе.

— И как же тебе удалось заполучить такое местечко? —

спрашивает Хантер у Эрин и только после этого смотрит на неё. У девушки скулы сводит от язвительности его тона. Она смотрит в ответ, но хранит молчание.

— Это было удачное стечение обстоятельств, — весело отвечает Теона, перехватывая инициативу. — На вечеринке перед Рождеством мы попали в одну галерею. Там был мой знакомый, редактор женского журнала. Я решила пристроить Эрин к нему. Но он облажался, а Эрин поставила его на место. Свидетелем стал главный редактор «Немезиды» — и вуа-ля.

— Я не виновата, что этот твой Фил оказался непроходимым идиотом с непомерно раздутым эго, — морщится Эрин. Хантер усмехается.

— О, с характером дамочка, значит.

— Эй! — отчего-то возмущается Теона.

— Не заводись, Тео, — спокойно просит Эрин. — Оно того не стоит. — Смотрит на Хантера. — Очевидно же, что иногда природа отдыхает и на лицах некоторых людей написано, что они не обременены интеллектом. — Мило улыбается ему.

Арво выплёвывает вино, глоток которого только что сделал, закашлявшись. Хантер щурится. Хватает оливку, нанизанную на миниатюрную шпажку, и отправляет её в рот, вальяжно развалившись на стуле.

— Главный редактор «Немезиды» это тот холёный англичанишка же? — Переводит взгляд на Арво. — Как его там

зовут... забыл.

— Сэм Ланкастер, — хриплым из-за кашля голосом отвечает тот.

— Точно. — Хантер кивает, смотрит на Эрин, оглядывает её с ног до головы. — Уверен, такой утончённый джентльмен оценил все твои выдающиеся качества... журналистки.

Эрин выдыхает, отодвигает стул.

— Спасибо, Тео. Всё очень вкусно. — Она улыбается по-друге. — Я забыла купить сигарет. Сбегаю в магазин..

Не ждёт ответа, разворачивается, направляясь в выходу. Со злостью натягивает ботинки, пальто и выходит, хлопнув дверью.

— Но... — Тео хмурится, — он же круглосуточный.

Хантер смотрит на неё, переводит взгляд на Арво. Между ними происходит безмолвный диалог и мужчине по одному взгляду Рида становится понятно, что не стоит позволять себе чего-то лишнего. Хантер встаёт.

— Раз уж моя пара на... эм... на «двойном свидании» да-ла дёру, то не вижу причин мешать вам. — Смотрит на Тео-ну, улыбается.

— Она же вернётся, — возражает девушка.

— Да, но, — улыбка становится ироничной, — момент упущен. К тому же у меня есть дела. — Направляется к выходу, мимолётно думая о том, как вообще так получилось, что причиной для его прихода стало фиктивное «двойное свидание»? — Спасибо, Теона. Ужин действительно выше вся-

ких похвал. — Натягивает куртку, улыбаясь девушке. — До скорого.

Выходит на улицу. Прикуривает сигарету. Ушла. Эта мелкая зараза просто так взяла и ушла. Хантера это внезапно раздражает. Эрин должна бы бояться. Но за последние пару часов, которые они провели за одним столом, она была отстранённой, раздражённой, злой. Чёрт, да какой угодно, но страха не испытывала. Почему?

Эрин дёргает капюшон пальто и сердито шагает по улице в сторону сквера. Она зла. Это точно. И Хантер угадал — она почувствовала себя загнанной в угол сразу, как только увидела его сегодня. Садится на скамью лицом к пруду, достаёт сигареты и прикуривает одну.

— Я думал, магазин в другой стороне.

Она замирает. Хантер подходит, забирается с ногами на скамью, садится на её спинку. Щёлкает зажигалка, на мгновение осветив его лицо, и девушка слышит шумный вдох, когда он затягивается. Хантер поворачивает голову, пристально разглядывая её профиль прищуренным взглядом, а Эрин внезапно испытывает жгучее желание исчезнуть.

— Какого чёрта тебе нужно от меня? — не выдержав затянувшегося молчания, спрашивает.

— Ну вот, ты только что в зародыше убила мой благород-

ный порыв не оставлять девушку в такое позднее время одну на улице, — выдыхает мужчина, переводя взгляд на пруд. Усмехается. — А потом все говорят, что рыцари перевелись. Вбалмошные бабы, — бормочет себе под нос с зажатой в зубах сигаретой.

Эрин поворачивает голову, хмуро глядя на него. Хантер видит это, поэтому приподнимает бровь, ожидая ответа на невысказанный вопрос.

— Зачем этот твой Марк прицепился к Тео?

— Это... — Хантер хмурится, потом ухмыляется. — Это вышло случайно.

— Да что ты, правда? — язвительно отзывается.

— Он должен был кое-кого отвлечь, но перепутал её с твоей подругой. А потом мы заметили вас, когда вы уходили из клуба. Ну... — Пожимает плечами. — Я подумал, что этим можно воспользоваться. И...

Внезапно замолкает, нахмурившись. С удивлением отмечает, что злость, сопровождавшая его, уступает место любопытству. Нелепость действий Эрин поражает его. Косится в сторону девушки.

— Совсем отбитая?

— Что?

— Любой нормальный человек на твоём месте испытывал бы страх. Нормальная реакция на угрозу со стороны другого человека. А ты ведёшь себя так, будто тебе плевать. У тебя крыша течёт или что? Не в состоянии адекватно оценивать

риски?

Взгляд Эрин тяжелеет и она отворачивается

— Ты не первый козёл, который появляется в моей жизни.

— Она затягивается. Выпускает дым. — И далеко не самый опасный.

Хантер щурится, щелчком отправляет недокуренную сигарету в сторону и наклоняется к ней.

— Может и так, — говорит чуть хриплым голосом, задерживается взглядом на её губах, снова смотрит в глаза, — но здесь и сейчас тебе лучше не лезть на рожон. Держи рот на замке и больше никогда не увидишь меня.

— Что вы с ним сделали? — спрашивает Эрин раньше, чем успевает прикусить язык.

Хантер моргает, выпрямляется, уставившись на неё. Она... тупая что ли?

— Не твоего ума дело, — отвечает холодным тоном. Медленно, словно Морган действительно туповатая.

— Он жив?

Хантер не отвечает. Эрин смотрит на него, вспоминая, как когда-то она сама была на месте того человека. Ей бы хотелось верить, что он жив.

— Понятно, — говорит она, встаёт, собираясь уйти.

— Далеко собралась?

— Не твоего ума дело, — копируя его тон, отвечает.

Хантер резко хватается её за капюшон, тянет назад. Эрин вырывается, шипя сквозь зубы. Он спрыгивает со скамьи,

удерживая её за капюшон, ухмыляясь, глядя, как она беспомощно размахивает руками, напоминая злобного хорька. Резко отпускает. Она оступается, но остаётся стоять на ногах, раздражённо поправляет пальто и шагает к выходу.

Хантер шагает за ней, наблюдая за сердитой походкой. Идёт следом до самого дома, поднимается вместе с ней, хотя девушка отказывается ехать с ним в одном лифте и поднимается пешком. Проходит минут пятнадцать-двадцать, прежде чем дверь на лестницу открывается и появляется запыхавшаяся Эрин. Она проходит мимо, не глядя на него и упрямо вздёрнув подбородок.

— Курить бросай, легкоатлетка, — ехидно комментирует Хантер.

Эрин никак не реагирует на эти слова. Открывает дверь, шагает в квартиру и с силой захлопывает, едва не сломав мужчине нос, но тот вовремя реагирует, выставив руку вперёд. Эрин дёргано стягивает пальто, цепляет взглядом обнимающихся на диване Тео и Арво, закатывает глаза, рычит что-то нечленораздельное и поднимается на второй этаж. Хлопает дверью.

Теона вздрагивает от звука. Переводит взгляд на Хантера. Он выглядит совсем не так, как в начале вечера.

— Нам пора, — говорит он Арво.

— Да ладно тебе...

Хантер едва заметно приподнимает брови и этого оказывается достаточно. Арво подрывается с дивана, испытывая

раздражение и злость, и снова раздражение. Сухо прощается с ничего не понимающей Теоной и выходит. Рид задерживается на мгновение, вглядываясь в лицо девушки, затем уходит, не говоря ни слова. Она хмурится. Поднимается на второй этаж. Стучит.

— Не сейчас, Тео,

— Эрин, что-то случилось?

— Да. — Эрин открывает дверь. — Случилось. Я устала, как чёрт. И хочу спать. Можно?

Тео смотрит ей в глаза, затем кивает.

— Ладно. Спокойной ночи.

Эрин закрывает дверь, сползает на пол, упираясь спиной. Замирает, вспоминая короткий разговор с преступником, которого должна бояться. Она и боится. А тот факт, что Хантер или как его там, не видит этого, означает, что Эрин всё ещё не растеряла свои хамелеоньи навыки.

Раннее утро для жителей Нью-Йорка, начавшееся, как и положено, для Дэйва, Раста и Мака просто перетекает со вчерашнего в сегодняшнее. Они почти не спят, удовлетворившись коротким отдыхом на диванах. Сейчас, когда техники, спецы и другие сотрудники медленно подтягиваются в штаб, эта троица уже сидит в командном центре, молча попивая крепкий кофе и мрачно разглядывая материалы дела. Мис-

сис Макнот не оказалось дома и им пришлось попотеть, чтобы узнать, что она у сестры. Её должны привезти с минуты на минуту.

— Думаете, она замешана? — уныло интересуется Раст.

— Я думаю, что её дочь убили за двое суток до теракта,

— раздражённо говорит Дэйв. — Тем же газом.

— Кстати, — оживляется Калвертон, — наши спецы уже установили состав этого газа?

— Нет. — Мак поджигает губы. — Анализ состава ещё не готов. Формула, судя по всему, сложная. Материала мало.

— А кровь жертв? — Раст хмурится. — В ней нет следов?

— Ни единого. — Мак поднимается, когда за стеклянной дверью появляются агенты, ведущие женщину. — Видимо, выветривается в течении нескольких часов. Она здесь. — Кивает в сторону миссис Макнот. — Проведёте допрос?

— С удовольствием, — цедит Моджо.

— Проследи за тем, чтобы он не сожрал её, — тихо говорит Мак Расту и тот кивает, поморщившись.

Мира Макнот садится на металлический стул в маленькой комнате для допросов. В её глазах пустота. Три дня назад ей сообщили о смерти единственного ребёнка, но для неё эти три дня длятся целую вечность. Она не чувствует ничего, кроме абсолютной усталости. Кажется, даже слёз не осталось.

Дверь открывается. Двое мужчин заходят в комнату.

— Миссис Макнот, я спецгент Калвертон. Это, — накло-

няет голову в бок, — мой напарник, спецгент Моджо. — Садится напротив неё. — В первую очередь, примите наши соболезнования.

— Её убили, — говорит она. Качает головой, с удивлением обнаруживая, что слёзы то не кончились. — Зачем кому-то понадобилось убивать мою девочку?

— Я думал, вы нам ответите, — сухо говорит Дэйв, отталиваясь от стены.

— Я не понимаю...

— Вашу дочь убили газом, в состав которого входят те же элементы, что и в смертельный газ, убивший несколько десятков человек вчера утром в здании суда, — продолжает Дэйв, не меняя тона. — Что вы об этом знаете?

— Ничего, — растерянно отвечает.

— Мира, это не простое совпадение. — Упирается ладонями в стол, нависая над ней. — Где вы были вчера в восемь часов утра?

— Дома. — Она сжимает руки. — Мне дали неделю отпуска из-за того... из-за... — Замолкает, потому что вот-вот расплачется.

— Хорошо. Когда вы видели дочь в последний раз?

— В пятницу днём, — устало отвечает. — Салли должна была ночевать у своей подруги и ушла бы из дома раньше, чем я вернулась. Поэтому мы договорились, что она заедет ко мне на работу и мы вместе пообедаем. И ей всё равно нужно было попасть ко мне из-за проекта, который задали

в школе.

— Какой проект? — интересуется Раст.

— У них... Им в школе задали приготовить доклад о месте работы родителей.

— Это же задания для средней школы, — хмурится Раст.

— А она училась в выпускном классе.

— Она... она так сказала, — говорит Мира.

Дэйв выдыхает, трёт переносицу.

— И? Что вы делали? Долго она там была? Водили её по зданию?

— Нет. Не за чем. Салли уже бывала у меня на работе и знает примерно что да как, — испуганно отвечает женщина. Дэйв и Раст переглядываются.

— Миссис Макнот, — обращается к ней Раст, — во время её визита она всегда была в поле вашего зрения?

— Д-да... — Мира хмурится, что-то вспоминая. — Нет. Она выходила в туалет.

— Долго её не было? — Моджо снова приближается к столу, вцепившись взглядом в её лицо. Раст знает этот взгляд и ему он абсолютно не нравится. Мира пожимает плечами.

— Минут пятнадцать-двадцать. — Смотрит то на одного, то на другого. Агенты переглядываются.

— Во втором часу? — снова задаёт вопрос Дэйв.

— Да...

— И в тот день вам так и не удалось пообедать с дочерью, не так ли? — вежливо интересуется Моджо.

Слишком вежливо.

— Верно. Откуда вы знаете?

— Что произошло? — подключается Раст. Она переводит взгляд на него.

— Ей кто-то позвонил и она ушла толком ничего не объяснив.

— Хм, — произносит Дэйв, встречается взглядом с напарником. — Пошли. — Резко разворачивается, направляясь к двери. Выходит.

— Мы закончили, миссис Макнот, вы свободны, — дежурно улыбнувшись, говорит Раст и торопливо выходит вслед за напарником. — Дэйв!

— Мы не там искали, — говорит тот. Врывается в помещение Центра, шагает напрямик к Рочестеру. — Нужны пятничные записи с камер видеонаблюдения суда, — говорит он Маку. — Примерное время с часа до двух дня.

Техник выводит на экран записи с камер. Проходит минута, две. Экран делится на множество окон, заполненных лицами.

— Вот она. — Раст указывает на один из экранов.

Салли Макнот выходит из кабинета матери, боязливо озираясь. Заходит в зал суда. Выходит через несколько минут. И почти бегом возвращается в кабинет.

— Её телефон нашли? — мрачно спрашивает Мак.

— Да, но его профессионально почистили, — отвечает техник. — В нём обнаружены остатки вируса, пожирающего

всю информацию, — тихо дополняет.

— Зачем семнадцатилетней школьнице делать такое? — непонимающе спрашивает Раст.

— Так они действуют, Раст. Забыл? — язвительно интересуется Дэйв. — Вербуют. Забивают головы чушью. В Бостоне было так же.

— Да, — подтверждает Мак, резко развернувшись и шагая к своему рабочему столу, — но здесь мы знаем личность девушки. — Дёргано перебирает какие-то бумаги. Не находит то, что нужно. — Моджо, Калвертон, берите столько людей, сколько вам нужно. Отправляйтесь домой к Макнотам. — Перестаёт ковыряться в бумагах. — Чёрт. — Упирается руками в стол, смотрит на агентов. — Притащите сюда всё. Ноутбук, планшет, mp3-плеер, калькулятор и «Тамагочи», если найдёте. Мне нужно всё, что принадлежало девочке.

Агенты не ждут повторного приказа. Рочестер сцепляет руки в замок на затылке, глядя на потемневший экран. Он знает, что это «Паноптикум». В Бостоне была одиночная акция. Пробный выстрел. Нью-Йорк — следующий этап. И если он облажается здесь, то одному богу известно как много людей пострадает.

Глава 4.

— Привет, мистер Мартенс!

Эрин пытается улыбнуться, не выходит. Улыбка получа-

ется вымученной и охранник видит это. Она ставит подпись, говорит, что просто не выспалась, тяжело вздыхает, заходя в лифт. Дежурно улыбается тем, чьих имён не знает, но часто видит. Мысленно планирует рабочий день. Успеть нужно много и за совсем короткий срок. На подходе к рабочему месту слышит, как Ник говорит: «Босс просил тебя зайти». Шагает к кабинету Ланкастера, по пути пытаясь избавиться от слов Хантера о нём. Безуспешно. Тормозит на секунду у двери и, натянув улыбку, заходит.

— Привет. Рафферти сказал, ты хотел меня видеть.

Сэм сидит в кресле, грызя карандаш, и смотрит на неё с тем же выражением с которым смотрел в последние недели. «Ты в порядке?

— Бессонная ночка? — усмехается он.

Она закатывает глаза, садясь в кресло напротив.

— О чём ты хотел поговорить? — переводит тему разговора, сцепив руки в замок.

Сэм отводит взгляд. Это плохой знак.

— То дело, с терактом...

— А что с ним? — Взгляд девушки тяжелеет. Она почти уверена, что знает о чём сейчас скажет босс. Сэм смотрит в ответ.

— Рафферти возьмётся за это. Там материала явно не на одну статью и он уже опытный в таких сюжетах.

— Сэм... — Эрин двигается ближе к краю кресла.

— Нужно будет общаться с ФБР и полицией, судмедэкс-

пертами. Возможно, с какими-нибудь учёными, — монотонно перечисляет он. — Говорят, здесь замешан «Паноптикум», а это значит, что копать информацию будет в десять раз опаснее и...

— Сэм!

— Я сказал нет! — Повышает голос, пристально глядя ей в глаза и Эрин замолкает, потому что так с ней ещё не говорили. Точно не здесь.

— Ладно. Отлично, — говорит она пару секунд спустя. От Ланкастера не ускользает тон голоса. Он закатывает глаза.

— Эрин...

— Нет, всё нормально, правда. Ты босс, тебе решать, — перебивает, упирается ладонями в подлокотники и отталкивается, поднимаясь.

— Эрин.

— Я поняла, не доросла ещё до подобных сюжетов. Ага.

Морган направляется к двери. Сэм прикрывает глаза, трёт лоб, но не опровергает её слова. Пусть лучше она думает, что причина в этом.

— Покажи мне материалы, которые успела раскопать по твоей теме, — говорит он. Эрин тормозит, но не оборачивается. — У меня есть знакомые в полиции, свяжусь с ними, чтобы тебе предоставили личные дела заключённых, вышедших по УДО. Разумеется, никаких имён или других персональных. Только статистика. Работай.

Эрин кивает, не оборачиваясь. В этот момент в кабинет

залетаает Мэгги Лафайет.

— Босс, включите пятый канал.

На экране тело, упакованное в чёрный пакет. Копы. Криминалисты. Лента оцепления.

— Убитого опознали, — говорит Мэгги, улыбнувшись уголком губ. — Его зовут Ли Чанг. Он химик из Китая. Сложки два и два.

Замолкает. Улыбается шире. Потому что видит понимание на лице мужчины. Смертельный газ плюс мёртвый химик. Слабо смахивает на совпадение.

— Работаешь с Ником, — говорит Сэм. Мэгги кивает и уходит прочь, получив то, что хотела. — Эрин...

Сэм хочет попытаться немного сгладить их разговор, но Эрин его не слышит. Все её мировосприятие в данный момент сужается до фотографии того самого химика, которую вывели на экран. На ней он вполне себе жив и улыбается. И Эрин уже видела его.

В «Вольте».

— Бутч, что там с северо-западными улицами? — спрашивает Дон одного из сторожил его бизнеса.

Буч открывает рот, но дверь кабинета врежется с тену с таким грохотом, что он осекается. Хантер переступает порог. Взгляд тяжёлый. Дыхание глубокое. Он злой, как чёрт,

и даже не пытается это скрыть.

— Что-то срочное? — холодно интересуется Дон.

Хантер шагает к столу. За его спиной маячит Эрик, пытающийся его остановить.

— Химик? — цедит Хантер сквозь зубы. Дон закатывает глаза, выдыхая и принимая скучающий вид. — Химик, мать твою?! Ты сказал, мы просто прессанём одного из твоих должников. Такой был приказ. — Хантер приближается к столу Косински и тычет в деревянную поверхность указательным пальцем. — И я точно помню, что когда мы оставили его у клуба, он был вполне себе жив.

— Ты закончил истерить? — уныло тянет Дон.

Рид успокаивается моментально, словно кто-то щёлкнул переключателем. Выпрямляется, усмехается.

— Это случилось в пятницу, Дон, — напоминает тихо. — Своих новых друзей ты представил нам утром в понедельник.

— И?

Взгляд Косински тяжелеет. Хантер знает, что почти переступил черту дозволенного в отношении босса. Ему плевать. Им воспользовались, как какой-то шлюхой.

Черту он переступает.

— Это был заказ. Ты снюхался с ними до того, как мы перешли к «партнёрству»... официально. — Дон молчит, продолжая пристально смотреть на него. Хантер усмехается, кивнув. Так он и думал. Наклоняется вперёд. — Интересно,

что скажут остальные, если вдруг узнают, что их глубокоуважаемый босс, которому они все безоговорочно доверяют, предоставляет их в пользование? А?

Косински щурится.

— Ну всё, мужик, пошли, — встречает Эрик, нервно шмыгнув, но Хантер не слышит его.

— Я уверен, что бы не нашли копы на теле этого китайца, это приведёт ко мне. Не к твоим чёртовым сирийцам. Ко мне. — Хантер понижает голос. — Сделав нас подстилками, подставляющимися вместо этих ублюдков, ты и сам шлюхой вытраханной стал, Дон.

Одновременно с тем, как он заканчивает, Косински бьёт кулаком по столу с такой силой, что доски трещат.

— Следи за языком, высер бруклинский!

Хантер отходит на пару шагов. Нахально ухмыляется.

— Тот, кто так легко предаёт своих, не может рассчитывать на верность. — Он уже находится у порога, когда тормозит и смотрит на босса через плечо. — И, кстати, я родился в Белфасте.

Он выходит. Эрик не медлит, шагает за ним. Дон переглядывается со своими партнёрами.

— Этот щенок слишком много себе позволяет, Дон, — тихим, хриплым голосом говорит Стив. — Тебе давно пора его проучить, — заканчивает, задумчиво крутя в руках сигару. Дон откидывается на спинку кресла.

— Я знаю, Стиви, — отвечает, задумчиво потирая подбо-

родок. — Я уже работаю над этим.

— Хантер! — Косински пытается догнать Рида, но получается у него лишь тогда, когда мужчина останавливается на улице, чтобы прикурить сигарету. — Ты совсем рехнулся? — Встаёт перед ним и разводит руки в стороны. Хантер смотрит убийственным взглядом. Отворачивается. — Мужик, я на твоей стороне, — говорит серьёзно. Слишком серьёзно для Эрика. — И я разделяю твои претензии. Но он босс, понимаешь? Такое поведение чревато последствиями.

— Да чхать я хотел на то, что он босс. Он не ведёт себя как босс. Так что пусть и не рассчитывает на уважение в таком случае, — отвечает, переводя взгляд на мусорные бак

— Хантер...

— Заделался переговорщиком, Рик? — язвительно перебивает. Ухмыляется. — Мозгов поднабрался, пока меня не было?

Ухмылка пропадает и взгляд становится тяжёлым.

— Мне не нужны твои советы, амёба ты недоделанная. Понял? Твой дядя перешёл черту дозволенного. И меня не трахает вообще босс он там или кто. — Зло затягивается. — Я не собираюсь сидеть, засунув голову в задницу и смиренно ждать, когда за мной придут копы, навесив на меня то, чего я не делал. — Поворачивается всем корпусом к Эрику и вы-

кидывает окурок в сторону. — Я уже отсидел за других.

Эрик наклоняет голову в бок, затем кивает, поджав губы. Переводит взгляд на стену стоящего рядом здания.

— Закончил? — спокойно и серьёзно интересуется он.

Хантер немного теряется, потому что «спокойно и серьёзно» это не про Рика.

— Когда перестанешь вести себя как перекаченный тестостероном мудак, мы вернёмся к этому разговору. — Осматривается, делает шаг к мужчине и понижает голос. — Может быть ты не заметил, но у тебя не так много друзей здесь. Всегда так было. А после твоего возвращения их поубавилось. То есть вообще не стало, — поправляет сам себя с иронией в голосе. — Каждый из членов этого скромного предприятия спит и видит тебя в мертвецах, Рид. — Grimасничает. — Кроме меня, разве что.

— Да что ты. И чем же вызвана твоя преданность?

— Всегда мечтал о собаке, знаешь? — вместо ответа говорит, загоняя Рида в окончательный тупик этой фразой. — Но мне не разрешали. А потом появился ты. И я подумал, что это неплохая альтернатива. — Чуть запрокидывает голову назад, глядя на Хантера. — Ты всегда напоминал мне австралийскую овчарку. Эти их яркие пронзительные глаза, множество мелких пятен на морде, — крутит указательным пальцем у своего лица, — совсем как твои веснушки. О! И постоянно свесившийся язык. — Усмехается. — Они такие классные и дружелюбные... на первый взгляд, пока не поку-

шаешься на стадо овец, которых они пасут, да?

— Ушлёпок, — раздражённо бормочет Хантер.

— От ушлёпка слышу... ушлёпок, — усталым голосом отвечает. Не ждёт реакции, разворачивается и заходит обратно в здание.

Хантер достаёт ещё одну сигарету. Смотрит на закрывшуюся дверь. Он собирается прикурить, но рука с зажигалкой замирает. Ему плевать. Он просто смертельно устал. И, кажется, больше не вывозит это дерьмо.

Моджо тормозит перед тем как зайти в комнату Салли Макнот. Осматривается. Довольно просторная, светлая комната в бежевых тонах. Слева от двери два больших окна с подоконниками, устроенными так, чтобы на них было удобно сидеть. Справа две двери. Дэйв предполагает, что одна из них ведёт в ванную комнату, другая — шкаф для вещей. У одного из окон стоит письменный стол, справа от двери комод. Кровать, довольно большая, стоит посередине противоположной от двери стены. Нейтрального цвета постельное бельё, мягкое покрывало и множество мелких подушек. У комода небольшой миленький стеллаж с книгами, учебниками, журналами и всякой милой чушью. Вполне себе девчачья комната. Ничего лишнего. Никаких постеров звёзд шоу-бизнеса, зато огромная репродукция карты звёздного неба. Паркет

покрыт мягким ковром тёплого светло-бежевого оттенка.

— В вашем доме есть место, в котором Салли любила находиться больше всего, миссис Макнот? — тихо спрашивает остановившийся позади Дэйва Раст.

— Нет. Только её комната. Могла сутками отсюда не выходить, — так же тихо отвечает женщина, словно боится кого-то разбудить.

Агенты заходят в комнату, начинают осматриваться, аккуратно перебирать вещи. Находят ноутбук, несколько флешек, плеер. На то, чтобы осмотреть комнату и всё, что в ней находится у них уходит около часа. В какой-то момент Моджо тормозит у одного из окон, замирает, задумавшись и отстранённо глядя на улицу. Миленький ухоженный дворик с подстриженной зелёной травой, качели. С первого взгляда понятно, что этот дом любят и ухаживают за ним. И миссис Макнот производит впечатление любящей матери. Так что толкнуло Салли на то, что она сделала? Чего не хватает этим подросткам, мать их?

— В последнее время поведение вашей дочери не изменилось? — медленно спрашивает Дэйв, не глядя на Миру. — Появились какие-нибудь новые друзья? — Всё же поворачивает голову, чтобы увидеть лицо женщины. Она задумывается прежде, чем ответить.

— Нет, о новых друзьях я ничего не знаю. А поведение... — Прячет глаза. Дэйв и Раст, заметив это, переглядываются. Мира тяжело выдыхает, проходит в комнату и садится на

кровать. — Отец Салли был военным. И погиб четыре года назад в Йемене, — говорит она устало. — С тех пор... Салли было тяжело, они с Фрэнком были очень близки. Нам даже пришлось сменить школу. Потому что в старой находиться было просто невозможно. Со временем она пришла в норму... — Запускает пальцы в волосы, пытаясь не заплакать. — Или мне так казалось. Это я виновата, — говорит шёпотом. Затем поднимает голову и смотрит прямо в глаза Расту. — Что вы ищите? В чём её подозреваете?

Калвертон и Моджо пару секунд сверлят друг друга взглядами.

— У нас есть основания полагать, что устройство, которое распылило смертельный газ в зале суда, принесла туда ваша дочь, — ровным тоном отвечает Дэйв.

Вопреки его ожиданиям, женщина не начинает спорить, яростно доказывая невиновность своего ребёнка. Она просто тихо плачет, кивнув. Затем встаёт и молча выходит из комнаты. Мужчины безмолвно провожают её взглядами.

— Лучше бы она начала кричать и спорить, доказывая нашу неправоту, — мрачно говорит Раст, всё ещё глядя на дверь.

— У неё ещё будет такая возможность, — сухо отвечает Дэйв, в очередной раз изучая содержимое ящиков письменного стола. — Она вымотана и ей в любом случае сейчас не до этого, — хмурится. Раст собирается возразить, но его отвлекает вибрация телефона.

— Калвертон. — говорит он, отвечая на звонок. Дэйв смотрит на него через плечо и когда видит, что напарник мрачнеет ещё больше, поворачивается к нему всем телом. — Понял. — Отключается. Моджо приподнимает брови, ожидая пояснений.

— Мак. Нашли тело какого-то китайского химика.

— Убийство?

— Несомненно. — Раст кивает. Осматривается.

— Иди. Я закончу, — говорит Дэйв.

— Уверен?

— Да. Мы почти всё. Как закончу здесь, сразу приеду. Адрес скинь, — отвечает Моджо и отворачивается, продолжая копаться в ящиках стола.

Раст кивает и выходит. Дэйв не слышит этого, как и не замечает ничего другого вокруг. Он сосредоточен. Они собрали и вывезли в коробках всё, что смогли найти, но он знает, что есть что-то ещё. Шагает к середине комнаты, останавливается, упирая руки в бока и запрокидывая голову вверх. Закрывает глаза. Дышит. Пытается увидеть Салли. Живой. В этой комнате. Медленно открывает глаза и осматривает помещение, мысленно представляя что она здесь делала, где чаще всего сидела, куда бы могла спрятать что-то, что не должен никто увидеть. Двигается по периметру комнаты, не упуская ни одной детали. Отстраняется от всего. Слышит только звенящую тишину и собственное дыхание. Медленно, но неизбежно доходит до окон. Обследует рамы, под-

оконник, коробку первого, но ничего не находит. Прodelывает то же самое и со вторым. Сначала ему кажется, что результат тот же — нулевой.

— Ну же, Салли, где твой тайник? — спрашивает воздух шёпотом.

А потом он хмурится. Поддаваясь внутреннему чутью, опускается на колени и скидывает подушки с деревянной поверхности. Стучит по подоконнику. Возвращается к первому окну и повторяет свои действия. Понимает, что звук отличается и возвращается ко второму окну. Начинает ощупывать его пальцами и почти сразу натывается на непонятную, едва ощутимую, неровность под подоконником. Давит. Слышится негромкий щелчок, но ничего не происходит. Тогда Дэйв поддевает пальцами край подоконника и тянет вверх. Почти сразу деревянная поверхность поддаётся и он ставит его вертикально. Опускает взгляд, ухмыляется.

Под подоконником находится небольшое углубление, в котором лежит ноутбук. Ещё один. Моджо достаёт его, аккуратно ставит на место подоконник и опускает на него ноутбук. Открывает, включает. Усмехается. Ну конечно он, в отличие от того, который был якобы единственным, запаролен. Агент хлопает крышкой, закрывая ноутбук. Встаёт, хватая устройство и стремительно покидает комнату.

Эрин нервно притопывает ногой, наблюдая за тем, как поочерёдно загораются номерки этажей, расположенные над дверью лифта. Она всё ещё злится на Ланкастера, но эта злость едва ощутимым фоном маячит где-то на задворках сознания. Потому что её вытеснили другие, более пугающие мысли.

Китаец. Она видела его. В «Вольте». И он был жив.

Ни на кого не глядя Эрин проходит прямиком к своему столу и, кинув сумку у ног, усевшись в кресло, с ходу вставляет флешку разъем. Пока компьютер загружает данные, она нервно стучит пальцами по поверхности стола, свободной рукой подперев подбородок. Проходит несколько секунд и вуа-ля — папка с данными доступна. Эрин щёлкает по файлам, открывая, и начинает просматривать содержимое. За последние два месяца из «Райкерс» вышло сорок два человека. тринадцать из них по УДО. Она быстро пролистывает дела, пробегаясь по ним взглядом затем, чтобы чуть позже вернуться к более тщательному изучению. Хмурится. Возвращается. И замирает. С экрана на неё смотрит пара зелёных глаз, которые она уже видела.

Хантер Рид. Белфаст. Северная Ирландия. Эмигрировал в четыре года.

Она смотрит на фотографию и чувствует, как внутри всё сжимается. Это совпадение слишком тупое, чтобы быть правдой. Хочет закрыть файл, но не может. Её взгляд прикован к строке: «Состоит в организованной преступной груп-

пировке Дональда Косински».

— Наркотики, оружие, разбой, — читает вслух. — И почему я не удивлена?

Она откидывается на спинку кресла, смотрит на его фотографию. Знает, что он убийца. Знает, что не стоит в это ввязываться. Но быстро сдаётся, садится ближе к столу и открывает браузер, решив начать изучение объекта с самых лёгких способов.

Сумерки опускаются на город слишком быстро. Или Хантер просто слишком взбешён, чтобы замечать такие простые вещи. Оставляет телефон в машине. Ему нужна тишина.

Поднимается по ступеням, тихо скрипящим под его весом, отпирает замок, неторопливо заходит домой. Свет не включает. Сумеречного света хватает, чтобы не разбить мебель. На кухне он открывает холодильник, вытаскивает бутылку пива и уже собирается подняться наверх, когда раздаётся стук в дверь. Тормозит. Да, сука. Он почти уверен в том, кто именно стоит на пороге, поэтому садится на ступени и принимается неторопливо потягивать пиво. Ухмыляется, когда Косински начинает сыпать виртуозными трёхэтажными матами, временами понятными только ему, нисколько не заботясь о том, что это могут услышать соседи.

Спустя пару минут Хантер поднимается, разворачивается

и направляется наверх, зная, что Эрик и сам сможет зайти, используя запасной ключ, спрятанный на выступе над входной дверью. Хантер заходит в ванную. Щёлкает по выключателю, делает ещё один глоток пива и ставит бутылку на раковину, упираясь в неё же ладонями. Смотрит на своё отражение.

Всё так же не узнаёт.

Быстро понимает, что душ принимать уже не хочет. Поэтому хватает бутылку с потеплевшим пивом, покидает ванную и спускается вниз. Эрик стоит на кухне со скрещенными на груди руками.

— Ты телефон нахер выключил?

Хантер проходит мимо, кидает в урну бутылку и лезет в холодильник за второй. Немного думает, достаёт две. Одну ставит перед Риком, обходит кухонный остров, поворачивается корпусом к мужчине, продолжающему сверлить его взглядом. Раздаётся характерный «пшик» и Рид отправляет крышку от бутылки в урну. Делает глоток.

— Мне нужно было побыть одному. Ещё немного и, боюсь, из моих ушей хлынули бы потоки крови от твоей болтовни. — Косински щурится. — Чего ты истеришь?

— О, я даже и не знаю, дай подумать, — ехидничает. Пиво не берёт. — Может, потому, что ты сегодня буквально плюнул в лицо боссу и просто ушёл? Я думал, что тебя уже псам скормили, кусок ты эгоистичного дерьма! — О, кажется, он чертовски зол. — Ты накосячил.

— Не указывай старшим, салага, — усмехается Хантер, поднося бутылку ко рту. Замирает, увидев широкую улыбку мужчины. — Зубы решил посушить?

— Сколько, по-твоему, мне лет?

— Какого хрена меня должны волновать подобные вопросы? Не знаю. — Думает секунду. — Лет двадцать восемь?

Эрик беззвучно смеётся.

— Мне тридцать шесть. Я на два года старше тебя и на пять дюймов выше. — Он молчит пару секунд. — И в плечах шире.

Замолкает, наслаждаясь выражением лица Хантера. Тот так и стоит, держа бутылку у рта. Медленно её опускает, пытаясь на мужчину.

— Не свисти, — говорит, поморщившись.

Косински отставляет бутылку и разводит руки в стороны, становясь абсолютно серьёзным.

— Посмотри на меня, Хантер. Я имею в виду действительно *посмотри*. — Теперь в его взгляде проскальзывает злость. — Дядюшка преуспел в том, чтобы меня видели определённым образом, верно?

К злости примешивается презрение. Хантер избавляется от пива и становится серьёзным. Косински отталкивается от стола, на который опирался.

— Что произошло? — неожиданно для себя спрашивает Рид, осознав, что ему действительно интересно.

Ответ получает не сразу. Не удивляется этому, ведь они

довольно редко ведут подобные разговоры.

— Моя мать приехала в США, поддавшись на уговоры Дона. К тому времени он уже сколотил какую никакую банду и имел какой-то вес. Сначала всё было неплохо, а потом она умудрилась влюбиться в копа. Взаимно, насколько мне известно. — Отводит взгляд. — Дон узнал об этом и, естественно, не был в восторге. Так что завалил его. Только вот незадача, мама уже ждала меня.

— Он знает, что ты знаешь? — тихо спрашивает. Хмурится. Не знает что ещё сказать, ведь никогда особо не задумывался над взаимоотношениями в семье Косински. Не его дело.

— О том, что он убил отца? — Сжимает губы в тонкую полоску, качает головой. — Нет. Я и не должен был. Но за эти годы слышал некоторые подробности то тут, то там. Дядя превратил жизнь своей младшей сестры в ад. Она стала посмешищем. А когда родился я, всё стало ещё хуже. Он держит меня возле себя совсем не потому, что я сын его любимой сестры. Он делает это, потому что самовлюблённая скотина. Я — напоминание. — Горько усмехается. — Когда мамы не стало, Дон начал активно втягивать меня во всё это криминальное дерьмо, прекрасно зная, что я ненавижу это. Сука, он мне даже кличку дал.

— Какую?

Хантер приподнимает бровь. Эрик усмехается.

— Джонни. — Пожимает плечами. — Это ж как имя на-

рицательное, понимаешь? В любом фильме, снятом до нулевых есть такой вот Джонни. Тупой и бесполезный кусок дерьма, таскающийся за главным героем. «Джонни» — это эквивалент неудачника.

— Хорош мне лапшу на уши вешать, — с нервным смешком говорит Хантер. Цепляет зубами сухую кожу на нижней губе. Хмурится. — И почему ты молча терпишь?

— Я... — Мужчина пожимает плечами. — Мне было плевать. Я был тем, кем меня хотели видеть большую часть своей жизни. В детстве рядом не было того, кто научил бы меня давать отпор. Отец мёртв, мать... — Замолкает, не продолжает мысль. — А потом появился ты. Конечно, ты вечно ведёшь себя как мудака. — Усмехается. — Но первый посмотрел на меня, как на человека. — Замолкает, пожимая плечами. — Не хочу больше молчать.

— А чего ты хочешь? — интересуется настороженно.

То, куда ведёт разговор, Хантеру совсем не нравится. Потому что...

— Отомстить.

Вот поэтому, да. Поиски кровной мести совсем не то, в чём ему нужно участвовать. Эрик продолжает:

— За отца. За мать, которую этот ублюдок превратил в бледную тень самой себя. За ребёнка, которому он испоганил всю жизнь. А когда закончу с ним, хочу сжечь к херам весь его долбаный бизнес и всех прихвостней.

Нет, нет, нет, Хантер, это слишком просто. Тебе не мо-

жет так повести, ты же знаешь, ну! Эрик смотрит исподлобья взглядом, который пробуждает какое-то давно забытое Хантером ощущение. Они же собачатся чаще, чем дышат. Да ему же всё равно, что там с этим Риком происходит... Да он же...

— Почему сейчас?

Бля.

— Что? — не понимает Рик.

Хантер подходит к столу, разделяющему их.

— Почему ты говоришь об этом сейчас? Почему мне? Не боишься, что я настучу ему? — щурится, когда Эрик усмехается.

— Нет, ты не настучишь. Я рассказал тебе, потому что доверяю. Только тебе, пожалуй. — Хантер хмурится, не понимая его логики. — А почему сейчас... — Пожимает плечами. — Эти новые партнёры... Ничем хорошим это не закончится. Наркотики и оружие это одно. Терроризм — совсем другое. — Хантер продолжает молчать и Косински кивает, понимая. — Если думаешь, что это какая-то уловка, то можешь выдать меня Дону. Если ты прав, то это будет значить, что ты прошёл проверку. Если нет — меня просто прикончат, как предателя.

— И что ты предлагаешь? — с усмешкой интересуется Хантер. Косински прав, именно об этом он и подумал.

— Остановить их, — просто заявляет.

Усмешка сползает с лица Хантера. Он внимательно смотрит на мужчину, спокойно стоящего напротив него. То есть

действительно смотрит, задумавшись о том, как сильно мнение об одном человеке влияет на то, каким ты его видишь. Чёрт, как он не замечал этого раньше? Широкие плечи, светлые волосы вечно зачёсанные назад, мешковатые джинсы, грубые армейские ботинки, чёрная толстовка с огромным капюшоном и дутая, короткая куртка. Хантер уверен, что Эрик выглядел так всегда, но он не помнит, чтобы до сегодняшнего вечера в его голове имелся чёткий образ этого человека. Это какая-то психологическая херня, известная только Дону? Какого чёрта? Хантер пытается проанализировать всё, что только что рванулось нефильТРованным потоком в его уставшее сознание и понимает, что ему нужно кое с кем переговорить. Встречается взглядом с Риком, видит, что тот нервно грызёт внутреннюю сторону щеки. Отталкивается от подоконника, шагает в сторону двери.

— Эй, ты куда?

— Есть одно дело, — отвечает на ходу. — Скоро буду. Пиццу закажи. Не веганскую.

Он выходит, хлопнув дверь. Эрик остаётся стоять в коридоре. Усмехается, почувствовав небольшой укол облегчения.

Хантер говорит, что скоро вернётся, но он не совсем честен. Не знает, когда вернётся. Потому что не знает, решит-

ся ли на то, что нужно сделать. Поэтому уже около двух часов он просто катается по городу, выкрутив громкость приёмника на полную и погружаясь в переливы гитарных рифов отцов американского рока. Периодически, против его воли, взгляд возвращается к бардачку, в котором лежит предоплаченный телефон. На очередном перекрёстке, пока он ждёт зелёный свет, Хантер резко наклоняется и достаёт устройство. Смотрит на него несколько секунд, кидает на переднее пассажирское сидение, используя нетерпеливые гудки машин, стоящих позади, как предлог повременить с чёртовым звонком.

Вжимает педаль газа в пол, повернув на следующую улицу. Чтобы отвлечься, начинает прокручивать в голове недавний разговор с Эриком. Он снова думает о том, как его мнение об этом человеке влияло на то, как он его видел. Ведь Хантер действительно до сегодняшнего вечера был абсолютно уверен в том, что Косински выглядит немного иначе. Но когда тот говорил о своих родителях и ненависти к Дону, словно преобразовался прямо на глазах во взрослого, серьёзного мужика. Хантер усмехается. Где его хвалёная проницательность, если он никогда по настоящему не видел того, кто был рядом с ним всё это время? И насколько подло хитёр Дон, провернувший такое дерьмо? Ведь он наверняка знал, что именно делает с племянником на протяжении всей жизни.

Размышляя над этим, Рид неизбежно возвращается к по-

следней части разговора. Той, которая касается уничтожения Дона. Против ли он? Чёрт, нет. Он на триста сорок процентов «за». Особенно на фоне последних событий. Но проверить это довольно сложно. Для того, чтобы осуществить нечто подобное те, кто в этом замешан, должны безоговорочно доверять друг другу. А у Хантера пунктик насчёт доверия. Может ли он доверять Эрику настолько? И... что, если вся эта слезливая история просто проверка? Он считает, что знает Рика достаточно хорошо, чтобы быть уверенным в том, что тот говорил правду. Но стопроцентной гарантии нет.

Её никогда нет.

Ему нужно с кем-то поговорить. И единственный человек, которому он может рассказать всё, не таясь, недоступен. Хантер сжимает челюсти и резко тормозит, паркуясь у какого-то бара. Долго смотрит на неоновую вывеску и людей, входящих и выходящих оттуда с завидной регулярностью. Поздний вечер. Люди, возвращаясь с работы, забегают ненадолго вот в такие бары и пабы, чтобы немного расслабиться перед тем, как вернуться домой и почти сразу лечь спать, потому что завтра рано вставать и снова тащиться на работу. Вот на что похожа жизнь большинства людей, живущих в Нью-Йорке. Работа, дом, работа, бар, снова дом. Нет времени ни на что другое. Если ты хочешь жить в городе, подобном этому, то нужно зарабатывать достаточно. Рид с удивлением понимает, что с удовольствием поменялся бы местами с одним из

этих работяг. Хотя бы на время.

Косится на телефон, лежащий на соседнем сидении и чернеющий небольшим прямоугольником. Больше не думает, хватает его, набирает выученный наизусть номер, жмёт на кнопку вызова и делает то, на что не решался последние восемь лет. У них было только одно правило. Хантер никогда не должен выходить на связь самостоятельно. Он был тем, кто всегда ждал. Знака, зашифрованного сообщения, звонка с неопределённого номера. Но в этот раз у него нет на это времени. В этот раз он сомневается в своём следующем шаге.

Прикладывает трубку к уху и пока слушает длинные гудки, отбивает пальцами нервный ритм по рулю. Пальцы замирают в воздухе, когда он понимает, что на звонок ответили. Но не слышит ничего, кроме звенящей тишины.

— Нужно поговорить, — произносит после мимолётного замешательства.

Пару секунд никто не отвечает, а потом он слышит лишь короткие гудки. Хмурится, отрывает телефон от уха и смотрит на него, словно видит в первый раз. Прикрывает глаза, выдыхая.

— Да что б тебя, — цедит сквозь сжатые зубы и раздражённо кидает устройство на соседнее сидение.

Трёт лицо рукой, сдавливая подбородок пальцами, впиваясь взглядом в чёртов неон, оцепенев на секунду. Машет головой из стороны в сторону. Ладно. Он подал сигнал. Остётся ждать сообщения о времени и месте встречи. А пока

пора возвращаться домой. Заводит движок, перестраивается и вливается в поток машин. Едет, ни о чём особо не думая, расфокусировавшись на отблесках фонарей, ползущих по лобовому стеклу, но в какой-то момент чутьё заставляет перевести взгляд на зеркало заднего вида. Сначала не понимает, что именно заставляет его насторожиться, а потом цепляет взглядом черный внедорожник, перестроившийся в левый ряд следом за ним. Хантер напрягается.

Стёкла тонированные и у него нет возможности разглядеть сидящих внутри людей. Он сворачивает на следующую улицу, внедорожник поворачивает следом и тогда Хантер жмёт педаль газа в пол. Поток машин не даёт разогнаться как следует, но этот же поток и не даёт преследовавшей машине догнать его. Пару кварталов спустя теряет преследователя из виду. Хмурится. Решает свернуть на прилегающую, чуть более узкую, улицу, подальше от глаз. Немного сбрасывает скорость, хаотично думая, что это сейчас было. Так сильно задумывается, что успевает затормозить лишь в самый последний момент, когда из-за угла выскакивает тот самый внедорожник. Хантер застывает, встречаясь взглядом с водителем, который хорошо виден в свете фар. Он в маске. Как и те, кто сидит с ним в машине.

У Рида есть пара секунд для принятия решения, прежде чем кто-то что-то предпримет. Успевают подумать только об одном: сука, нет, нахрен, никакого выхода. А потом резко подаётся в сторону, упав на сидения, мгновение спустя разда-

ются звуки выстрелов и стекло, разбитое в крошево пулями, осыпает его с ног до головы. Хантер переползает на заднее сидение, прикрывая голову руками, выхватывает пистолет, засунутый за пояс джинсов и открывает ответный огонь, прекрасно понимая, что его колют слабая ответка против штурмовых винтовок, а судя по звуку и разрушениям от пуль, это именно они.

Рид дёргается и глухо стонет, сцепив зубы, потому что чувствует сразу два очага боли, парализующей и нагоняющей страх. Те, кто говорит, что не боится смерти, боли и прочего дерьма — безбожно лгут. В том числе и он. Потому что когда ты оказываешься загнанным в угол, как бешеное животное, становится очень даже страшно. Хотя бы потому, что ты не видишь выхода. И дело не в том, что тебя не станет. Дело в том, что тебе не дают выбора в том как именно тебя не станет.

Он забивает на всё это дерьмо и на боль, волнами накатывающую, сосредотачивается на том, чтобы найти выход. Крутит головой, цепляет сначала взглядом, а потом и окровавленными пальцами петлю на заднем сидении, тянет на себя, усмехается.

— Выкусите, суки.

Когда наёмники проверяют машину на наличие трупа, то не находят ничего, кроме залитых кровью сидений и багажника. У них нет времени искать. Всё должно было быть просто. Увидел цель — убил. Они и не сомневались в исходе де-

ла. А теперь придётся объясняться перед начальством. Все трое быстрым шагом идут к машине. Тот, что идёт последним, перед этим ещё раз осматривает территорию. И то ли из-за того, что у него нет времени. То ли из-за того, что он поддаётся злости, но так или иначе он не замечает следов крови, обрывающихся у канализационного люка, расположенного прямо под багажником машины.

Глава 5.

Просторное помещение заполнено тихим гулом голосов. Рочестер гипнотизирует устройство, распылившее смертельный газ в зале суда, до рези в глазах, пытаясь сложить картинку в нечто большее, чем какие-то мутные непонятные фрагменты. Получается не очень, поэтому он чертовски рад отвлечься, когда замечает вернувшихся от судмедэксперта Моджо и Калвертона. По физиономии Дэйва Мак понимает, что и с китайцем у них не густо.

— Совсем ничего? — уныло спрашивает он.

Моджо издаёт какой-то непонятный звук, плюхаясь на свободный стул. Калвертон остаётся стоять, опираясь на стол.

— Этот Ли Чанг какая-то мутная лошадка, — отвечает он, скрещивая руки на груди. — Приехал в отпуск. А в бланке грузоперевозок значится оборудование для исследований.

— Последний раз его видели в «Вольте», — подхватывает

недовольным голосом Дэйв, — в пятницу, тринадцатого. В сопровождении какой-то дамы.

— Джим! — Мак поворачивается к технику. — Видеозаписи?

— Обрабатываем, сэр. Качество отвратительное, народу тьма.

— Бренда, — Мак переводит взгляд на девушку, — защиту обошли?

— Ещё нет, но я почти закончила. Не знаю, кто её ставил, но я бы потягалась с этим засранцем. Он профессионал.

— И зачем обычной школьнице такая защита на ноутбуке? — нахмурившись, спрашивает Раст ни к кому конкретно не обращаясь.

— Затем, что Салли Макнот не обычная школьница, а террористка? — саркастично предполагает Дэйв. Раст отвечает ему недовольным взглядом.

— Сэр! — К ним направляется один из агентов, размахивая в воздухе папкой. Дэйв не помнит его имени. — Пришёл ответ на наш запрос из Китая. По Ли Чангу.

Мак встаёт и протягивает руку. Хмуро смотрит на папку, медлит, прежде чем открыть её. А когда всё же делает это, то по лицу становится понятно, что ему совсем не нравится то, что он видит. Прикрывает глаза, тихо выругавшись себе под нос. Моджо и Калвертон переглядываются.

— Мак? — обеспокоено зовёт Раст.

— Ведущий специалист исследовательской лаборатории

мирового уровня, — мрачно сообщает тот.

— Ли Чанг? — нахмурившись, переспрашивает Раст.

— Что исследовали? — одновременно с ним спрашивает Дэйв.

Мак открывает глаза. Смотрит на одного, затем на другого.

— Смертельные вирусы, — отвечает тихо.

— Ну а почему бы и нет? — язвительно вопрошает Моджо. — Почему бы, мать твою, и нет? Нам ведь мало всякого дерьма, давайте-ка намажем сверху толстым слоем смертельного газа и приправим вирусами. — Замолкает, сжимая челюсти. Зло усмехается. Качает головой.

— Сэр! Я вошла! — громко оповещает Бренда, наклоняясь ближе к монитору.

Мак, Дэйв и Раст переглядываются. Дэйв резко крутится на стуле, поворачиваясь лицом к огромному экрану, расположенному на стене. Раст встаёт рядом с ним, а Мак, кинув папку на стол, выходит в проход, приближаясь к экрану.

— Выводи.

Бренда щёлкает по клавиатуре и взгляды всех присутствующих обращаются к экрану. Повисает тишина.

— Грёбанный звездеч, — шепчет Дэйв. — Сраное поколение.

На экране каскадом открывается множество окон в браузере. Форумы, сайты, чаты. Один из них привлекает внимание Мака.

— Бренда, — произносит он сухо.

Девушка понимает и выводит на первый план именно это диалоговое окно. Открывает журнал сообщений. На первый взгляд чушь.

— Это зашифрованные послания, — тихо говорит Мак.

— Кто читал Коран? —

Помимо парочки человек, поднявших руки, реагирует и Моджо. В ответ на вопросительный взгляд напарника пожимает плечами.

— Что? Хочешь знать врага, изучи его религию.

— Да. Верно, — кивает Мак. — Проблема в том, что террористы в большинстве своём не читают Коран. Они вырывают слова из контекста, вертя ими как удобно, забивая головы тех, кто знает и того меньше их. — Переводит взгляд на Моджо. — Мы боремся не с мусульманами. Мы боремся с теми, кто притворяется ими. И этот Хасан Аббас... — он усмехается, — не удивлюсь, если он окажется каким-нибудь Джоном Смитом из Юты. Не верящий ни во что, кроме силы денег

— Никаких жёстких задержаний мусульман? — уныло ворчит Дэйв.

— Оставь свои шуточки, Дэйв, — сухо отвечает Мак. — Мы защищаем людей независимо от их вероисповедания.

Дэйв закатывает глаза, но кивает. Плевать ему и на вероисповедание, и на расу, и на, мать её, сексуальную ориентацию. Он давно понял, что если ты мразь, то все эти крите-

рии не имеют к этому никакого отношения. Человек является ублюдком просто потому, что, ну, он ублюдок.

Мак поворачивается к экрану.

— Очевидно, что Салли очень долго общалась с кем-то в этом чате. Отправьте все тексты аналитикам. Бренда, вычисли адрес.

— Сэр, — перебивает Джим, поправив очки. — Система распознавания лиц выдала почти стопроцентное совпадение по человеку из суда.

Мак кивает. Техник выводит дело с фотографией на большой экран.

— Твою мать! — с нездоровым восторгом говорит Дэйв.

— Это что, Сабур Мануф? — бормочет Раст.

— Он самый, — кивает мак. Смотрит на Раста. Засовывает руки в карманы брюк. — Выпускайте ориентировку.

— Форест, тебя не слышно.

Эрин улыбается, потому что Теона выдаёт очередную шуточку. «Я сказала, что немного задержусь, — повторяет Тео в трубку, пытаясь перекричать музыку. — Эффи предложила завалиться к ней домой и мы пожарим барбекю, так что не жди меня, ложись спать».

— Ладно, — отвечает Эрин, выходя из лифта на своём этаже. — Не добирайся домой одна, хорошо? Пусть тебя

проводят.

«Как скажешь, мамочка, — в голосе Теоны слышится ухмылка и Эрин закатывает глаза. — Если решу остаться у Эффи, скину сообщение. А то тебя удар хватит с утра, если ты меня не увидишь».

— Пф, да сдалась ты мне, заноза в заднице, — поддевает Эрин, шагая по коридору к двери их квартиры и одновременно роясь в рюкзаке в поисках ключей.

«Всё ещё не правдоподобно, Эрин, — засмеявшись, отвечает Тео. — Ладно, мне пора. Мужиков не водить!»

— Хорошо повеселиться, — усмехнувшись, говорит девушка и отключается.

Наспех засовывает телефон в карман брюк, продолжает копаться в рюкзаке, тихо выругавшись. Доходит до двери, не глядя под ноги. Натыкается пальцами на знакомый предмет.

— Да неужто, — выдыхает с облегчением.

Кое-как натягивает лямку рюкзака на плечо, перехватывая её удобнее и уже тянется к ручке двери с ключом, зажатым в ладони. Замирает. Хмурится. Наклоняется, чтобы лучше разглядеть то, что заставило её остановиться. Резко выпрямляется. У ручки и на поверхности двери, выкрашенной в светло-бежевый цвет, смазанным пятном темнеет... кровь? Эрин медленно поднимает голову, уставившись в деревянную поверхность, тянет руку и указательным пальцем тычет в неё. Дверь бесшумно открывается, поддавшись давлению. Значит, не закрыта. Морган ждёт, пока та достаточно

откроется, и заглядывает внутрь.

Свет не горит, но огни города освещают просторное помещение достаточно для того, чтобы можно было увидеть что именно творится внутри. Нихрена там не творится. Эрин тянет руку в бок, щёлкает выключателем и в помещении моментально становится светло. Шарит взглядом, ищет. Бесшумно заходит внутрь, прикрыв за собой дверь, но не до щелчка. Аккуратно спускает рюкзак с плеча, перестаёт дышать, заметив капли крови на полу. Прослеживает взглядом их направление и понимает, что те ведут к лестнице.

Быстро и бесшумно доходит до кухни, берёт большой нож для разделки мяса и шагает к лестнице. Добирается до второго этажа, вцепившись в перила так, что перестаёт чувствовать пальцы на руке. Замирает, осматривает небольшой коридорчик и останавливается взглядом на двери в свою комнату.

Приоткрыта.

Сердце колотится так, что кажется вот-вот пробьёт грудную клетку. Эрин дышит поверхностно и часто, рискуя заработать гипервентиляцию лёгких. А потом её грудная клетка замирает на вдохе, потому что она слышит едва уловимый глухой стон и раздражённое бормотание из комнаты. Хмурится. Крепче сжимает рукоятку ножа и сцепив зубы шагает к двери. Резко выдыхает, толкает дверь, та со скрипом открывается. Эрин щёлкает по выключателю, расположенному сразу слева от двери и цепенеет.

— Морган, твоё гостеприимство просто поражает, — с нахальной ухмылкой говорит Хантер, глядя на нож в её руке. Секунду спустя лицо искажается от явной боли и он снова издаёт этот звук. Что-то среднее между стоном и рыком.

Он сидит на полу, прижимая к левому боку окровавленную руку. Из-под пальцев сочится кровь, как и из раны на правом плече. Хантер опирается спиной в стену под подоконником, от двери к нему тянется след из приличного количества крови.

— Какого хрена ты притащился сюда? Почему не больница?

Хантер пожимает плечами.

— Я вышел по УДО чуть меньше недели назад. Пара пуль, застрявших в моей тушке вызовет ненужные вопросы.

Эрин проходит в комнату и кидает нож на комод, отворачивается.

— Ну так вали к своим друзьям, — со злостью предлагает, поворачиваясь к нему всем телом. Хантер корчит гримасу, цокнув языком.

— Тут такое дело... — Усмехается, глядя куда-то в пол. — Меня терзают смутные сомнения относительно того, что кто-то из них и преподнёс мне этот подарочек. Так что и к ним путь заказан. — Усмешка исчезает. Взгляд тяжелеет. — Мне нужна твоя помощь. Сам я это дерьмо из себя не вытащу. — Он видит насколько стремительно бледнеет лицо девушки при этих словах. Невинно хлопает глазами. — Пожалуйста,

скажи, что ты не боишься вида крови.

— Это не имеет значения, — резко отвечает Эрин, опираясь на комод и скрещая руки на груди. — Я не собираюсь тебе помогать. С какой стати? Ты угрожал мне. Ты угрожал Тео.

— Что... — Хантер отводит взгляд, облизнув пересохшие губы, и снова смотрит на неё. — Что, если я скажу тебе, что я агент ФБР, работающий под прикрытием? И если я обращусь за помощью в больницу, а после этого меня сцапают и не запихнут снова в «Райкерс», то у тех, к кому я внедрил-ся, возникнут вопросы? Я буквально подпишу себе смертный приговор. Не говоря уже о том, что годы проведённой работы отправятся нахер, — замолкает, пристально глядя на девушку. Эрин щурится.

— Ta tu ag tabhairt dom roinnt seafoid¹, — возмущенно шипит. Мужчина усмехается, провокационно улыбается, пожимает плечами.

— Tá brón orm, oibríonn sé de ghnáth². — Кашляет, подтягивается и с трудом, но встаёт. — Приятно было поболтать, — делает нетвёрдый шаг по направлению к двери, — но у меня ещё куча дел, — сообщает с сарказмом в голосе. Эрин не отвечает, глядя себе под ноги, а когда Хантер оказывается на одном с ней уровне, поворачивает голову.

— Куда ты пойдёшь? — спрашивает тихо.

¹ Ты втираешь мне какую-то дичь (ирл.)

² Прости, обычно это работает (ирл.)

— Не твоего ума дело, — огрызается, не глядя на неё. Спотыкается, бьётся раненым плечом о косяк. — Грёбаное дерьмо...

Эрин закатывает глаза. Неуверенно хватается его под локоть. Хантер косится в её сторону, приподняв бровь. Она не обращает на это внимания, но не может не отметить насколько он бледен. Кожа почти белая, оттого веснушки проступают гораздо чётче.

— Услышу хоть одно ехидное замечание — позвоню в полицию, — сухо предупреждает и слегка тянет Хантера назад.

К удивлению Эрин, тот молчит, ковыляя к кровати с её помощью. Тяжело садится на матрас, а затем и вовсе заваливается набок. Девушка остаётся стоять над ним, закусив губу и думая о следующем шаге. Садится на корточки, стягивает с него ботинки, стараясь не думать о том, что и почему делает. Помогает устроиться удобнее. Хантер, почувствовав себя в относительной безопасности и осознав, что Морган не вызовет полицию и не выгонит его, расслабляется настолько, насколько это вообще возможно в данной ситуации. Ошибка. Потому что как только он это делает, сознание, потеряв необходимость в тотальной концентрации внимания, начинает уплывать.

— Эй! — Эрин наклоняется к нему и несильно хлопает ладонью по щеке. Хантер с трудом разлепляет глаза. — Что мне делать?

Рид тяжело поднимает руку к лицу, трёт его.

— Нужно вытащить пули и зашить раны, — говорит слабым голосом.

— Что? — лепечет в ответ.

— Если не хочешь шить, можно прижечь, — предлагает он следующий вариант таким тоном, будто они обсуждают то, какого вкуса мороженое купить.

— А если задеты важные органы? — спрашивает Эрин возмущенно. — Что, если у тебя внутреннее кровотечение?

— Обе пули застряли в мягких тканях, почти на поверхности. Если бы случилось что-то из того, что ты перечислила, я бы уже давно сдох, — шепчет он. — Нужно вытащить их и просто остановить кровь.

Эрин хмурится, стоя на коленях у своей кровати и глупо пялясь на человека, истекающего кровью. Почему она вообще возится с ним?

— Ладно, — наконец говорит, выдохнув. — Но я никогда не делала ничего подобного. Так что тебе придётся направлять меня. — Хантер смотрит на неё из-под полузакрытых век серьёзным взглядом.

— Нужен острый нож, пинцет, игла и нитки. — Думает. — Чистая ткань, бинты, вода.

— Хорошо. Сейчас принесу, — кивает, резко поднявшись на ноги. Тормозит, потому что Хантер хватается её руку с силой человека, не теряющего сознание.

— И виски, — хрипит он. Хмурится. — А лучше водку. Есть?

Эрин снова кивает. Хантер ещё секунду смотрит ей в глаза, а затем отпускает. Она возвращается так быстро, как только может. Когда заходит в комнату, Хантер дёргается, пытаясь встать, будто ждёт нападения. Эрин замирает, глядя на него широко открытыми глазами. Не замечает, что задерживает дыхание до тех пор, пока Хантер, осознав кто зашёл, не расслабляется, прикрывая глаза. Эрин осторожно подходит к кровати и опускается перед ней на колени, освобождая руки.

— Водка где? — раздражённо спрашивает Хантер.

Морган молча протягивает ему бутылку, предварительно открыв. Мужчина жадно прижимается губами к горлышку, делает два больших глотка даже не поморщившись, а затем льёт прозрачной жидкостью на обе раны. Девушка секунду смотрит на его покрытое испариной лицо, поднимается на ноги, перед этим освободив чашку, и быстрым шагом направляется в ванную, чтобы налить воды.

Когда возвращается, взгляд поблескивающих горячечным бредом глаз Хантера, неотрывно следит за ней. Эрин снова опускается на колени, поднимает руки и секунду медлит прежде, чем хватается за окровавленный край футболки. Когда она приподнимает ткань, Хантер морщится, потому что кое-где кровь уже успела засохнуть. Эрин чувствует удушающий приступ тошноты, когда видит аккуратное отверстие от пули в человеческой плоти.

— Давай сначала ту, что в плече, — хрипит Хантер, не

переставая наблюдать за ней.

Морган поднимает на него испуганный взгляд и уже собирается сказать, что не сможет, нужно отвезти его в больницу, но, заглянув ему в глаза, понимает — Хантер скорее сдохнет в сточной канаве от потери крови, чем согласится на это. Поэтому она выдыхает, вспоминает всё, что Рид говорил и делал ей, чтобы не переживать о том, что делает кому-то больно. В конце концов этот кретин наверняка не переживает, когда причиняет боль другим. Эрин режет футболку, окончательно портя вещь, льёт на лезвие ножа водку, оставляет бутылку и медленно заносит руку над раной. Замирает.

— Не обязательно резать, — весело говорит Хантер, глядя на её трясущиеся руки. Эрин встречается с ним взглядом. — Пуля просто застряла в мясе, вытащи её пинцетом. — Она сжимает челюсти. — Пальцами? — предлагает ещё один вариант, приподняв брови.

— Так, ну всё...

Эрин резко поднимается на ноги, отходит на несколько шагов, отворачивается и упирается ладонями в колени, часто дыша через рот.

— Вот уж не думал, что ты такая слабачка, — поддевает её Хантер. — Тебя хватило только на то, чтобы выучить пару ругательств на родном языке? — Она медленно поворачивается к нему лицом, чувствуя злость. Он похабно усмехается. — Наверное, это заводит мужиков, да?

Улыбается шире, видя, что вывел девушку из себя. Это

именно то, что ему нужно. На данный момент Морган единственный человек, в непричастности которого к обстрелу он может не сомневаться. Просто потому, что та не в состоянии организовать нечто подобное. Об остальных он такого сказать не может. Эрин щурится.

— Blaigeard³, — говорит едва слышно.

— Именно так, — соглашается Хантер, растягивая слова.

Эрин поддается своей злости. Не думает. Просто делает. Кровь. Мясо. Свинец. Она вытаскивает пулю. Вторая засела глубже. Эрин режет, ищет, тянет, пока не чувствует, как та поддается. Через час она, обессиленная, сидит на полу перед кроватью.

— Да ты хренов мясник, мать твою, — сипит Хантер, откинувшись на подушку и переводя дыхание. Эрин усмехается.

— Ты всё ещё можешь обратиться за помощью в больницу.

Хантер недовольно хмурится, чувствуя, что сдаёт позиции в какой-то незримой, возможно им надуманной, борьбе. Но и это, и боль, вгрызшаяся в кости, отходят на задний план, потому что Хантер перестаёт чувствовать своё тело и не может зацепиться взглядом хоть за что-то, ведь и комната, и Эрин, и постель в которой он лежит, уплывают, мутнеют, а после и вовсе исчезают. На их место приходит темнота.

³ Ублюдок (ирл.)

Эрик не спал всю ночь, пытаясь дозвониться до Хантера. Бесполезно, тот не отвечал. И Рик находил этому лишь одно объяснение — его дядя добрался до этого придурка. Он пытался успокоить себя полночи всяческими доводами, начиная с того, что Дон просто не станет избавляться от одного из своих лучших людей и заканчивая тем, что Хантер нужен ему для работы с «Паноптикумом». Но никакие доводы не помогли. Поэтому как только часы пробили восемь утра, Косински сел в машину и поехал в штаб группировки, которым является один из первых открытых дядей ресторанов.

У чёрного входа его встречает Арво.

— О, Рик, — расплываясь в ехидной улыбке, говорит он, — перепутал день с ночью?

Косински не реагирует на его слова.

— Ты чего так рано припёрся? — Эрик продолжает идти к двери, даже не взглянув на него, вынуждая встать у себя на пути. — Ты оглох что ли?

Эрик хватается за куртку и отодвигает со своего пути, впечатав в кирпичную стену.

— Свали с дороги.

Арво не ожидает этого. Даже не пытается задержать его. Только кричит вслед, когда эрик уже скрывается внутри:

— Завязывай с наркотиками, козёл!

Внутри тихо. Он пихает двери, оказывается в полутёмном

зале ресторана. Света здесь почти нет, тяжёлые шторы за-
дёрнуты, поэтому царит полумрак. Стулья стоят на столах,
перевёрнутые вверх ножками. И только в дальнем углу зала
они опущены. Потому что за столом, сидя в компании своих
приближенных, завтракает Дон. Рик шагает прямо к ним и
останавливается на расстоянии пары шагов от стола. Дон за-
мечает его последним, и то только потому, что Бутч замол-
кает. Он поворачивается, смотрит своего племянника и тот
видит всё отношение дяди к нему по выражению лица.

— Что? — недовольно спрашивает Дон.

— Где он?

— О ком ты, чёрт возьми, говоришь?

— Хантер. Где он? — громче повторяет свой вопрос. Ли-
цо Дона вытягивается, а затем он начинает злобно хихикать.

— Да мне откуда знать, где пропадает этот наглый выскоч-
ка? Передай ему, что он облажался, пропустив встречу с на-
шими партнёрами вчера. Так что с него должок.

Закончив говорить, Дон поворачивается к Эрику спиной и
спокойно продолжает завтракать. Эрик смотрит на его заты-
лок. Злость, копившаяся годами, поднимается изнутри. Он
делает шаг вперёд.

— Если ты что-то сделал, дядя...

Дон поднимает голову и щурится. В его глазах мелькает
слабый интерес. Эрик выпрямляется, разворачивается. Он
почти выходит, когда Арво, не умеющий держать язык за зу-
бами, открывает свой рот:

— Ой, вы только посмотрите, у нашего «Джонни» прорезался голосок.

Эрик замирает. Медленно разворачивается. Вытаскивает пистолет и стреляет в пол. В двух дюймах от ног Арво. Тот подпрыгивает.

— Сука! Ты охренел?! — Истерично ощупывает себя, а когда понимает, что цел, начинает ржать. — Он промахнулся! — тонким от страха голосом говорит присутствующим. Злобно смотрит на Рика. — Ты промахнулся, козлина!

— Я целился в шнурок на твоём ботинке, мудака.

Не ждёт ответа, разворачивается и выходит за дверь. Арво опускает голову, шаря взглядом по полу. То же делают и остальные, но резко поднимают головы, когда Дон начинает смеяться. Сначала тихо, но его смех быстро набирает громкость. Арво хмурится, не понимая. Дон указывает пальцем на что-то на полу и когда мужчина, как и прочие, переводит взгляд, то чувствует жгучую ненависть. Дюймах в трёх от его ног лежит кусок шнура. Кусок, мать его, отстреленного от ботинка шнура.

Эрик твёрдым шагом проходит сквозь кухню. Дальше, на улицу. Тормозит, запрокидывает голову вверх и тяжело, медленно выдыхает, разглядывая серое небо. Достает сигарету, прикуривает. Думает. Хантер пропал. И он, сука, надеется, что этот засранец всё ещё жив.

Эрин просыпается в кресле с ощущением того, что всё её тело задеревенело. Кое-как поднимается и сразу же идёт к Хантеру. Его частое и поверхностное дыхание заставляет её нахмуриться. Она задерживает дыхание, касается его лба. Горячий. У него жар.

— Если ты сдохнешь здесь, клянусь, я достану тебя даже в аду, придурок, — зло шепчет, а потом едва не подпрыгивает от того, что слышит какой-то шум на первом этаже.

И тут до неё доходит что именно её разбудило. Входная дверь. Теона вернулась. Эрин запускает пальцы в волосы, смотрит на запястье, перехваченное ремешком часов. Девятый час.

— Да что б тебя, — тихо стонет, задрав голову к потолку. Ей пора собираться на работу, но она не может уйти. Не сегодня точно. Думает, погрызвая внутреннюю сторону щеки. Достает из кармана телефон, набирает Ланкастера. Сэм отвечает после первого гудка.

«Эрин?», — говорит бодрым голосом, наверняка на ногах часов с шести. Эрин отворачивается от кровати и шагает к окну.

— Привет. Сэм, я поработаю сегодня из дома, ладно? — Пока ждёт ответа, грызёт короткий ноготь.

«Что-то случилось?»

Морган буквально видит, как он хмурится, сев ровнее в своём рабочем кресле.

— Ничего страшного. Немного приболела. За пару дней приду в себя. — Выдавливает улыбку, чтобы звучать правдоподобнее. — Все нужные на данном этапе материалы есть в моём ноутбуке, так что я ничего не пропущу.

«Да не волнуйся ты о материалах, — вздыхает Сэм, — думай о выздоровлении. Поняла?»

— Да. Спасибо.

Не ждёт ответа, отключается, тут же крепко зажмурившись.

Сэм один из немногих, кого Эрин может назвать другом и то, что она пользуется его расположением, заставляет чувствовать себя отвратительно. Но если приходится выбирать между этим и хоть малейшим шансом оставить Тео и Хантера наедине, то она несомненно выберет первое. Чувствует злость и раздражение. На него, на себя, на идиотскую ситуацию, в которой оказалась, по собственной воле в том числе. Никто не мешал ей вызвать копов или скорую. Она сделала это? Нет. Почему? Чёрт, готова заплатить тому, кто ответит на этот вопрос. Задумчиво смотрит на Хантера. Возможно, Эрин знает ответ. Возможно, тот образ жизни, который она вела до приезда сюда, настолько въелся под кожу, что ничего другого и не светит. Грязь, насилие, криминал, низкая моральная планка и беспросветное дно. Что, если она никогда не заслужит большего?

Упрямо машет головой. Это бред. Если продолжит думать в этом направлении, то Ронни выиграет. Даже из могилы всё

ещё продолжает контролировать её жизнь. Мерзкая скотина. Эрин поднимает голову, хватается телефон и бумажник. Приведёт себя в порядок, предупредит Тео о том, что в её комнату заходить нельзя даже, если здесь будет шумно, прикинется простывшей и смотается в аптеку.

Потому что одному кретину нужны антибиотики и мази.

Потому что Эрин и сама беспросветная идиотка.

Потому что чёртов Ронни может катиться в ад.

Глава 6.

Эрин нервно выдыхает, прежде чем выйти из комнаты. В последний раз смотрит на Хантера, проверяя пришёл ли тот в себя. Без изменений. Выходит, плотно прикрыв за собой дверь и спускается на первый этаж. Хмурится, не находя подругу, чувствует укол страха, который быстро проходит, когда она цепляет взглядом небольшую худенькую фигуру за стеклом балконной двери. Теона, словно почувствовав, оборачивается, держа у рта сигарету. Улыбается, увидев Эрин, но как-то вымучено. Оно и понятно, учитывая то, что вчера, судя по всему, знатно напилась.

Эрин улыбается в ответ, берет кружку и идёт к кофеварке. Ей нужен кофе. Чертовски много кофе.

— Я думала, ты уже на работе, — с улыбкой в голосе говорит Теона, заходя внутрь.

Эрин невесело усмехается, делает глоток крепкого кофе и

только после этого поворачивается к девушке, прижимаясь к столу поясницей. Бледная кожа, плохо смытый макияж, торчащие в разные стороны волосы, делающие Теону похожей на какого-нибудь чертёнка. И огромные ярко голубые глаза, особенно резко выделяющиеся на фоне бледной кожи.

— Надеялась, что я не увижу следы бурной ночи на твоём лице? — спрашивает с насмешкой. Теона усмехается, забираясь на высокий стул, стоявший у стойки и обхватывая тонкими пальцами свою кружку. Эрин вздыхает. — Я... поработаю сегодня из дома, пожалуй. Сэм дал добро.

— Ммм, мистер Совершенство продолжает делать тебе поблажки? — Теона провокационно ухмыляется. Затем хмурится. — Ты не заболела? Как чувствуешь себя? — обеспокоенно спрашивает. — Так и знала, что эта весна тебя докажет...

— Тео, — прерывает поток ворчания Эрин, — я в порядке. Правда. Просто хочу остаться сегодня дома.

Форест щурится, сканируя её лицо на предмет вранья. Эрин понимает, что не хочет ни кофе, ни есть, ни идти куда-либо, но если с первым и вторым все просто, то отмахнуться от третьего она не может. Отставляет кружку с недопитым кофе, шагает к двери.

— Ты куда это собралась? — Теона спрыгивает со стула, шагая следом.

— Нужно кое-что купить.

— В начале девятого утра?

Эрин натягивает пальто, выдохнув, смотрит на Форест.

— Да. — Широко улыбается, не собираясь посвящать её в подробности. — Я быстро, — разворачивается и покидает квартиру. Чем скорее уйдёт, тем скорее вернётся.

Теона вытягивает губы в трубочку, задумчиво глядя на только что закрывшуюся дверь. Чешет макушку, зевает. Разворачивается и направляется в душ. Потом она собирается как следует выспаться, потому что на вечер запланирована съёмка, которую переносили уже три раза. И если сегодня снова все сорвётся, то она просто упустит шанс. Во-первых, заработать неплохие деньги, а во-вторых, обзавестись ещё одним полезным знакомством. Не смотрит по сторонам, ни о чем не думает, вставая под тёплые струи воды и испытывая тягучую приятную усталость после хорошо проведённого вечера. Когда она выходит из ванной, понимает, что Эрин ещё не вернулась. Переодевается в тёплые мягкие домашние штаны и футболку с длинными рукавами. Идёт на кухню, намереваясь выпить ещё кофе.

Форест проходит мимо лестницы и слышит что-то. Замирает, прислушивается, ничего не уловив, пожимает плечами и направляется к кофеварке. Хватает кружку, наливает кофе, пританцовывая и напевая что-то себе под нос. Берёт жестяную банку с сахаром с полки, набирает белый порошок в ложку и вздрагивает, рассыпав сахар по поверхности стола. Задирает голову к потолку, хмурым взглядом уставившись в него и перестаёт дышать.

Потому что слышит отчётливый, пусть и совсем тихий, стон.

Подпрыгивает на месте от громкого хлопка двери соседей, смотрит на входную дверь, снова переводит взгляд на потолок. Глубоко и медленно вдыхает и выдыхает, решив, что она просто спятила. Понимает, что не сможет успокоиться, пока не убедится, что ей просто показалось. Поэтому осторожно шагает к лестнице, тихо поднимается, морщится, наступив на те ступени, которые скрипят. Вечно забывает о них. Останавливается на верхней ступеньке, нервно смотрит вниз, сжимает челюсть. Какого хрена она ведёт себя, как перепуганная мышь? Это её квартира и никакие призраки здесь не задержатся. Решительно шагает в сторону комнаты Эрин, хватается за ручку и распахивает её, собираясь хорошенько посмеяться вместе с подругой над своей паранойей, когда та вернётся. Вот только то, что она видит, совсем не вызывает желания смеяться.

— Святое дерьмо... — бормочет, внезапно разучившись моргать.

Моджо выключает двигатель. Смотрит на здание ФБР. Трёт лицо руками, всё ещё надеясь проснуться. Пара часов сна не помогли. Он уже не помнит, когда нормально высыпался. Он и отпуск то не брал лет десять. Некогда. Как только

заканчивается одно расследование, сразу же подворачивается следующее. Иногда Моджо думает, что такими темпами лет через десять просто свалится замертво. Прямо среди белого дня. Прямо посреди дороги. Или на очередном месте преступления. Потому что у каждого есть предел и он не знает, когда достигнет своего, но не собирается останавливаться. Это нескончаемый поток. На месте одного убитого или засаженного за решётку, появляется двое других.

Всегда.

Он достаёт сигарету, прикуривает и делает глубокую затяжку, продолжая сверлить взглядом здание. Теряется в потоке нескончаемых мрачных мыслей и не замечает сколько времени сидит вот так, пока самостоятельно тлеющая сигарета не начинает обжигать пальцы.

— Сука, — цедит сквозь зубы, стряхивая пепел прямо на резиновый коврик.

Резко открывает дверь, вышвыривая окурок, и выходит. Твёрдым уверенным шагом направляется к двери, проходит мимо рамы металлоискателя, показывая удостоверение. Идёт по холлу к лифтам, поднимается на нужный этаж. И всё это в безмолвии. Не смотрит ни на кого, ни с кем не разговаривает. Сегодня он в отвратительном расположении духа. То есть он всегда в отвратительном расположении духа, но сегодня всё особенно отвратительнее. И, удивительно, никто не настаивает на соблюдение обычных социальных норм с его стороны, словно он окружён пузырям. И Моджо видит его в

особенно мерзко отвратительном зелёно-коричневом цвете. Наверное, люди чувствуют такие вещи. Ну или у него просто специфически мерзкая рожа, не вызывающая никакого желания вступать с ним в контакт.

Заходит в Центр, моментально цепляет взглядом Рочестера и напарника, направляется к ним.

— Пожалуйста, — говорит им раздражённо, — скажите, что у нас на примете есть хоть кто-нибудь, кому можно надрать зад. — Плюхается на стул Мака, пока тот сидит на столе.

— Кто-то в особо гадком настроении, — с усмешкой говорит Раст, переглядываясь с Рочестером.

Моджо наигранно улыбается.

— Зато на моей рубашке не красуется пятно от блевотины спиногрыза, — отвечает мстительно.

Калвертон резко опускает голову, пытаясь найти пятна и когда понимает, что его рубашка по прежнему белоснежна, поднимает прищуренный взгляд на напарника.

— Когда-нибудь, Дэйв. Когда-нибудь ты поймёшь, что отцовство — это лучшая вещь на свете, — говорит снисходительным тоном, на что тот качает головой, усмехаясь.

— Ну уж нет. — Наклоняется к столу, облокачиваясь на него. — Никогда по этой земле не будут ходить мои дети. Этот грёбанный мир слишком сгнил, чтобы я добровольно кидал в него слабых и незащищённых существ, — заканчивает задумчиво.

— «Блевотина», «спиногрыз», «существо»... — хмыкнув, вливается в разговор Мак. — Какие чудесные эпитеты, Моджо.

— Что с чатом? — меняя тему разговора, спрашивает тот.

— Тишина, — отвечает Мак, — но ещё слишком рано. Суток даже не прошло. — Моджо смотрит на него исподлобья.

— У нас нет времени, — говорит тихо.

— Я знаю.

— Сэр... — неуверенно зовёт его Джим. Вся троица поворачивает головы в сторону техника. — Мануф. Как только нам стало известно его имя, мы запустили ориентировку. — Замолкает, словно забыл свою следующую реплику. Мак тяжело вздыхает.

— Я в курсе, Джим. И?

— Одна из камер наружного видеонаблюдения засекла его.

— Где? — спрашивает Моджо, резко встав со стула.

— Бруклин, — настороженно отвечает Джим. Поворачивается к компьютеру и начинает стучать по клавиатуре, выводя на экран кадры с записи. — В понедельник. Выходящим из какого-то ресторана. — Замолкает, глядя на Мака. Он и оба агента подходят ближе к экрану.

— Да что б меня черти дрючили, — не сдержавшись, пораженно бормочет Раст. На что Мак усмехается.

— Это не какой-то ресторан, Джим, — говорит он, не гля-

дя на техника. — Этот ресторан принадлежит Дональду Косински. Главе мафиозного клана. Мы двадцать лет не можем сцапать его польскую задницу. — Снова смотрит на экран. — Этот засранец каждый чёртов раз выворачивается.

— Эй, — Раст подходит к экрану, тычет в него пальцем, — а это кто?

Указывает на второго мужчину, выходящего вместе с Мануфом. Джим реагирует клацаньем клавиатуры, буквально чувствуя направленные на него взгляды.

— Не понятно. С этого ракурса не разглядеть. И он не поднимает голову.

— Ну так найди камеру в которую попала рожа этого козла, — чуть агрессивно реагирует Моджо. Джим кивает и сразу же опускает голову.

— Навестим старика? — интересуется Раст у Мака. Тот молчит, задумавшись. — Хотя, может это просто совпадение?

— Пффф, да конечно, — саркастично заявляет Дэйв, закатив глаза.

— Неа, — тянет Мак, — не думаю, что это простое совпадение.

— Надерём пару польских задниц, — говорит кровожадно Моджо.

— Попридержи коней. Дэйв, — всё так же задумчиво отзывается Мак. Трёт пальцами подбородок. — Косински ничего не скажет. У него первоклассные адвокаты. Так что и

задержать его без веских оснований мы не можем.

— Да что б тебя... — ворчит Моджо, уперев руки в бока. Всё это он знает и без Мака.

— Как вы относитесь к наружке? — хитро прищурившись, спрашивает Рочестер.

— Да ты, на хрен, издеваешься что ли?! — Моджо разводит руки в стороны, не обращая внимания на усмешку напарника.

— Нет, — медленно произносит Мак, — я вполне серьёзен.

Его взгляд меняется на тот, который нравится Моджо больше всего. Тот, который даёт понять, что в игру включилась та часть Рочестера, которая вцепится в преступника и разорвёт его к херам даже если на это понадобятся годы.

— Вы двое наблюдайте за рестораном и самим Косински, — говорит Мак тоном не терпящим возражений. Делает шаг назад, разворачивается и шагает по проходу. — Для наблюдения за его людьми отправятся ещё три группы агентов. — Повышает голос, продолжая движение к выходу. — Обо всём, даже о самой незначительной мелочи, незамедлительно докладывать мне. — Тормозит у двери и смотрит на своих людей. — Всё ясно?! — спрашивает у всех, но смотрит на Моджо и Калвертона. Те кивают, Рочестер уходит прочь.

— У Мака какие-то тёрки с этим поляком? — с подозрением спрашивает Калвертон у напарника.

— Типа того, — задумчиво отвечает Дэйв.

Тёрки, да. Если убийство напарницы пятнадцатилетней давности считать «тёрками». Раст вопросительно поднимает бровь. И Дэйв видит это.

— Пятнадцать лет назад Мак, тогда ещё просто агент, и его напарница крепко прижали этого ублюдка. Они почти сцапали его. А потом она пропала. — Раст хмурит брови. — Её нашли в сточной канаве через неделю. — Дэйв смотрит на него. — Без кожи.

— Э... — Раст чувствует тошноту. — И Мак думает, что это дело рук Косински? Почему?

— Он не думает, — усмехнувшись, говорит Дэйв. — Он знает.

Эрин пропускает соседку вперёд, неловко улыбнувшись. Ждёт, пока женщина средних лет с коляской выйдет на улицу и только после этого забегает в холл, сквозь него, к лифту. Нервно притоптывает ногой, закусив губу и ожидая когда кабина лифта спустится на первый этаж. Кажется, что её не было слишком долго. Нужно было предупредить Тео, но она совсем забыла об этом, торопясь как можно быстрее уйти.

Раздаётся характерный «звук», двери лифта ползут в стороны, выпуская людей. Эрин дежурно улыбается и кивает в ответ на приветствия, протискиваясь в кабину лифта с двумя довольно объёмными пакетами в руках. Задирает голову

вверх, нетерпеливо наблюдая за тем, как поочерёдно загораются цифры этажей. Шумно выдыхает, когда двери лифта выпускают её на нужном. Быстро оказывается у своей двери, отпирает замок. Хватает ключи зубами, пакеты держит в руках и толкает дверь бедром, пятится в квартиру, ногой захлопывает дверь и тяжело выдыхает.

— Фух, думала, не успею до того, как начнётся дождь, — говорит на выдохе, поворачиваясь всем телом. И замирает на месте, наткнувшись взглядом на Тео.

Девушка сидит на ступеньках лестницы, скрестив руки на груди и сердито притоптывая ногой. Её взгляд выражает крайнюю степень возмущения, губы сжаты в тонкую линию. И Эрин перестаёт дышать, глупо моргая.

Дерьмо.

— Как сходила в магазин? — сухо интересуется Форест.

— Н-нормально.

Эрин медленно опускает пакеты на пол у своих ног. Теона следит за этим действием взглядом.

— Купила всё необходимое? — Приподнимает брови.

— Да... вроде бы, — настороженно отвечает.

— Ммм... а в зоомагазин зашла?

— Что? — непонимающе переспрашивает, чувствуя себя пятилеткой.

— Ну, — Тео пожимает плечами, — миска, поводок, корм, таблетки от паразитов, — перечисляет будничным тоном.

Эрин зажмуривается, машет головой.

— Теона, какого хре... — перебивает подругу. Форест резко наклоняется вперёд, упирается локтями в колени.

— Это ты мне скажи какого хрена, Эрин! — шипит сквозь сжатые зубы. — Знаешь, когда я была маленькой, то нашла у дома милого, пузатого щенка. Мне казалось, что он ждал именно меня и я протащила его в дом, в комнату, спрятала под кроватью, наивно полагая, что там его никто не найдёт. Потому что отец точно не разрешил бы мне его оставить. А мне так хотелось его оставить. Знаешь, что было потом?

— Нет, — напряжённо отвечает, краем сознания находя забавной параллель, которую проводит Теона.

— Щенок, естественно, шумел. И к вечеру отец нашёл его. Он заставил меня собственноручно вытащить малыша под холодный проливной дождь и оставить его там. Всю ночь я слушала, как он скулит. А утром его не стало.

— Зачем ты мне об этом рассказываешь?

Эрин становится жарко, поэтому она начинает стягивать пальто. Теона встаёт.

— Затем, что этот хренов мужик, валяющийся в твоей кровати без сознания, явно крупнее щенка. И громче. О чём ты только думала?!

— Я...

Морган хватается пакеты и шагает на кухню. Форест следует за ней.

— А если он помрёт? Что мы будем говорить полиции?!

— Он не умрёт, — возражает Эрин, разбирая пакеты.

— Да что ты! — Форест останавливается прямо за её спиной. — У тебя где-то завалялся диплом врача, о котором я не знаю? — Запускает пальцы в разноцветные волосы. — Пойми меня правильно, если придётся, я с удовольствием помогу тебе закопать хладный труп где-нибудь в лесу, но ты могла хотя бы предупредить!

— Тео! — Эрин с шумом опускает на столешницу руку с зажатой в ней банкой таблеток, резко разворачивается лицом к Форест. — Прекрати нести чушь! Он не умрёт. Отлежится пару дней и свалит в неизвестном направлении. Никакой труп мы закапывать не будем, — шипит раздражённо, но лишь потому, что боится слов подруги.

— Как тебя вообще угораздило? — спокойнее спрашивает Теона. Эрин выдыхает, опуская голову.

— Он уже был здесь вчера, когда я вернулась домой.

— Почему вы не вызвали скорую?

И пока Эрин пересказывает события вчерашнего вечера и ночи, она готовит кофе, достаёт их кружки, разливает крепкий напиток и садится напротив, всё это время внимательно слушая. Эрин выговаривается, чувствуя, как становится легче. Правда, утаивая события пятничного вечера и не рассказывая об угрозах Хантера.

— Он... я думаю, он ведёт не совсем законный образ жизни, — размыто говорит Эрин. — Именно поэтому был против больницы. И я... — Опускает голову. — Что мне было

делать? Не выгонять же его. — Смотрит на подругу исподлобья. Теона выглядит задумчивой. — Прости, что не сказала сразу. Не хотела тебя впутывать.

— Да? И как ты себе это представляла? Мы живём в одной квартире, — ухмыльнувшись, напоминает Форест. Эрин недовольно морщится.

— Понятия не имею. Я плохо соображаю сегодня.

— Только сегодня? — насмешливо уточняет. Эрин тихо смеётся. — Ладно, что ты купила?

— Антибиотики от инфекции. Антисептические мази. — Пожимает плечами. — И ещё кучу всего, что, кажется, совсем не нужно.

— Разберёмся, — уверенно говорит девушка. Встаёт со стула, идёт к раковине.

— Тео?

— Ммм?

— Марк...

— Что с ним? — безразличным тоном спрашивает, не оборачиваясь.

— Ему нельзя доверять. Пожалуйста, не связывайся с ним, — тихо просит.

Тео на секунду замирает, переведя взгляд на плитку перед собой, а затем продолжает мыть кружку.

— Не вопрос, — легко соглашается, умалчивая о том, что он писал вчера. Или она сама? Не имеет значения. Оборачивается, бодро улыбается. — Ну что, пошли лечить твоего

щенка?

— Он не мой щенок, — говорит Эрин, закатывая глаза и шагая за Тео к лестнице. — И вообще больше похож на ту гиену из мультика, — продолжает ворчать на ходу.

Дон отрывает глаза от бумаг аренды склада, отреагировав на открывшуюся дверь. В кабинет заходит Пол Сили, работающий в качестве начальника охраны. Бывший военный, брошенный, как и многие другие, своей страной на волю судьбы после того, как стал не нужен. Сили не гнушается грязными делами. Ему плевать. На всех. Этим он Дону и нравится. Этим и непоколебимой уверенностью в своих действиях.

— Они пришли.

— Хорошо. — Дон откладывает бумаги в сторону, снимает очки. — Пропусти.

Сили кивает, выходит, и через минуту в кабинет заходят Малик и Сабур. Дон не встаёт. Просто улыбается, не поднимая глаз.

— Добрый день, господа. Рад, что вы нашли время.

— Да, работы у нас прибавилось, — сухим бесцветным голосом отвечает Малик, наклоняясь вперёд и упираясь ладонью в колено. — Ведь нам приходится всё делать самим, — продолжает, прищурившись. — Ваш хваленый на все руки мастер так и не появился. В чём дело, Дон? Я думал, усло-

вия сделки устраивают обе стороны.

Косински отвечает на колючий взгляд мужчины спокойно. Наклоняется вперёд, складывая руки на столе и сцепляя пальцы в замок.

— Всё верно, условия более чем приемлемые, — отвечает, смотрит на Сабура и снова переводит взгляд на Малика. — Дело в том, что с Хантером возникли некоторые трудности. Ему пришлось залечь на дно на пару дней. — Замолкает на секунду, его взгляд становится под стать взгляду Малика. — Из-за мёртвого химика. Помните такого?

Изображает лёгкое возмущение тем, что эти двое пришли с претензиями, тогда как заминка произошла из-за выполнения их просьбы. Малик сжимает челюсти. Думает. Медленно кивает.

— То есть его маленькая истерика обошлась без последствий для нас? — подозрительным тоном спрашивает Сабур. Косински медленно переводит на него свой взгляд. Молчит пару секунд прежде, чем ответить:

— Хантер — мой цепной пёс, но он никогда не забывает чья рука его кормит. С ним не будет проблем. Если условие, о котором мы говорили, остаётся в силе.

— Он руководит операциями, в которых задействованы его люди. Да, мы помним, — ворчит Мануф. Дон дежурно улыбается.

— Тогда всё прекрасно. Они сделают всё, что скажу я. А я намерен выполнить свои обязательства на все сто процентов.

— Он снова смотрит на Малика.

— Хорошо, пожалуй, я погорячился с тоном. — Тот принимает чуть более расслабленную позу. — Как долго этот Хантер будет недоступен? Для него и его ребят есть дело. — Закончив, сириец ухмыляется, Дон откидывается на спинку кресла.

— Пара-тройка дней. Нужно время, чтобы уладить вопрос с копами.

Чушь собачья, он ещё даже не начинал. Не говоря уже о том, что понятия не имеет где носит этого упёртого козла. Но это сейчас неважно. Сейчас важно создать впечатление того, что он полностью контролирует ситуацию.

— Что ж, — Малик встаёт, — этот срок меня вполне устраивает.

— А что за дело? — интересуется Дон.

— Нужно ограбить банк, — усмехнувшись, отвечает мужчина. Дон хмурится.

— Я думал в вашем деле достаточное финансирование...

— А кто сказал, — мужчина переглядывается с Сабуром, снова переводит взгляд на Косински, — что нам нужны деньги? — Растягивает губы в злобной улыбке, отчего его смуглое лицо покрывается множеством морщин. Дон поднимает брови, усмехается.

— Хорошо, детали мне знать ни к чему. Всё обсудите с Хантером.

Сабур встаёт вслед за Маликом.

— Сегодня среда, мистер Косински. — Из голоса Малика исчезают какие-либо дружелюбные нотки. — В субботу я ожидаю звонка от вашего человека. В крайнем случае.

— Он позвонит раньше, — уверенно заявляет Дон.

Малик чуть наклоняет голову вперёд, говорит что-то на непонятном Косински языке и уходит прочь. Сабур следует за ним, не отставая. Дон стоит у окна и ждёт, когда машина его гостей тронется с места, после чего зовёт Сили нетерпеливым криком.

— Сэр?

Пол появляется раньше, чем старик заканчивает произносить его имя.

— Переверните вверх дном весь город, но найдите мне этого ублюдка! Всё ясно?! А если он сдох, оживите! Клянусь, если причиной, по которой это дело сорвётся, станет Хантер Рид, я устрою ему ад на Земле, — заканчивает тихим, мстительным шипением. Сили кивает, уже собирается уходить, но тормозит.

— Э... сэр?

— Что-то не понятно?

— Ваш племянник, — спокойно говорит Пол, — они с Ридом вроде кореша.

— И?

— Как далеко мне дозволено зайти? — чуть скованно интересуется, ведь речь о племяннике босса.

Дон скованности не чувствует.

— Если понадобится, выбей из него всё дерьмо, но узнай скрывает ли он что-либо о местонахождении Рида. Только не убей. — Пол кивает. — И дебиллом не сделай... ещё большим, — ворчливо заканчивает старик. Принимается за бумаги, возвращаясь к прерванному занятию и давая понять, что Сили свободен.

Всё та же тёмная, холодная, пропитанная вонью сигаретного дыма и грязи квартира. Но кое-что изменилось. Впервые за всю его жизнь. Во-первых, он понимает, что это сон. Во-вторых, он наблюдает за всем со стороны. С того места, где он стоит сейчас, виден и шкаф, ставший его убежищем почти на неделю двадцать восемь лет назад, и дверной проём единственной комнаты. Ему видна бледная, кажущаяся призрачной, безжизненная рука, вытянутая в сторону порога, навсегда застывшими, скрюченными пальцами вцепившаяся в старый, вздутый паркет.

Его обволакивает холодная тишина. Не слышит ничего, даже своего дыхания. На безумную секунду мелькает мысль о том, что он просто сдох и это его чистилище, в котором он обречён провести вечность. Из цветов — только серый, из запахов — смрад смеси из грязи, гари и чего-то ещё, приправленного сладковато-приторной вонью медленно разлагающегося тела. Из звуков... ничего. Словно он в вакууме.

Словно его просто нет.

Хантер медленно вертит головой, пристально глядясь в пространство, окружающее его. Та чёткость, с которой его подсознание воспроизводит это место из раза в раз, всегда поражала. Несмотря на сумрак, он может разглядеть каждую трещину в штукатурке, каждый скол на старой дряхлой мебели. Он действительно всё это запомнил или это просто игра его воспалённого сознания?

Едва заметно дёргается, реагируя на звук, вырвавший его из размышлений. Он отрывает взгляд от руки на полу и переводит его на шкаф. Видит, что дверца едва заметно пошатнулась. Видит крохотные пальцы, обхватившие край дерева изнутри и точно знает, что именно сейчас произойдёт. Секунду спустя он смотрит на себя шестилетнего, юркнувшего наружу из недр шкафа, подгоняемого жасждой и страхом. Хантер делает шаг вперёд, наклонив голову в бок и нахмурившись. Видеть сон, преследовавший его всю его жизнь, с этого ракурса непривычно. Оттого всё походит на грёбанный психоделический бред обдолбанного в усмерть торчка. Все его движения, даже мысли, вязкие, тягучие. Словно он находится под водой. Тогда как ребёнок, которым он когда-то был, двигается с нормальной скоростью, направляясь к кухне.

Но он не дойдёт до неё.

Никогда.

Никогда не получит стакан воды.

Потому что всё заканчивается напротив входа в комнату, когда мальчишка застывает, вжимаясь в стену и перестав моргать. На этом моменте Хантер всегда просыпался. Но не в этот раз. В этот раз он внезапно обнаруживает себя, стоящим рядом с собой шестилетним и точно так же пялившимся на разлагающийся, порубленный на куски, труп. Он перестаёт дышать. Медленно, невъебически медленно эти грёбаные веки опускаются, замерев на секунду, и снова приходят в движение, поднимаясь вверх. Хантер чувствует тошноту и то, что не чувствовал херову кучу лет.

Паника.

Накрывает.

Словно ему снова шесть и он ни на что не способен. Кажется, что хуже уже не будет, но куда там. Весь пиздец происходящего переходит на новый уровень, грозя Хантеру грёбаной лоботомией, когда сгнившие, почерневшие губы его матери с причмокивающим звуком размыкаются, открывая обзор на разбухший, покрытый язвами язык. Из её глотки вырывается не то хрип, ни то визг. Она пытается что-то сказать, но у Хантера нет никакого желания слушать. Более того, он уверен, что как только услышит хоть что-то внятное, его разорвёт на мелкие дерьмовые кусочки прямо здесь. Но она не перестаёт пытаться, скребя поломанными почерневшими ногтями по полу. Рид смотрит на них, как замороженный, замерев. Словно, если он шевельнётся, она цапает его, навсегда оставив в этом кошмаре.

Он пытается пятиться. Рычит сквозь сжатые зубы от досады, не сдвинувшись ни на дюйм. Его парализовало. Кошится взглядом на себя маленького, видит то, что не видел никогда. Пацан стоит к нему лицом, глядя зверем исподлобья и жутко ухмыляется. Хантер хмурится. Это что-то новенькое. Мгновение спустя всё вокруг наполняется звуками, среди которых главенствует что-то мокро чавкающее, исходящее со стороны комнаты. Хантер не хочет смотреть, поэтому пялится на ребёнка, не моргая, до рези в глазах. А потом слышит шёпот, ползущий по его коже холодными мёртвыми пальцами, забирающими волю, раздирающими нутро.

— Лууукасссссс...

Он прикрывает глаза, с трудом проталкивая ком, образовавшийся в глотке. Едва заметно качает головой.

— Лууукасссссс...

Шёпот становится хнычущим. Хер там плавал, он не купится. Облизывает пересохшие губы, морщится, почувствовав запах гнили совсем близко со своим лицом, но глаза не открывает.

— Лукас!

Никакого шёпота. Визжащий, скрипучий крик, отдающий могилой. Совсем близко с его ухом. Хантер резко выдыхает, резко открывает глаза, собираясь послать на хер тварь, терзающую его сознание, но... молчит, широко открыв глаза и глядя на то, что когда-то было ему целым миром. Труп,

мало похожий на человека, стоит в нескольких дюймах от него, по птичьи наклонив голову в бок и ухмыляясь гнилым щербатым ртом. Медленно тянет «руку» к его лицу, словно знает, что он не помешает. Потому что, на хрен, всё ещё не может пошевелиться. Зато чувствует всё в разы чётче. И мокрый холод кончиков пальцев, оставляющих след на его щеке. И гнилостное дыхание, обдающее его облаком едкого запаха. Страх и одиночество шестилетки, которые никогда не оставляют, как бы он не старался. Внезапно расслабляется, смирившись со всем этим дерьмом. И в тот момент, когда он принимает окружающее, как данность, труп резко приближается к нему и начинает визжать.

— ПРОСНИСЬ!

Хантер открывает глаза, но вдох делает только пару секунд спустя. Пытается сглотнуть. В глотке грёбаная Сахара, приправленная крупнозерновым наждаком. Он тихо стонет и приподнимает голову, пытаясь сориентироваться. Чувствует влажные от пота простыни под собой и странный запах. Морщится. Не запах. Вонь. Исходящую от него.

Косится на свой торс, перебинтованный неумело, но крепко. Аккуратно тычет пальцем в повязку на своём брюхе и понимает, что что бы ни было источником вони, он находится под бинтом. Со злой иронией подмечает, что, похоже, уже начал подгнивать. Затем всё же осматривается. У него уходит несколько мгновений на то, чтобы восстановить хронологию последних событий. Он смутно помнит причины, по

которым завалился к Морган. Будь он чуть менее раненный, ни в жизнь бы не сделал этого.

С трудом и дедовским кряхтением кое-как садится на кровати, пристальнее осматривает себя. Из одежды только перепачканные кровью и грязью джинсы. Даже носки отсутствуют. Дерьмо, эти были его любимыми. С изображением барана-рокера. Усмехается, трёт лицо ладонями и наконец чувствует её.

Боль.

Ноющая, тупая, скручивающая все внутренности. Хорошо, значит можно отвлечься от того, что он только что видел. Пытается встать и у него получается. С пятой попытки. Шоркающей походкой, опираясь на стену одной рукой, добредает до двери, чувствуя, что уже покрылся испариной. Да плевать. Цепляет ручку, медленно открывает дверь, глазами осматривает крохотный коридор, слышит тихие бодрые голоса. Ему кажется, что проходит целая вечность, пока он не добирается до одной из скрипящих ступенек, о которых, разумеется не знал. Замирает, шатаясь и встретившись взглядом с ярко-голубыми густо покрашенными и широко открытыми глазами.

— Эээ... Эрин? Зомбак очнулся, — чуть встревоженным голосом говорит Теона, замерев на пути от ванной к кухне.

— Что?..

Морган, готовившая в этот момент очередную порцию кофе, несколькими широкими шагами оказывается напротив

лестницы и замолкает, уставившись на зеленоватого Хантера.

— Носки мои где... нахрен? — хрипит он, вцепившись намертво пальцами в перила. Эрин хмурится, чувствуя укол возмущения. Хантер хмурится просто так. — И... — остушается, но остаётся стоять, — что это за вонь, мать вашу?

— Эта вонь спасла твою никчёмную задницу, — заявляет Тео, уперев правую руку в бок, а указательным пальцем левой тыча в его сторону. — Раны не такие уж и смертельные, но ты потерял много крови. И плюсом они начали воспаляться, — важно поясняет.

— И? — с оттенком надменности в голосе интересуется Рид.

— Так называемая «вонь», — продолжает Теона в том же тоне, — исходит от запечённого на открытом огне лука.

Она довольно хмыкает, скрестив руки на груди и глядя на него так, словно это всё должно было объяснить. Хантер смотрит на Эрин, снова на Тео, корчит гримасу.

— Чего?

Теона качает головой, всплеснув руками, и шагает на кухню, ворча себе под нос что-то о «неблагодарной скотине» и «неуче». Хантер хмурится всё сильнее, потеряв уверенность в том, что он на самом деле проснулся. Медленно опускается на ступеньку. Нужно перевести дыхание. Взгляд падает на Морган.

— Знал бы, что из меня сделают подопытную крысу, ноги

бы моей здесь не было, — растерянно говорит он.

— Тебя никто не держит, — холодно отвечает она. — Голоден? — сухо интересуется.

— Хочу назад свои носки, — отвечает грубоватым тоном. Эрин закатывает глаза. Поворачивается к нему спиной.

— Найдёшь свои носки там же, где и всё остальное. На стуле у кровати, — заканчивает и скрывается, совершенно не переживая о том, что мужчина будет делать и как вернётся в кровать.

Хантер провожает её хмурым взглядом, и ещё какое-то время сидит неподвижно на лестнице, в каком-то тупом суждении. Теона, сжавшись, приносит ему чашку чая и засушенный крекер. «Всё равно выкидывать», — равнодушно заявляет она Эрин в ответ на недоуменный взгляд. И тем самым усыпляет её бдительность, утаскивает сэндвич, который собиралась съесть сама.

Для себя Форест определяет этот маленький акт, как «быстрее поправится — быстрее свалит». И даже почти верит в это. А чтоб убедить себя окончательно, практически кидает Хантеру, всё ещё сидящему на ступенях, несчастный сэндвич, добавив его к крекеру, который «всё равно выкидывать» и совершенно не обращая внимания на иронично изогнутую линию бровей Рида.

Глава 7.

Комната погружена в темноту. Единственный свет — ядовито-зелёные цифры часов на стене. Эрик сидит на диване, ноги вытянуты, руки сцеплены на животе, голова запрокинута. Он не знает, сколько уже так сидит — час, два, больше. Прошли ещё сутки с тех пор, как Хантер вышел «на пять минут» и пропал.

Косински медленно дышит, с досадой прикрыв глаза. Встаёт, выходит на террасу, проходит дальше к ступеням, садится на верхнюю, одновременно доставая из кармана куртки пачку сигарет и зажигалку, прикуривает, затягивается.

— Тебя хрен найдёшь.

Эрик замирает на секунду, услышав знакомый голос, а затем чувствует раздражение. Затягивается, щурит глаза от попавшего в них дыма, и смотрит на неясный силуэт, который замечает только сейчас.

— Дядюшка соскучился, что ли? — с насмешкой интересуется, но тон быстро меняется на раздраженный. — За каким хером припёрся, Сили?

— Где он? Знаешь?

Эрик в ответ лишь фырчит. Поднимается, делает затяжку и выкидывает окуроч в сторону.

— Нет, Пол. — Делает шаг в сторону двери, но тормозит, смотрит на мужчину через плечо. Сили стоит у нижней ступени, чуть задрал голову вверх. — И даже если бы знал, — пожимает плечами, — ты последний, кому я бы сказал.

Отворачивается и успевает сделать два шага, прежде чем

в него врезается туша, явно имеющая бо́льшую массу. Рик оказывается прижатым к деревянной стене дома, всей правой частью своей физиономии ощущая шершавую поверхность. Хмурится, сжав челюсти, потому что запястье его руки загибают за спиной под неестественным углом и тянут вверх. Сили останавливается на границе между неудобством и болью. Приближается к уху Эрика.

— Дон дал мне неограниченные полномочия, сопляк, — предупреждает тихо. Косински пытается осознать услышанное. — Единственная черта, которую я не должен переступить, та, которая приведёт к твоей смерти. Ему нужен твой дружок, иначе сделка, над которой он так долго и усердно работал, сорвётся. Так что я сделаю всё, чтобы выбить из тебя нужную информацию.

Эрик продолжает молчать, поэтому получает пару увесистых ударов по почкам. Сгибается от резкой боли, оказавшись лицом к Полу, и тут же чувствует боль от удара кулака аккурат в челюсть. Усмехается, врезавшись спиной в стену. Его голова дёргается, когда кожа на скуле лопается от силы удара, выпуская кровь. Следом прилетает в глаз и Эрик мотает головой из стороны в сторону, пытаясь избавиться от дурацких звёздочек в глазах. Поднимает чуть потерянный взгляд на Пола, улыбается глупой кровавой улыбкой.

— Иди-ка ты на хуй, Сили, — говорит весело.

Улыбка исчезает. Эрик вытягивается во весь свой рост и до него доходит: он почти на голову выше этого идиота. Сили

не хренова гора мышц — он просто тупой, самоуверенный кусок дерьма, который не ожидает сопротивления. Довольная ухмылка проскальзывает на губах Эрика за мгновение до того, как он блокирует удар, выставив перед собой предплечье. На лице Сили появляется удивление.

В какие-то доли секунд они встречаются взглядом. Эрик задирает локоть, выбивает его в подбородок Пола. Тот отшатывается, получает ещё два удара в челюсть, сломанный нос и трещину в ребре. Эрик двигается быстро, несмотря на свои габариты, резко и с силой удара человека, годами копившего в себе злость.

Эрик не даёт ему опомниться, бьёт ногой в грудь. Пол валится на перила, ломает их и глухо падает на землю перед домом. Эрик слышит глухой звук удара тела о землю и подходит к краю террасы, мимолётно отмечая, что Хантер его, нахрен, на фарш порубит, когда увидит это. Усмехается, сплёвывает кровь в сторону. Смотрит на тихо стонущего Пола.

— Не позорь ни себя, ни грёбаного Дона, Пол, — говорит, стирая кровь, набежавшую из разбитой губы, рукавом. — Убирайся. Я ничего не знаю, — заканчивает усталым голосом.

Не дожидаясь ответа, разворачивается, уходит в дом. Не включая свет, заваливается на диван, даже не удосужившись хоть как-то обработать раны. Плевать. Он вырубается минут через пять.

Сэм Ланкастер неуверенно отдёргивает пальто, поправляет волосы, прежде чем нажать на дверной звонок. Не сразу, но слышит шаги, цепляет на лицо добродушную улыбку, которая медленно сползает, когда дверь открывается. Сэм перепроверяет номер квартиры, решив, что просто перепутал этаж, но нет, с номером всё в порядке. Снова переводит взгляд на мужчину, открывшего дверь и смотрящего на Ланкастера вопросительно насмешливым взглядом. Он шагает за порог, выглядывает в коридор, снова смотрит на Сэма.

— Приятель, ты ошибся, мы пиццу не заказывали, — говорит с ухмылкой.

— Я не... Мне нужна Эрин, — сообщает, нахмутив брови.

Мужчина приоткрывает рот, хмурится, выдаёт неопределённое: «О», чешет бровь.

— Так она это... — растерянно машет рукой куда-то в сторону, а затем выражение его лица меняется, приобретая лёгкий оттенок надменности вперемишку с иронией. Его губы растягивает не очень приятная ухмылка. Тело становится расслабленным. — А она в душе, — говорит определённо двусмысленным тоном. Делает шаг в сторону, пропуская Сэма. — А вы?..

— Сэм Ланкастер, её начальник.

— Точно.

— А вы?

— Хантер, — отвечает, закрывая дверь.

— Хантер... — повторяет Ланкастер, сканируя помещение на предмет странностей. Возвращается взглядом к мужчине. Пристально вглядывается в его лицо.

— Ага. Я так и сказал.

Сэм оглядывает его с ног до головы и Риду приходится признать, что и этот мужик мастерски способен демонстрировать надменность одним только взглядом. Сэм тем временем проходит вглубь лофта. Хантер шагает за ним и Ланкастер подмечает, что он двигается так, словно ему больно. Это кажется подозрительным.

— Я подожду, — говорит тоном, в котором не слышится вопроса. Только утверждение. — Вы же не против?

— Да пожалуйста, — закатив глаза отвечает Хантер, шаркающей медленной походкой направляясь к кофеварке, пока Сэм устраивается на диване.

— Так, кем вы, говорите, — он поворачивается на диване так, чтобы видеть Хантера, — приходитесь Эрин?

Тот поднимает голову от кофеварки, раздражённо прикрывает глаза.

— Я думал, ты начальник Эрин, а не папочка, — говорит, коверкая голос и поворачиваясь лицом к Ланкастеру. Тот щурит глаза.

— Слушай, ты... — начинает.

— Что б тебя! Хантер!

Оба, услышав возмущённый вопль, поднимают головы к потолку. Следом за воплем звучат не менее возмущённые шаги, явно направляющиеся к лестнице. И Сэм, и Хантер следят взглядом за этим звуком до самой лестницы. И если один выглядит обеспокоенным, то другой явно веселится. Первыми показываются босые ноги в сопровождении бормотания на непонятном Ланкастеру языке. Но судя по тону это явные ругательства, продолжающие звучать всё время, пока девушка спускается. По её виду становится понятно, что она чертовски зла. Настолько, что не сразу замечает Сэма.

— Ты! — Вцепившись взглядом в Хантера, Эрин, кажется, намеревается его убить. Но застывает, как вкопанная, увидев его реакцию.

И очаровательную улыбку.

— Милая, у нас тут гости как бы... — весело заявляет этот невыносимо раздражающий говнюк.

— Мил... — Эрин хмурится. — У тебя опять горячечный бред, кусок придурка?

— Гхм... Привет, — подаёт наконец голос Сэм, вставая с дивана во весь свой рост. Эрин дёргается, как ошпаренная. Уставившись на босса, как на приведение.

— Сэм...

— Тебя долго не было. Так что я решил узнать всё ли в порядке и... ну... не нужно ли чего. — Он неопределённо машет рукой, другую засунув в карман брюк и чувствуя себя полным идиотом.

— О, у нас всё более чем в порядке, — бодро отвечает вместо Эрин Хантер. Та переводит на него взгляд. — И совершенно точно ничего не нужно. Правда, *Солнышко*? — откровенно издеваясь, продолжает.

Эрин щурится. Сжимает челюсти, следом — кулаки. Хантер видит это и улыбается ещё шире. Желание поддаться провокации и выдавить козлу его наглые зенки слишком велико. Но ещё больше желание утереть ему нос и не дать то, чего он хочет. Поэтому Эрин берёт себя в руки, глубоко вдыхает и медленно выдыхает. Переводит взгляд на Сэма, искренне ему улыбается и перестаёт обращать внимание на Хантера так, будто того здесь и нет.

— Спасибо, Сэм. Всё в порядке. Не обращай внимания. — Пренебрежительным взмахом руки указывает в направлении Хантера. — Это кузен Тео. — Подходит ближе к Ланкастеру. — Он немного, ну, вроде как отсталый, понимаешь? — громко шепчет. — Несёт всякую чушь, страдает недержанием... — Слышит натужный кашель Хантера и возмущённые нечленораздельные звуки, исходящие с его стороны. По-прежнему не обращает внимания. Сэм хмуро косится в сторону мужчины. — Он считает себя каким-то крутым чуваком. И вбил себе в голову, что мы уже полжизни вместе, — продолжает доверительным шёпотом. — А сюда приехал, чтобы пройти курс лечения.

Украдкой смотрит на Хантера и встречается с его убийственным взглядом, обещающим адские муки. Но ей пле-

вать. Не нужно было вести себя как мудака... даже если ты мудака и есть.

— О... — вот и всё, что может ответить Сэм.

— Ага. Бедняга. — Эрин цепляет Ланкастера под локоть и ненавязчиво ведёт к выходу. — Ты прости, он немного буйный. Особенно с незнакомыми. Так что, думаю, будет лучше, если...

— Да, конечно, — перебивает Сэм. Тормозит у двери, повернувшись к Эрин всем телом. — Я понимаю. — Снова косится на Хантера, который не сводит с них прищуренного злого взгляда. — Если что-то понадобится...

— Спасибо, Сэм. — Эрин улыбается. — Я вернусь к работе уже на следующей неделе.

Мужчина кивает, открывает дверь, тормозит.

— Знаешь, могла бы сразу сказать правду. О том, что приглядываешь за кузеном Теоны. Незачем было лгать. Я бы понял, — говорит он без претензий и понимающе улыбается. Эрин готова перегрызть самой себе горло за то, что так отвратительно поступает с ним, но вместо этого смущённо улыбается. — Тогда до понедельника? — уточняет, переступая порог.

— До понедельника, — подтверждает Эрин и закрывает дверь.

Ланкастер неподвижно стоит пару секунд. С потерянным видом направляется к лифту, жмёт на кнопку вызова и пока кабина медленно поднимается вверх, смотрит через плечо

на дверь из которой только что вышел. Хмурится. Что это, чёрт возьми, сейчас было?

Эрин выжидает некоторое время, прежде чем развернуться и фурией наброситься на Рида.

— Ты! — цедит сквозь зубы. Шагает к нему. — Какого хрена ты себе позволяешь?! Мудень обдолбанный!

— Потихе, радость моя, — убийственно спокойным тоном отвечает Хантер, скрестив руки на груди. — Я бы настоятельно рекомендовал тебе выбирать тон, которым ты со мной разговариваешь. Это первое. — Эрин от возмущения застывает с открытым ртом, гневно пялясь на человека, которого сил терпеть уже не осталось. — На первый раз прощаю, но впредь, ещё один подобный эпитет в мою сторону и обещаю, ты долго не сможешь говорить. Это второе... — продолжает, принимая надменный вид, но Эрин перебивает его.

— Да пошёл ты к чёрту! — повышает голос, наконец обретя дар речи. — Плевать мне на твои угрозы, понял?! — Делает пару шагов в его сторону. — Никто не давал тебе права влезать в мою жизнь и диктовать свои условия, — говорит тише, прищурив глаза. — Чтобы к завтрашнему утру духу твоего здесь не было.

Не ждёт ответа, шагает к балкону, чувствуя острую потребность в дозе никотина.

Хантер молча провожает её взглядом. Надо бы было устроить взбучку за подобный тон, не оставлять последнее

слово за девчонкой, но чувствует себя гораздо отвратнее, чем показывает. Мелкая незначительная вылазка на первый этаж и небольшая перепалка вытянули из него все силы, заставляя опереться руками в стол, чтобы не потерять равновесие.

Лихорадка прошла ещё вчера, но слабость всё так же выводит его из себя, заставляя чувствовать беспомощность. Он и поднялся то с кровати только потому, что больше не мог лежать, пялясь в потолок. У него полно дел, а он прохлаждается в компании взбалмошной мадам. Хантер был бы не против такого расклада, если бы причиной было немного другое взаимодействие с Морган. Усмехается своим мыслям. Тут же хмурится. Чего? Громко фыркнув, машет головой. Выкидывает эту чушь из мыслей. Вообще перестаёт думать, хватая кружку с кофе и уныло шагая к дивану.

Эрин нервно щёлкает зажигалкой, прикуривает, резко затягивается. Закашлявшись, мысленно проклиная придурка Рида. Достает телефон и набирает Тео, чувствуя необходимость услышать голос близкого человека. Пока ждёт, слушая гудки, опирается на перила и чуть свешивается с них, наблюдая за городом внизу.

«Эрин?», — отвечает Форест после пятого гудка.

— Хэй, привет.

Она выпрямляется, чувствуя себя непроходимой идиоткой. Ну что она скажет? «Вернись или тебе придётся помогать мне прятать труп»? Глупости.

— Я просто... — усмехается, — решила узнать всё ли у тебя в порядке.

Хмурится, потому что судя по шуму на заднем фоне, Тео в машине. Хмурится ещё сильнее, услышав странный смешок.

«Эм...а...», — какое-то несвязное, сонное бормотание.

— Теона? — Вмиг позабыв обо всём, начинает беспокоиться. Потому что знает эти интонации. — Где ты?

«Ну... М...ммар...».

Фоном звучит мужской голос, какая-то возня, а потом усмешка.

Мужская.

«Привет, — слышится в трубке насмешливо, Эрин холодеет, узнав голос. — Мы тут на пару дней решили уехать. Связи не будет. Пакеда».

— Теона! — рывкает. — Слушай, ты, штапель ржавый...

Связь обрывается, в трубке становится тихо. Эрин бездумно смотрит на неё пару секунд, пытается дозвониться. Не выходит. Чувствует жгучую волну гнева. Шагает в квартиру.

— Никак не уgomонишься?!

Хантер, развалившийся на диване, подпрыгивает, тут же морщится из-за боли от резкого движения.

— Грёбаное дерьмо... да какого хрена я опять сделал? — устало, но тем не менее возмущенно спрашивает он. Эрин встаёт напротив него, уперев руки в бока.

— Обязательно нужно было трогать Теону?! Мало того, что ты окопался в моей комнате?

— О чём ты го... — Хантер хмурится, ничерта не понимая.

— Твой этот Марк сейчас в машине с ней. Какая же ты скотина! — Рид хмурится ещё сильнее. Он чётко приказал Арво оставить в покое Форест. — Я не могу до неё дозвониться и рассказать во всех красках, какой гандон этот урод, но обязательно сделаю это при первой возможности!

Хантер прекращает слушать её, уставившись куда-то в стену.

— Почему? — спрашивает, перебивая.

— Что почему?

— Почему ты не можешь до неё дозвониться?

— Потому что они куда-то едут... наверное, — нетерпеливо поясняет Эрин. Видит, как быстро меняется выражение его лица. — Что? — Рид молчит, сцепив зубы. — Что не так, мать твою?! — Делает шаг в его сторону, намереваясь поколотить, если он так и не ответит.

Хантер откидывается на спинку дивана, прикрыв глаза. Не так вообще-то всё. Потому что сегодня пятница. Потому, что у этих придурков есть мерзкая традиция, о которой Рид узнал совершенно случайно и устроил серьёзную взбучку, покончив с этим дерьмом. Но он залёг на дно и, очевидно, кое-кто без присмотра решил повеселиться...

— Они едут в хижину, — зачем-то озвучивает.

— И что?

Эрин спрашивает, но знает что какой бы ответ не прозвуч-

чал, он будет хреновым. Хантер невесело усмехается.

— Она используется для определённых целей. И если твоя подруга не готова обслужить четверых, а может и больше, мужиков, то у неё большие неприятности, — медленно говорит он, оставаясь спокойным.

— Обслужить... — тупо повторяет. Замолкает. Щурится. — Ублюдок!

Не успевает подумать, кидаясь на мужчину с кулаками. Попадает по больному плечу. Хантер встаёт. Сжимает челюсти, но всё равно не сдерживает тихого стоа боли.

— Останови их, придурок! — бушует Эрин, беспорядочно колотя его кулаками. Рид перехватывает её запястья, морщась от боли и ругательств, которыми продолжает сыпать девушка.

— Успокойся... — Получает по уху. — Да твою ж мать! — Хватает за плечи и пару раз сильно встряхивает. — Я здесь не при чём! — рывкает ей в лицо и Эрин затихает. — Я не отдавал ему этого приказа, ясно?! — Отталкивает девушку от себя с таким пренебрежением, словно та пустое место. — Он всегда был психом, не моя вина, что Теона до сих пор этого не поняла. — Разворачивается к лестнице.

— Что?.. — лепечет Эрин. — Это ты привёл его! — бросает в спину. — Это твоя вина! — Рид тормозит, медленно разворачивается вполоборота и приподнимает бровь. Эрин щурится, шумно выдохнув. — Прекрасно. — Задирает подбородок, скрестив руки на груди. — Скажи мне адрес.

— Зачем? — с усмешкой интересуется он.

— Затем, что я не собираюсь оставлять её с твоими грёбаными прихвостнями, козёл!

Хантер сжимает челюсть, чувствуя раздражение. Потому что эта зараза его бесит. И он чувствует сожаление из-за того, что случится с Теоной. Девчонка нравилась ему. Весёлая, в меру язвительная и не такая заноза в заднице, как её подруга. Но он ничего не может сделать. Не в таком состоянии. Поэтому молча разворачивается к лестнице.

— Она не сделала тебе ничего плохого, Хантер, — дрогнувшим голосом говорит Эрин, заставляя его затормозить. — Она последняя, кто заслужил такое. Ты же знаешь это.

Мужчина прикрывает глаза.

Да грёбанный нахрен.

— Дай телефон, — зло говорит, развернувшись.

Без лишних вопросов девушка подходит и протягивает устройство. Рид так же молча берёт его, ковыляет к дивану. Медлит, сомневаясь, но секунду спустя быстро набирает выученный наизусть номер и ждёт ответа, упорно игнорируя пристальный взгляд Эрин, нависшей над ним, словно коршун. Довольно долго никто не отвечает и Хантер уже собирается сбросить звонок, когда в трубке раздаётся сонное: «Какого хрена, нахер, надо?». Невольно ухмыляется, услышав знакомый, хриплый ото сна, тягучий голос.

— Нужна твоя помощь... ушлёпок.

Глава 8.

Мак, привлекает внимание, хлопнул в ладоши, и гул в Центре стихает.

— Порадуйте меня, ребята.

Он стоит у стены с экранами и смотрит на них так, будто от их ответа зависит его жизнь. Марта Донован, его начальница, только что вынесла ему мозг. Он не хочет ни о чём думать. Только о том, чтобы найти хоть одну зацепку.

— С чатом пока никаких изменений, — первой отзывается Бренда, за которой Мак закрепил разработку диалога в чате.

Она должна была прикинуться школьницей с психологическими проблемами, одинокой, затравленной. Жертвой, на которую легко воздействовать. Прошло несколько дней и всё, что они имеют, это несколько сообщений общего характера. Никакой конкретики или информации. У Мака сложилось впечатление, что тот, кто сидел по ту сторону монитора, держал Бренду на прицеле, но пока не решался использовать. Это плохо.

Потому что они не знают сколько ещё у них времени до следующего теракта.

Смотрит на тех, кто копал под Сабура Мануфа.

— Этот парень как сквозь землю провалился, сэр, — отвечает на его невысказанный вопрос Тина. — Каждая камера в городе запрограммирована опознать его, но вот уже несколь-

ко дней ничего. — Она бессильно взмахивает рукой. — Он словно чувствует. — Беспомощно смотрит на начальника. Мак понимающе кивает, поджигает губы.

— Ничего, он попадётся. — Поворачивается всем телом к огромному экрану. — Попадётся, — говорит тише, как будто уговаривая самого себя. — Что с наружкой? Моджо и Калвертон не объявлялись?

— Пока нет, но от Моджо поступил странный запрос, — отзывается Джим.

— Какой? — Мак подходит к столу техника.

— Он попросил пробить конкретного человека, сказав, что где-то видел его. Типа... он назвал это чуйкой. — Техник неуверенно усмехается.

— Какого человека? — Мак хмурится.

Если у Моджо сработала чуйка, то копать нужно в этом направлении. Техник кивает в сторону стены, расположенной справа от входа. Её решили использовать как доску, расположив на ней всю информацию о Косински и его делах, которую смогли найти.

— Хантер Рид, — уточняет Джим и Рочестер кивает, давая понять, что увидел откуда нужно начинать читать информацию, добытую его людьми.

Он запоминает имя, но начинает с истоков образования группировки. Дональд Косински, шестьдесят восемь лет, родился в Польше, в девятнадцать приехал в США. И началось. Мак помнит как всё началось. Сначала были только Дон и

Бутч. Он же Магнус Сандерс. Ровесник Косински, уроженец небольшого городка на юге Юты. Позже к ним присоединились ещё четверо. Стивен Мёрдок, Дэклан Макрафи, Орландо Гриффит и Энтони Китч. Мак и без всех этих пометок знает кого и как зовут. Их имена он запомнил давно.

Конкретно эту шестёрку Рочестер запомнит навсегда. Ничего нового о них ни в ФБР, ни в Департаменте полиции неизвестно. Вся информация, расписанная на стене, устарела, но они не останутся, рано или поздно Дон предоставит новую. Мак доходит до середины стены, пройдя развешанные досье на главную ячейку группировки Дона и добирается до того, кто так заинтересовал Моджо. Похоже, ребята неплохо потрудились за эти дни. Информаторы, донесения, допросы и наблюдения дали достаточно информации о Риде, хотя его самого в последние дни не видели. Вдумчиво читает информацию и... хмуро хмыкает. Это какая-то чушь собачья. К большей части информации приходится приставлять «вроде как».

Хантер Рид «вроде как» родился в Белфасте в тысяча девятьсот восемьдесят шестом, отец неизвестен, с матерью переехал в США в девяносто втором, её убили... бла-бла-бла, попал к Косински восемь лет назад.

Так, стоп.

Мак возвращается назад, вглядывается в бумаги. Перед тем, как попасть к Косински, Рид работал с ребятами Изао Танабэ, а те в свою очередь работали на Якудза. Но между

тем, как Рид ушёл от Танабэ и присоединился к Косински прошёл почти год. Почти год он нигде не светился. Это выливается из общей картины. Рочестер хмурится ещё сильнее, теперь понимая, что Моджо, может и по другой причине, но не зря обратил внимание на него.

Задирает голову к потолку. Японская мафия, польская мафия, что дальше? Сицилийцы? Русские? Нет, нахрен, давайте только без этих в этот раз. Невесело усмехается своим мыслям. Машет головой, переключается на следующий пласт информации. Знает, что у Дона есть несколько ячеек, мини-групп по шесть человек, за которыми закреплены определённые обязанности. Значит, с Ридом должны быть связаны ещё пять человек. Быстро просматривает информацию находит нужную. Усмехается. Переводит взгляд на фотографию Эрика. Высокий, светловолосый, с пустым взглядом.

— Да что б меня... Надо же, сама плоть и кровь Донни, — язвительно бормочет, отрывая от стены фотографию.

Эрик Косински. Тысяча девятьсот восемьдесят четвёртого года рождения. Он знает эту историю. Отец неизвестен. Мать наркоманка с психическими проблемами. Вскрыла вены. Неудачно. Глотала таблетки. Тоже неудачно. Зато весьма удачно прыгнула с тринадцатого этажа, на глазах у семилетнего сына. Никто не знает точно, но ходили слухи, что Дон был чересчур уж «любящим» братом, в самом неправильном смысле. И, не имея возможности освободиться от его «чрез-

мерной опеки», Кассия Косински искала выход в алкоголе и наркотиках, а потом вышла в окно. Непонятно только почему она не искала выход в собственном сыне, обрекая его на жизнь с таким чудовищем, как Дональд. Без защиты, без надежды на спасение. Дерьмо, а не история.

Рэйден Анкер. Мать родом из Японии, отец — голландец. Анкер имеет американское гражданство, так как родился здесь. В тысяча девятьсот восемьдесят седьмом. Мать умерла, отец спился. Предсказуемый финал. Есть срок за хранение и распространение. Обвинялся и в убийстве, но, за неимением достаточных улик, оправдан.

Крис Уорд. Тысяча девятьсот восемьдесят девятый год рождения. Родился и вырос в Бостоне. Уорд образцовый преступник. В его послужном списке есть всё. Разбой, наркотики, убийства. Ему ещё жить и жить, а по сути жизнь похере-на. К лучшему, пожалуй.

Лука Джурич. Тысяча девятьсот девяностый год рождения. Серб. Самый молодой член ячейки. Мак хмурится, читая информацию о нём. Ни одной судимости. Вообще никаких доказанных преступлений в его досье. Как он затесался в эту компанию? И что входит в его обязанности? Непонятно.

Арво Тадауш. Тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год рождения. Эстонец. В семнадцать приехал в Штаты. Рочестер раздражённо выдыхает. Этот парень просто псих, судя по тому, что написано в его досье. У него и соответствующее медицинское заключение имеется. Биполярочка, при-

правленная шизофреническими расстройствами. Такие люди отбиты на всю голову. И командная работа для них не характерна. Интересно, как Рид справляется с таким подчинённым?

Мак возвращает бумаги на стену и делает пару шагов назад, оглядывая всё. Группировка Косински всегда была на карандаше у ФБР. Но, поскольку накрыть всех и сразу они не могли, потому что Дон чертовски аккуратен, приходилось довольствоваться лишь редкими арестами отдельных членов. Его людей отличала одна занятная особенность. Никто, вообще никто из них, даже если попадался на крючок, никогда не сдавал босса или других членов группировки.

Даже если им предлагалось полное помилование и защита. Даже если в противном случае им светило пожизненное. Никто. Никогда. Не сдавал своих. Чем Дон заслужил такую преданность и уважение для Рочестера до сих пор является загадкой. В криминальных кругах у главы каждой группировки имеются свои особенности ведения бизнеса, но в общем концепция одна. И в любой группировке рано или поздно находится стукач, сдававший всех. У мексиканцев, японцев, сицилийцев. У всех. Но только не в группировке Дона Косински. И кто бы только знал как сильно это бесит Мака. Кто бы только знал.

Эрик кидает быстрый взгляд в зеркало заднего вида, нервно постукивая большими пальцами по рулю, который сжимает сильнее, чем нужно. До хижины ещё минут пятнадцать и он всерьёз опасается, что уже слишком поздно. Он не знает ни как давно Арво уехал, ни кто та девушка, которую нужно вытащить, ни почему это нужно сделать. Он нихрена не знает, кроме того, что Хантер позвонил и сказал, что это нужно сделать.

Позвонил, как ни в чём не бывало. Словно не пропадал без вести на несколько дней. Словно это в порядке вещей. Когда Эрик продрал глаза и до его сознания дошло кто звонит и что именно говорит, его первым желанием было послать звонившего нахуй. Без прикрас и сантиментов. Потому что тревога за этого идиота переросла в грёбаную злость, как только он понял, что Хантер жив и вроде бы здоров. А потом Рид сказал: «Арво», «хижина» и «она не заслуживает этого».

Эрик не герой.

Никогда не считал себя таковым.

Но и мимо пройти не мог.

Арво всегда любил насилие. Крис его поддерживал. Иногда присоединялся Рэйден. Редко, но и в нём просыпалась ненормальное желание заставить страдать. Нет, когда дело касалось работы, тут всё понятно. Чем ты страшнее, жёстче, кровожаднее, тем лучше. Но эта маниакальная потребность унижить, разбить, уничтожить кого-то именно через

действия сексуального характера, всегда заставляли Эрика чувствовать острую необходимость выпустить Арво кишки. Он никогда не задумывался над причинами. Возможно, потому что всё дело в его детстве и в том, что происходило с его матерью. Он был слишком мал для того, чтобы защитить её. Слишком слаб. И это наложило безусловный отпечаток на его личность. Какой именно? Косински понятия не имеет и не собирается разбираться.

Мысль о том, что он не сможет в одиночку противостоять дяде, так прочно укоренилась в нем с самого детства, что он просто не рассматривал другие варианты, довольствуясь жалкими мизерными крохами помощи тем, кто не в состоянии позаботиться о себе сам. Так было до совсем недавнего времени. Теперь всё изменилось. Он всё ещё не имеет чётко сформулированных мыслей по этому поводу, но чувствует, что больше не может. Настало время высунуть голову из задницы и стать тем, кем он неосознанно всегда хотел быть. Партнёрство с террористами лишь подстегнуло его решимость. И тот факт, что Хантер в этом с ним согласен, несомненно, добавляет уверенности.

— Да что б тебя...

Он сцепляет зубы, выравнивая машину на ухабистой просёлочной дороге. Материт яму, которую не заметил, потому что, чёрт, уплыл в чертоги своего грёбаного разума. Щурится, заметив ярко светящиеся окна хижины, видные сквозь стволы деревьев, и вжимает педаль газа в пол. Сначала раз-

берётся с этими придурками, об остальном подумает позже. Он прикидывал план действий и приемлемую линию поведения, когда ещё только сажился в машину. Знал, что они будут или пьяными, или обдолбанными, или всё вместе. И принял единственно правильное, на его взгляд, решение.

Тормозит, оставляя на влажной, усыпанной прошлогодними листьями, земле глубокие широкие борозды от шин. Выдыхает, чувствуя как тяжелеет его взгляд. Выходит из машины и тремя широкими шагами доходит до входной двери. Схватившись за ручку, морщится от дерьмовой громкой музыки, и резко открывает дверь.

Перед ним предстаёт в общем-то ожидаемая картина. Куча пустых, полупустых бутылок, косяки, разбросанные прямо на столе. Там же, где и белый порошок, кстати. Идиоты. Немного ошарашенные Крис и Рэйдэн, чуть удивлённый Лука. Ни Арво, ни девушки. Крис приходит в себя первым, подсакивает с кресла, идёт к приёмнику и убирает громкость, попутно поспешно вытирая белую пыль под носом, выдавая свою нервозность.

— Чувак, а мы тебя здесь не ждали... — хохотнув, ворчит он.

Косински мрачно смотрит на него и собирается ответить, но резко поворачивает голову к одной из закрытых дверей, уловив какой-то шум. Раньше, чем осознает, шагает по направлению к ней, но тут же тормозит из-за внезапно возникшей преграды в виде придурка Криса.

— Гхм... Рик, — начинает тот, выставив руки вперёд, — тут приватная вечеринка, сечёшь? — Гаденько так ухмыляется, показывая ряд мелких белых зубов, которые Эрику так хочется пересчитать, что аж костяшки ноют. — И все приглашённые уже здесь. — Упирает руки в бока, довольно улыбаясь.

Косински смотрит на него с высоты своего роста и не понимает, как вообще мог терпеть его столько времени. Слышит характерный для удара звук, следом стон и яростное бормотание, косится в сторону закрытой двери. Он вполне может сцепиться с ними и выйти победителем, он это знает. Но гораздо быстрее будет:

— Арво сказал вам кто она такая? — спрашивает спокойно, чуть запрокинув голову вверх.

— Да шлюха какая-то, нам то что? — дёргано отвечает Рэйден, за что получает гневный взгляд Криса в ответ. Рик чуть поворачивает голову, секунду смотрит на него. Усмехается.

— То есть вам, долбоёбам, всё равно на тот факт, — снова смотрит на Криса, — что Хантер абсолютно чётко приказал Арво не приближаться к ней?

— Он объявился? — взволнованно реагирует безразличный ко всему до этого момента Лука. Принимает вертикальное положение в кресле и выжидаяще смотрит на Эрика.

— Жив-здоров. И зол, как грёбанный чёрт, — небрежным тоном сообщает, глянув в ответ. Серб медленно кивает.

— Мы мешать не станем, — угрюмо басит он, в тайне радуясь полученным новостям, — но и помогать тебе не будем. Разбирайтесь сами.

Он переводит взгляд на Криса и тому сразу становится ясно, что сейчас не время спорить. Обычно Луке плевать, но не в этот раз. Поэтому Рэйденом, сжав челюсти, шагает в бок.

— Я вроде и не просил помощи, — бормочет Рик, закатив глаза.

За считанные секунды добирается до нужной двери и ускоряется, потому что слышит вполне громкий женский крик. Хватается за ручку, дёргает. Заперто. Делает шаг назад и всаживает ногу в место около замка. Щепки от дверного косяка разлетаются в разные стороны, дверь поддаётся, открывая доступ в комнату. На секунду Эрик чувствует растерянность, когда взглядом находит широкую кровать и Арво, забравшегося на бессознательную... девушку? Косински с трудом сдерживает порыв наклонить голову в бок, как огромная любопытная птица. Человек, лежащий на кровати, кажется ему довольно хрупким для взрослого. Арво, не обращая никакого внимания на шум за спиной, активно шарит правой рукой под юбкой девушки, левой дёргая ширинку своих штанов, пытаясь её растянуть. Косински на секунду замирает. Слишком абсурдной кажется представшая перед ним картина, а потом девушка издаёт хныкающий звук и этого хватает.

Эрик быстро оказывается рядом и швыряет придурка в

стену. Не дав опомниться, всаживает кулак в челюсть. Проводит серию ударов по телу. Молча, методично. Арво, абсолютно дезориентированный внезапным нападением и яростью, которая обрушилась на него, никак не может начать сопротивляться. Косински хватает его за грудки и волочёт в соседнюю комнату, пинками отправив блондинистый кусок дерма на стол. Выходит следом за ним, останавливается на пороге, наблюдая за тем, как, плюясь кровью, спотыкаясь и матерясь, Арво пытается подняться.

— Су-ка... Гандон вонючий! — Злорадно усмехнувшись, предпринимает ещё одну попытку встать. На этот раз удачно. — Ты хоть представляешь, каких, сука, проблем себе только что нажил... Джонни? — Последнее слово произносит с особым ехидством, кривляясь и гримасничая. Рик отвечает ему тяжёлым, мрачным взглядом, но дышит спокойно. — Какого хуя ты о себе возомнил? — Шатаясь, встаёт в полный рост и переглядывается с остальными. Возвращается взглядом к Эрику. — Ты ничтожество! И всегда им будешь, — выплёвывает слова, которыми, уверен, заденет противника, но тот лишь вздыхает со скупающим видом.

— Вы, ебанаты, облажались, — говорит он, обращаясь ко всем, кроме Арво. — Этот мудень получил прямой приказ и нарушил его. Знаете зачем? — Приподнимает брови. Усмехается, заметив замешательство на их лицах. А потом цепляет взглядом татуировку, выглядывающую из-под ворота кофты Арво. Морда волка. — Ты уверен, что все твои эпи-

теты относятся ко мне, Арво? — Щурится. — Пока Хантер был в поле твоего зрения, ты даже посрать без его ведома не решался, но как только возникла вероятность того, что он не вернётся, ты решил выебнуться и начхать на его приказы. Собрался подорвать его авторитет? Методы у тебя, как у крысы.

— Да пошёл ты... — огрызается тот, ухмыляясь. — Джонни.

Лука раздражённо вздыхает. Рэйден прикрывает от досады глаза. Крис смотрит немигающим взглядом на Эрика. А тот, почти повернувшийся к ним спиной, замирает. Выдыхает и закатывает глаза. Что ж, он старался быть вежливым. Пока разворачивается, вытаскивает из-за пояса пистолет и нажимает на спусковой крючок. Арво, подкошенный, падает на стол, окончательно доломав его. Хватается за пробитую ногу и начинает кричать, попутно матерясь. Рик встречается взглядом с каждым из присутствующих и пожимает плечами.

— Я ведь предупреждал.

Пока Рэйден и Крис пытаются хоть как-то помочь раненому, а Лука возвращается в своё кресло, меланхолично наблюдая за происходящим и потягивая водку прямо из бутылки, Косински возвращается в полутёмную комнату за девушкой. Замирает у изголовья кровати на секунду. В том, что она именно та, кого он должен увезти отсюда, сомнений нет. «Мелкая, с разноцветными волосами, вечно носится и орёт

на всех».

Характеристика Хантера так себе, и сейчас она конечно без сознания, но мелкая. И разноцветные волосы имеются. Рик садится на корточки, вглядываясь в её лицо, проверяет пульс на шее, морщится, почувствовав пальцами вязкую кровь. Подаётся вперёд, чтобы взять её на руки, но девушка резко открывает глаза и, прежде чем он вообще хоть что-то успевает сообразить, отвешивает пару увесистых тумачков. От неожиданности Косински падает на задницу, потирая ушибленную челюсть. А затем его губы дёргаются и приходится приложить усилие, чтобы сдержать ухмылку. Она наверняка ему в пупок дышит, но завалила, вот ведь незадача.

Теоне, в отличии от горы мышц, сидящих перед ней на полу, совсем не до смеха. Всё тело болит от малейшего движения. Она теряет сознание и не знает надолго ли. Где этот ублюдок? Что вообще происходит? Её взгляд мечется по комнате. Пытается отползти подальше от незнакомца, но он шевелится и она застывает. Пристально наблюдает за тем, как он поднимается, вставая во весь свой рост.

Он произносит свое имя. Она не отводит взгляда. Он шагает ближе. Замирает. Потому что все её лицо в крови. Разбиты губа и бровь, кожа на скуле лопнула от удара и теперь из раны медленно сочится кровь. Он не может понять откуда кровь на шее, но теперь имеет возможность разглядеть мелкие порезы везде. Немного успокаивает одно — когда он

пришёл, штаны были всё ещё на Арво, значит, изнасиловать не успел. Эрик приподнимает руки вверх.

— Меня прислал Хантер, — говорит он, чуть нервно улыбнувшись.

Она молча смотрит на него. Её пальцы нервно сжимают простыни.

— Так, ладно. — Мужчина хмурится. Косится на дверной проём.

В соседней комнате становится заметно тише и это значит что либо Арво сдох, либо собирается сделать какое-то дерьмо. Во втором случае Эрику следует поторопиться. Он думает, вспоминая все, что успел сказать Рид.

— Эрин Морган.

Понимает, что попал в точку, судя по выражению лица девушки. Он понятия не имеет кто такая эта Эрин, но если это поможет ему вытащить девчонку отсюда, то и плевать.

— Хантер сказал, что Эрин сожрёт его с потрохами, если с тобой что-то случится. — Делает неуверенный шаг к кровати. — Я отвезу тебя домой, хорошо? Давай же, нам нужно сваливать, — добавляет как можно мягче, понимая, что ей и так досталось.

Тело Форест напряжено до предела, кажется, тронь и её разорвёт, как туго натянутую струну. Может ли она довериться человеку, которого видит впервые в жизни, только лишь потому что он знает фамилию и имя её подруги? Чёрт, конечно нет. Но что ей остаётся? Едва заметно шевелится и

начинает часто моргать, чтобы не заплакать от боли. Беспомощно смотрит на мужчину.

— Я не могу... — шепчет, прижимая руку к животу, сгибаясь и комкая простыню свободной рукой.

— Что?.. — тупо переспрашивает тот.

— Больно... — сипит, прижавшись горячим лбом к прохладной простыне.

Эрик сжимает челюсть. Арво получил несоизмеримо меньше, чем заслуживает. Он обходит кровать и замирает на секунду за спиной Тео.

— Я возьму тебя на руки, хорошо?

Форест упирается ладонью в кровать и приподнимается. Кивает. Пытается поменять положение. Эрик наклоняется, берет её на руки. Шагает к двери, чувствуя почти невесомую руку, обхватившую его за шею. Не смотрит ни на кого из опасения, что просто перестреляет их к херам. Арво за то, что он сделал и ещё собирался сделать. Остальных просто за то, что не помешали ему. Это иррациональное желание. Косински понимает. И что?

А ничего.

Это не имеет значения. Никто не должен проходить через такое. Он сажит девушку в машину. Выпрямляется, секунду наблюдая за тем, как она подтягивает колени к груди, пытаясь таким образом уменьшить боль. Сжимает челюсти, напрягаясь от спора с самим собой. Прикрывает глаза и медленно выдыхает.

Сука.

— Скоро вернусь, — захлопывая дверь,

Шагает к хижине, всё ещё споря с самим собой о резонности принятого решения. Распахивает дверь, переступает порог. Рэйдено и Крис, ползающие возле Арво и пытающиеся остановить кровь, замирают, резко вскинув головы. Лука встречает Косински скупающим взглядом. Рик не медлит. Подходит к Арво, рыкнув на присутствующих. Им достаточно тона голоса, чтобы они не посмели вмешиваться. Арво смотрит на Рика горящим от ненависти и боли взглядом, зажимая огнестрельную рану на ноге. Эрик вытаскивает из чехла на поясе довольно большой острый нож, с которым не расстанется, наклоняется, хватая за грудки и одним точным, отмеренным движением разрезает ткань его кофты.

— Какого?!.. Сука! Убери от меня свои лапы... — Арво не заканчивает, получив сильный удар кулаком по роже.

— Чувак, хватит... он понял... — встречается Рэйдено. Замирает под гневным взглядом.

— Хватит... — усмехается Рик, возвращаясь к обездвиженному от боли Арво. — Хватит будет, когда я решу.

Давит коленом на его грудную клетку, давая понять, что лучше не барахтаться. Нависает над ним, указывая на его глаза кончиком ножа.

— Рыпнешься, и я с удовольствием перережу тебе глотку, мудака. Усёк? — Ответа не получает. Тогда давит коленом сильнее. — Усёк?! — Арво кивает. Резко. Один раз. — Хо-

рошо. — Упирается свободной ладонью в его плечо и прижимает острое лезвие к краю татуировки с мордой волка.

— Твою мать, Эрик! Это же просто какая-то девка! — кричит Крис, поняв, что тот собирается делать.

— Хлебало завали! — рывкает в ответ.

Ухмыляется, глядя в глаза Арво за секунду до того, как одним точным резким движением срезает тонкий кусок кожи, на котором изображена морда волка. Хижину наполняет крик боли, стон отвращения Криса и звуки со стороны спрятавшегося за диваном Рэйдена, дающие понять, что его желудок с энтузиазмом отличника избавляется от содержимого. И только Лука остаётся безразлично спокойным. Рик, сжимая в одной руке окровавленный нож, а в другой кусок кожи, встаёт в полный рост, продолжая нависать над скулящим Арво. Брезгливо вытирает лезвие о штаны и отправляет его в чехол.

Отходит на пару шагов, кидает окровавленный ошмёток в горящий камин, в котором языки пламени моментально с жадностью принимают за него, посылая по всей хижине характерную вонь. Тратит пару секунд на то, чтобы посмотреть на присутствующих.

— Убедитесь в том, что этот кусок дерьма не сдохнет до встречи с Хантером. — Направляется к выходу. — Сдохнет, отвечать будете вы, — добавляет, не оборачиваясь, и выходит из ненавистой хижины, громко хлопнув дверью.

— Хочешь протоптать в полу дыру? — раздражённо спрашивает Хантер. — Прижми уже задницу и перестань действовать мне на нервы.

Эрин тормозит на секунду, гневно взглянув на него, но почти сразу возобновляет движение по траектории «туда-сюда», кажется, ещё громче шагая на зло. Рид закатывает глаза и бессильно опускает голову на спинку дивана.

Прошло достаточно времени с тех пор, как он позвонил Рику и тот до сих пор не перезвонил. О причинах Хантер думать не хочет, потому что тогда неизбежно к нему придёт мысль о том, что отправлять единственного человека, которого он может хоть как-то терпеть, к четырём обдолбанным психопатам было не очень хорошей идеей.

А за этой мыслью другая.

За каким чертом он вообще подписался участвовать в этом дерьме? Ну, да, Форест вроде ничего. Ну, да, она действительно не сделала ему ничего плохого. И уж точно да, она не заслуживает такого. Хотя, с другой стороны, сама виновата. Но ведь это он втащил Арво в её жизнь, тут с Эрин не поспоришь... Хантер резко наклоняется вперёд и принимается интенсивно тереть лицо руками, пытаясь выкинуть все эти мысли. Да твою же мать...

— Пойду покурю, — зачем-то ставит в известность девушку, направляясь к балкону. Слышит какой-то непонят-

ный звук с её стороны и снова закатывает глаза. Удивительно, почему Морган до сих пор не попыталась его отравить?

Рид тормозит на полпути, потому что слышит стук в дверь и резко разворачивается. Эрин бежит к двери, проскальзывает по полу, почти врезается в неё, трясущимися руками отпирает замки и распахивает. На секунду замирает, встретившись с тяжёлым, мрачным взглядом незнакомого мужчины. А потом переводит взгляд на Тео, которая в его руках выглядит поломанной тряпичной куклой.

— Боже... Тео... — бормочет, отступая в сторону и пропуская их в квартиру.

— Я хотел отвезти её в больницу, но она наотрез отказалась, — угрюмо сообщает Эрик, шагая к дивану. Аккуратно опускает девушку на мягкие подушки, выпрямляется, уперев руки в бока и глядя на неё с раздражением. — Кто бы мог подумать, что в такой молекуле столько, на хрен, бесящего упрямства.

— Ммм... — Теона неестественно улыбается. — Пошёл ты, Гуливер хренов, — говорит без злобы, смотрит исподлобья, встретившись с ним взглядом и заставив нахмуриться.

Эрин тем временем, не обращая никакого внимания на мужчин, опускается на колени перед подругой, вглядываясь в её лицо и пытаясь понять насколько всё плохо.

— Тео, но почему?..

Всё не просто плохо.

Это грёбаная катастрофа.

Эрин готова везти её в больницу против воли, но этот взгляд...

— Отец. Если я попаду в больницу, он узнает, — тихо отвечает Форест, тут же стонет почти неслышно. — Нельзя.

— Ну, зашивать раны ты уже научилась, — насмешливо говорит Хантер, наконец решив подать голос. Подходит ближе к дивану, разводит руки в стороны. — Так что больницы не нужны. — Нагло улыбается в ответ на яростный взгляд Эрин. — Привет, малявка, — говорит тише и, на удивление, мягче, сам того не замечая. — Хреново выглядишь.

Эрику приходится пару раз моргнуть, чтобы проверить не спит ли. Потому что ему точно не послышалась мягкость в голосе Рида. Хантер смутно понимает, что звучит не так, как привык, но реакция на то, в каком состоянии находится девушка становится неожиданностью даже для него.

— На себя посмотри, уродливый кусок дерьма, — хмыкнув, отвечает Форест, вызывая у него усмешку. Прикрывает глаза, борясь с очередной волной боли. Ей нужно одиночество. Срочно. — Мне нужно в душ, — шепчет.

Резко встаёт, заставляя Эрин чуть отклониться, делает пару шагов и путается в собственных ногах. От болезненного падения её тела и от не менее болезненного падения собственного достоинства, которое и так уже болтается где-то в канализации, её спасает пара огромных лап, подхвативших раньше, чем Эрик вообще соображает, что делает. Она морщится, ухватившись за его предплечья, поднимает голову и

упирается взглядом в его удивлённую физиономию. Впрочем, почти сразу его брови сдвигаются к переносице.

— Под ноги смотри, блин.

— А ты её и в душе будешь поддерживать? — насмешливо интересуется Хантер, наклонив голову к плечу и наблюдая за недоприятелем. Встречает три пары глаз, которые смотрят на него с раздражением. Пожимает плечами. — О, нет? Я просто интересуюсь.

— Давай, я помогу, — предлагает Эрин, поддерживая подругу и кивая Эрику, давая понять, что тот может отпустить.

Эрин теряет всякий интерес к идиотам, заполонившим её дом, и полностью переключается на девушку. Хантер и Эрик молча провожают их взглядами до тех пор, пока дверь ванной комнаты не закрывается.

— Эрин такая душка, правда? — говорит Хантер, улыбаясь. Но в его голосе совсем не слышится веселья. — Курить хочешь?

Эрик молча кивает. Они выходят на балкон. Хантер достаёт пачку сигарет, поворачивается к нему.

— Слушай, жаль было просить тебя срыв...

Его грубо прерывает увесистый кулак, проехавшийся по физиономии с особой тщательностью. Рид отходит на пару шагов, спиной ударившись о кованые перила, роняет пачку сигарет и та отправляется в последний полёт. Хантер, прищурившись, смотрит на Рика.

— Какого... хера? — цедит сквозь зубы.

— Такого, что ты мудака, — спокойно отвечает тот, засовывая сигарету в зубы. Прикуривает. Пожимает плечами. — Может в следующий раз, прежде чем пропасть, сообщишь, что ты, твою мать, живой.

Затягивается. Подходит к перилам, облокачивается на них. Хантер сверлит его раздражённым взглядом, лезет в карман его куртки и достаёт сигареты. Косински даже бровью не ведёт. Ждёт пока закурит.

— Что случилось? И как, на хрен, ты оказался у той, кому и на глаза не должен был попадаться? — спрашивает он, поняв наконец кто такая эта Эрин Морган.

Рид затягивается, задумавшись, а потом рассказывает всё, начиная с вечера в «Вольте» и того, как в его голову пришла «замечательная» идея использовать оплошность Арво и заканчивая сегодняшним вечером. Когда он замолкает, Эрик молчит настолько долго, что Хантер подозрительно косится в его сторону. Косински отшвыривает окурочку щелчком пальцев, тяжело выдыхает, отталкивается от перил и отходит на несколько шагов, поворачиваясь к нему спиной. Проводит руками по волосам, сцепляет их в замок на затылке и снова тяжело выдыхает. Хантер следит за ним взглядом, усмехается, зажав фильтр зубами.

— Что, даже ничего не скажешь? — интересуется с насмешкой в голосе, опираясь на перила.

Отвлекается на сигнал клаксона внизу, поэтому пропускает момент, когда Косински резко разворачивается и сно-

ва бьёт его в челюсть. Недокуренная сигарета падает на пол, Хантер отшатывается, по инерции чуть сгибается и хватается за ушибленное место.

— С-сука... — Резко выпрямляется в полный рост и со злостью смотрит на Эрика, отвечающего ему тем же. — Сейчас то за что?!

— Ты серьёзно подозревал меня в том, что я причастен к той стрельбе?! — спрашивает тот, повысив голос. — Серьёзно, твою мать?!

— Я не знал кто это мог быть, поэтому подозревал всех, ясно?! — огрызается, понимая, что задел его. И, к своему ужасу, осознавая, что ему жаль.

— О, — Косински щурится, — тогда будь добр в следующий раз, когда понадобится морозить задницу и тащиться чёрт знает куда, звони кому-то другому.

Снова закуривает, подходит к краю и смотрит невидящим взглядом вниз, поглощая никотин. Хантер опирается на перила спиной, одну руку засовывает в карман штанов, вторую запускает в волосы, от досады оттягивая их.

— Их было трое и у них было серьёзное оружие, Рик, — начинает говорить тихо. — В меня дважды попали и я не рассчитывал на то, что выберусь живым. — Качает головой, поджав губы. — Я не знал кто они. Не знал, чей приказ выполняют. Не знал, куда мне сунуться, чтобы оклематься. Я вообще нихрена не знал, понимаешь? — Смотрит на Эрика, стоящего рядом и безмолвно делающего затяжку за затяж-

кой. — Та стычка с Доном... и твои слова тем утром... И эти грёбанные арабы.

— Сирийцы.

— Да похуй, — хмыкнув, беззлобно огрызается Рид. — Творится какое-то дерьмо и я не могу понять куда смотреть. — Замолкает на секунду, ведь сказать следующие слова сложнее, чем он предполагал. Резко выдыхает. — Прости, мужик, ладно? — Украдкой смотрит на Косински. — Как только я включил мозги, сразу понял, что это не ты.

Тот молчит, разглядывая свои раскрытые ладони, перепачканные кровью Форест и Арво, как загипнотизированный. Снова затягивается.

— Она такая маленькая, — говорит тихо.

Хантер не сразу понимает о ком он, а когда понимает, хмурится. Поворачивается и упирается в перила, не сводя глаз с крови на руках Рика.

— Да по сравнению с тобой даже я выгляжу хрупкой принцессой, мать твою, — пытается отшутиться, но как-то не получается. — Сильно плохо было?

— Этот ублюдок избил её, изрезал и собирался изнасиловать. Помнишь, какой он боров? — с издёвкой спрашивает. — Она бы не выжила. — Замолкает, смущённый тем, как отреагировал. Всегда так реагировал на подобные вещи и каждый чёртов раз чувствовал себя из-за этого идиотом. В смысле, какая ему разница? Выходит, что разница есть. — С этим нужно что-то делать, Хантер. — Качает головой. —

Эта девушка, — тычет указательным пальцем в сторону двери, — не первая. И уж точно не последняя. Ты же знаешь... — Замолкает, потому что улавливает странный взгляд, которым его одаривает Рид.

— Заделался защитником униженных и оскорбленных? — с иронией в голосе интересуется тот. Косински щурится, скрестив руки на груди.

— Может, да. — Пожимает плечами. — Может, нет. — Гримасничает. — А может пошёл ты, кусок придурка? — Закатывает глаза, отворачиваясь. Слышит тихий смех, а затем чувствует хлопок по плечу.

— Мы сделаем, Рик, — бодро заявляет, встречается с ним взглядом и становится серьёзным. — Что-нибудь придумаем.

Замолкает, потому что сквозь стеклянную дверь балкона замечает Эрин, которая выходит из ванной и что-то ищет в ящиках на кухне. На секунду задумывается, а в следующее мгновение уже снова веселится.

— Не дадим в обиду маленьких, беспомощных, злобных гномов и лепреконов! — Улыбается голливудской улыбкой, переигрывая, и поднимает вверх большие пальцы. Косински прикрывает глаза.

— Дебил... — заходит в квартиру, встречается взглядом с Эрин. — Как она?

Эрин и не думает отвечать. Всё, что они от неё получают — раздражённый, полный презрения взгляд. Она проходит

мимо, громко хлопнув дверью. Тут же возвращается, сердито шагает напрямик к Эрику, который внутренне напрягается, не зная, чего от неё ждать. Эрин останавливается совсем близко, задирает голову вверх, успевает удивиться его росту, тычет указательным пальцем в его грудную клетку.

— С твоим приятелем бесполезно разговаривать, он тупое безмозглое животное, так что попытаю удачу с тобой, — язвительно тараторит, потому что ей некогда, она не хочет надолго оставлять Тео одну. Рик хмурится, глядя с высоты своего роста. — Сейчас я зайду в ванную, помогу Теоне, которая, — переводит взгляд на забавляющегося Хантера, — пострадала из-за тебя! — Тычет в его сторону пальцем, тот поднимает руки вверх, признавая вину. Эрин возвращается к Рику. — И когда мы выйдем, ни тебя, ни твоего дружка дегенерата здесь быть не должно. Усёк?!

Косински хмуро смотрит на указательный палец, упирающийся в его грудную клетку, поднимает голову и встречается взглядом с Эрин. Та приподнимает брови, как бы переспрашивая его, понял ли. Эрик кивает.

— Вот и чудненько! — фальшиво улыбнувшись, восклицает девушка. Хлопает его по плечу, разворачивается и направляется в ванную, не обращая никакого внимания на Хантера.

— Да сама ты дегенератка... дегенератка, — говорит тот возмущено, ловит взгляд Рика. — Что?

— Очень по-взрослому, — обречённо отвечает и садится

на диван.

Эрин захлопывает дверь и сердито сдувает прядь волос с лица. Упирается взглядом в Теону, которая всё ещё сидит на бортике ванной и, кажется, не собирается снимать с себя грязную, помятую, порванную одежду.

— Милая... — Осторожно подходит к девушке, растеряв весь свой запал. Поднимает голову и пытается поймать взгляд Форест. — Это нужно снять... — говорит тихо, чуть потянув за подол юбки. Теона сжимает в пальцах ткань и замирает, спрятав глаза. — Тео...

— Я сама! — перебивает, не поднимая глаз.

— Ладно, ладно. — Морган реагирует моментально, убирая руки. — Хорошо.

Теона медленно встаёт. Медленно стягивает с себя одежду, пряча лицо за разноцветными волосами. По прежнему не смотрит на Эрин, пытаясь прикрыть тело руками. Этот жест... Эрин смотрит на неё. Синяки. Порезы. Теона растерянно смотрит на своё нижнее бельё. Эрин отворачивается, чтобы дать ей возможность раздеться. Не хочет, чтобы Теона видела её слёзы.

Девушка садится в ванную, подтянув к себе колени и обхватив их. Эрин опускается рядом, включает душ и регулирует температуру. Какое-то время в помещении раздаётся

лишь шум воды. Теона, не моргая, смотрит на то, как вода стекает с её волос.

— Перекрашусь в чёрный, — внезапно совсем тихо говорит она.

— Зачем? — нейтральным тоном интересуется Эрин.

— Думаешь, мне не пойдёт?

Теона впервые с тех пор, как вернулась, смотрит ей прямо в глаза. Еле сдерживается, вот-вот заплачет. Эрин цепляет пальцем один из разноцветных локонов, молча смотрит на него, а затем улыбается, глядя в глаза девушке.

— Думаю, ты будешь красивой даже, если обреешься налысо, набьёшь татушку на макушке, типа... — Поднимает взгляд к потолку, делая вид, что задумалась. — Типа «Заёбан, но не сломлен!». — Теона хмурится. — Или «Никакой агрессии! Бей и улыбайся!». — Теона начинает тихо хихикать. — Или вот ещё! — Эрин отклоняется назад и проводит в воздухе дугу рукой. — «Не падай духом где попало!». — Широко улыбается, глядя на Форест.

Плечи девушки начинают трястись в приступе беззвучного смеха. Эрин возвращается на место к прерванному занятию. Усмехается, пожав плечами.

— Ну или можно проще и лаконичнее. Просто «Потеряйтесь нахуй, ублюди».

— Эрин! — Форест замирает с открытым ртом.

— Ну что? «Сдаются только квартиры, проститутки и слабаки»? Нет? «Уходя, гасите всех»? Тоже не подходит? —

Теона начинает смеяться громче. — «Ты не ты, когда не ты»? — Ч-что? — переспрашивает она сквозь смех.

Эрин тоже смеётся. А потом они встречаются взглядами и Морган понимает, что смех Теоны переходит в истерический, который неизбежно перетечёт в рыдания. Видит покрасневшие глаза подруги и то, как они наполняются слезами, несмотря на широкую улыбку. А потом и та тает, девушка морщится, Эрин откидывает душ, тянется к ней.

— Тео...

Успевает обнять её раньше, чем Форест начинает плакать навзрыд. На какое-то время в помещении к звуку шумящей воды присоединяется плачь. А когда слёзы пропадают, Эрин помогает ей смыть с себя мерзкие запахи, хотя от ощущения рук и острого лезвия Форест отделается ещё не скоро. Они обрабатывают мелкие порезы. Рана на скуле беспокоит Эрин больше, но Тео настаивает на том, что хватит антисептика, мази и пластыря. Эрин не решается спорить. После всех процедур Теона натягивает на себя мягкие, тёплые домашние штаны и кофту с длинными рукавами и высокой горловиной. Она врзается в спину Морган, вышедшей первой из ванной. Хмурится, услышав возмущение в голосе.

— Какого хрена?! Я говорю на марсианском?! — рывкает Эрин.

— Нечего сверлить меня гневным взглядом, дамочка, — огрызается Рид. — Это он.

Кивает в сторону Рика, хватая свою куртку и выходит,

громко хлопнув дверью. Морган переводит взгляд на мужчину, который чешет макушку. Морщится.

— Э... ладно. — Разворачивается, идёт к двери.

— Эрик, — тихо зовёт Тео. Он тормозит, оборачивается. — Спасибо.

Косински как-то неопределённо хмыкает, кивает и уходит, аккуратно закрыв за собой дверь. Оставшиеся в лофте переглядываются.

— Ты можешь занять мою комнату на время, — предлагает Эрин, предпочитая забыть о незваных гостях. — Там кровать мягче.

— Пффф... — Тео закатывает глаза и тащится к своему любимому дивану. Кое-как садится на него. — Вся твоя комната провоняла придурком Хантером.

Глава 9.

Эрик трёт глаза, выходит из лифта, дальше на улицу. Видит Хантера. Тот стоит у машины с таким видом, будто уже час ждёт, чтобы высказать ему всё, что думает. Косински усмехается, направляясь к нему, вспоминая поведение Эрин. Хантер замечает его приближение, закатывает глаза.

— А ещё медленнее идти нельзя? — раздражённо спрашивает, разведя руки в стороны. — Здесь прохладно вообще-то.

— Кто тебе виноват, что ты ведёшь себя, как малолетка?

Хантер набирает побольше кислорода в лёгкие, чтобы выдать тираду из трёхэтажного мата, но не произносит ни звука, заметив, как быстро меняется выражение лица Косински. Смотрит в ту же сторону, что и он, и не видит нихрена.

— Что? — тихо спрашивает.

— Я сейчас, — отвечает Рик, кидая ему ключи от машины.

Резко меняет направление и переходит дорогу по диагонали. Не успевает пройти и пары шагов, когда автомобиль, который он замечает, трогается с места и скрывается за поворотом. Почти сразу телефон Рика звонит. Ему не хочется отвечать. Не хочется делать то, что говорит грёбаный Пол, но сопротивляться смысла нет. Поэтому разворачивается, быстро доходит до машины, садится. Затыгивается и молчит секунду.

— Нужно к Дону, — наконец говорит, выдыхая дым.

Хантер гримасничает, проводит ладонью по затылку и кивает.

— Знаю. — Обречённо выдыхает. Отворачивается к окну. Думает, сжав челюсти. — Ну, поехали.

Эрик смотрит на него несколько секунд, переводит взгляд в лобовое и заводит двигатель. Какое-то время они едут в полной тишине, каждый погружённый в свои мысли.

— Что ты будешь говорить по поводу своего отсутствия? — тихо спрашивает Эрик.

— Ты уверен, что он не при делах? — вопросом на вопрос

отвечает Рид. Рик косится в его сторону.

— Да. Ему не выгодна твоя смерть. — Перестраивается в правый ряд. — Не сейчас во всяком случае, — добавляет, тихо хмыкнув.

— Ну, спасибо, — усмехнувшись, отзывается. — Правду. Я расскажу ему правду, — Ловит встревоженный взгляд. Закатывает глаза. — Нет, о милашке Эрин и радужном гноме я рассказывать не буду. Если Дону будет нужно, он узнает сам.

Рик молчит, перебирая в голове имена детей, которым пытался помочь за последние два-три года. Вспоминает их разбитых и раздавленных матерей. А потом то, как резво Теона завалила его. Усмехается. Снова становится серьёзным. Сколько жизней разрушил Дон? Тех, которые относятся к их миру лишь косвенно? А он сам? У него самого тоже руки по локоть в крови. И что он за хрен собачий, если продолжает жить по правилам своего ублюдочного дяди?

— Эрин оказалась в ненужном месте, в ненужное время, — начинает тихо говорить, зная, что они совсем скоро доберутся до ресторана.

— Да! — Хантер раздражённо поднимает руки. — Как и множество других людей до неё.

— Ты их видел вообще? — сухо интересуется. — Им нельзя светиться.

— Это ещё почему? — насмешливо уточняет Хантер.

— Потому что тогда их ждёт долгая мучительная жизнь в полусознательном состоянии, большую часть которой они

будут проводить под моим дядей и его приятелями, — холодно отвечает. — Ты же знаешь, как это работает.

— О чём ты, мать твою, тут лепечешь? — ворчливо спрашивает Рид.

— Смотри. — Рик паркуется у входа в ресторан. — Есть две красивые молодые женщины. Ты не можешь это отрицать, видел я, как ты на неё смотришь, — начинает говорить, повернув к Хантеру голову. — Обе никаким образом не связаны с криминалом. — Опирается на подлокотник сидения локтем и подпирает подбородок указательным пальцем правой руки. — У них свои планы на свою жизнь. Не обязательно радужную, но свою. Свои мысли, какие-то мечты и ожидания. А потом они встречает такого человека, как Дон. И всё.

— Что всё?

— Всё. Нет ни человека, ни личности, ни жизни.

— Не драматизируй, — закатив глаза, говорит Хантер. Хватается за ручку двери.

— Они ведь могли сдать тебя, — тихо продолжает Рик. — Эрин могла просто оставить тебя подыхать, а потом вызвать копов и сказать, что так и было. Понимаешь? — Он начинает злиться, так некстати вспомнив об Арво. — Ты мог проигнорировать то, в какую срань вляпалась Теона, но ты прервал свой мёртвый эфир и позвонил мне. — Хантер продолжает молча смотреть на него. — Сколько ещё людей должно пострадать, чтобы ты перестал корчить из себя кусок дерь-

ма? — на тон ниже интересуется. Чуть наклоняется к нему, пристально глядя в глаза. — Ты можешь обмануть других, но я знаю, что ты не настолько плох.

Он звучит увереннее, чем чувствует себя на самом деле. Просто потому что если он ошибается в Хантере, то это означает только одно — он по-прежнему один.

А один в поле не воин.

Рид продолжает молча смотреть на него, пытаясь навести порядок в голове. Уверенный, настойчивый, даже нахальный Эрик для него как десятое, сука, чудо света. Нервозный, вечно кипящий и совсем неконфликтный был привычнее, но Хантер, кажется, начинает понимать, что не он один тут старательно играет в Джекила и Хайда. Натягивает на лицо насмешливую гримасу.

— С чего вдруг такой интерес к этой парочке, Рик? Так приглянулась малявка? — Приподнимает брови. Косински обречённо выдыхает. — Ты ж её раздавишь, чувак.

— Да завали ты свой грёбанный рот, придурок, — раздражённо перебивает, выходит из машины, обходит её, открывает дверь, встречается с мрачным взглядом Рида. — Пошли, калека, — говорит бодро, хотя чувствует лишь раздражение и разочарование. Зря он поднял эту тему.

Рид хватается за дверь и кричит, стараясь выбраться максимально осторожно, чтобы не задеть раны. Чувствует на своём предплечье чужую руку, дёргается, как ошпаренный и смотрит на него недовольным взглядом.

— Я сам! — брюзжит. Косински усмехается, поднимая руки, как будто сдаваясь.

— Окей.

Разворачивается, чтобы пойти в ресторан, Хантер хватается за плечо, заставляя повернуться к нему лицом. Пару секунд зло смотрит на него.

— Я не буду поднимать тему того, где именно я отсиживался. И вообще хоть как-то упоминать эти две занозы в заднице. Но это всё, что я сделаю. Париться из-за дальнейшей участи этих двоих я не собираюсь, усёк? — Косински хмурит брови. — Но есть Арво, который видел обеих. И знает, где их найти. И с этим я разбираться не намерен.

— Он не проблема, — говорит Эрик. Теперь хмурится Хантер.

— В смысле? Почему?

— Ну... — Пожимает плечами. — Он обзавёлся сломанным носом и дыркой в ноге. Думаю, даже до такого имбецила дошло, что лучше сидеть и не отсвечивать.

— Если... когда то, что мы обсуждали, начнётся, под удар попадут все. И Арво не станет молчать, — тихо говорит Хантер. — Дону будет абсолютно наплевать на степень твоей близости с теми или иными людьми, — продолжает мрачно. — Если ты обзавёлся какой-нибудь симпатичной старушкой соседкой с которой вы просто мило приветствуете друг друга по утрам — она пострадает. Если продавец из расположенного рядом с твоим домом магазина улыбается тебе при

встрече — он пострадает. Чёрт, пострадает даже та блондиночка из «Вольта» с которой ты обжимался, пока остальные работали. Сечёшь? Мы или делаем это, сосредоточившись на главном. Или пытаемся играть хороших парней и заботимся об участии всех подряд и совершенно точно обзаведёмся лишней дыркой в голове. — Тычет указательным пальцем в середину лба Рика. — Прямо вот тут.

— Симпатичная старушка соседка? — тупо переспрашивает тот, сморщившись. Пожимает плечами. — Если Арво начнёт болтать, просто отрежу от него ещё один кусок кожи. — Усмехается. — Побольше. Мне надоело быть причиной, по которой страдают люди не имеющие никакого отношения к нашей работе. Заебался. Всё. Кончился.

— В смысле «ещё один»? — удивлённо уточняет Рид.

Косински собирается ответить, но внимание Хантера привлекает кое-что за его спиной. То, что выглядит неправильным. И это означает, что они в глубокой заднице.

Дэйв прикуривает сигарету, игнорируя взгляд Расти, чешет заросшую щетиной щёку и смотрит мрачным взглядом на здание, расположенное в нескольких десятках ярдов от них. Они сидят здесь уже третий день.

— Как же меня бесит это дерьмо, — уныло тянет он, выпуская дым.

— А меня бесит, что из-за тебя я превращаюсь в чёртову пепельницу, — ворчит Калвертон.

— О, а ты ожидал, что я вежливо буду выходить каждый раз, когда захочу покурить? — с насмешкой интересуется Моджо, переводя взгляд на напарника. — Погоди, ещё сутки в этой долбанной машине и я петь начну. — Зловеще улыбается. Раст округляет глаза в притворном испуге.

— О нет, только не это. Лучше сразу убей.

— Пф... сам убьёшься. — Дэйв снова переводит взгляд на ресторан. Думает. — Джим больше ничего не прислал?

— Да куда уж больше. Сдался тебе этот Рид. — Раст снова просматривает присланные файлы на планшете. — Да на него и его ребят здесь информации больше, чем на самого Дональда. — Поднимает голову, уставившись на затылок напарника. — Зачем он тебе? Это же просто... мелкая сошка.

Дэйв чешет подбородок большим пальцем, складывает руки на руле и кладёт на них голову, продолжая наблюдать за рестораном. Молчит так долго, что Раст уже думает, что он не ответит.

— Не знаю, — наконец тихо говорит Моджо. — Когда пришли данные о Косински... этот мужик засветился только на одной фотографии. Ну уж больно знакома мне его рожа. — Выпрямляет спину, прижимается к спинке сидения, смотрит на напарника. — И я никак не могу вспомнить где уже видел его. Что-то с ним не так, понимаешь?

— Может с Косински и видел, — предполагает Раст, по-

жимая плечами. — Его группировка давно у нас на карандаше.

— Неа, — Дэйв качает головой, — тогда бы я запомнил, где видел его.

— Какое-то другое дело? — в очередной раз предполагает Калвертон.

— Да нет же, — раздражённо кидает Моджо. — Все, кто проходил по каким-либо делам, мне известны. Каждый. Даже самая мелкая шестёрка. Где бы я его не видел, это не было связано с расследованиями. — Снова трёт лицо руками. — Сука, это бесит меня больше всего!

— То, что ты не можешь вспомнить, где видел эту рожу? — отстранённо интересуется Раст, продолжая штудировать досье.

— Щетина, Раст, — недовольно отвечает Дэйв. — Грёбаная щетина.

Тот медленно поднимает голову от экрана и непонимающе смотрит на напарника.

— Мы тут несколько дней сидим. А это прекрасное лицо, — указывает на свою физиономию указательным пальцем, — не должно покрываться четырёхдневной щетиной. — Похоже улыбается. Раст закатывает глаза.

— Вот тебе вроде пятый десяток, а ведёшь ты себя, как гормонально взбесившийся сопляк, — иронично замечает Калвертон. Дэйв хмыкает.

— Скучный ты стал. — Моджо замолкает, заметив дви-

жение у входа. — Кто это тут у нас? Раст, чья машина? — Хватает небольшой бинокль и чётко диктует номер.

— Эрик Косински, — спустя десять секунд отвечает Раст.

— Племяш, значит, подвалил, — довольно тянет Моджо. Ещё бы, этот говнюк показался здесь впервые за несколько дней. — Какого хрена он не выходит...

— Терпения у тебя, как у пубертатного подростка, — усмехается Калвертон.

— Эй! — Моджо резко поворачивается к нему. — Да мне остопиздело уже торчать в этой машине.

— Я так и понял, — скорчив гримасу, отвечает Раст. — Верни свои zenки на наблюдательный пункт, — продолжает, кивнув в сторону машины Косински.

Несколько минут не происходит ничего. Затем агенты видят, как Эрик выходит из машины и чувствуют непонимание, когда он, вместо того, чтобы просто зайти в ресторан, обходит машину и открывает дверь со стороны пассажирского сидения.

— Ого, — присвистнув, тянет Раст. — Твой таинственный незнакомец явился.

Моджо никак не реагирует на его слова, застыв и напрягшись, пытаясь хоть что-то разглядеть.

— Кажется, ему больно двигаться, — снова подаёт голос Раст, наблюдая за ними через второй бинокль.

— Твою ж за ногу, они не продажей воздушных шариков занимаются же, Раст, — отстранённо отвечает Моджо.

— Им часто достаётся. — Недолго молчит. — Жаль, что не насмерть.

Видит, что оба мужчины о чём-то разговаривают, затем двигаются к двери, но Рид внезапно встаёт, как вкопанный, совсем рядом с приятелем, лицом к агентам. Он достаёт сигареты, опустив голову, прикуривает одну и продолжает смотреть себе под ноги. Косински делает тоже самое. Дэйв прикрывает глаза, подавляя раздражение. Какого хрена такое возможно? Резко выдыхает, давит на глаза пальцами.

— Что? — непонимающе спрашивает Калвертон.

— Он нас срисовал, вот что, — мрачно отвечает Дэйв.

— С чего ты взял? Они же просто курят.

— Перед тем, как резко тормознуть и внезапно вспомнить, что требуется новая доза никотина, он смотрел в нашу сторону, — раздражённо поясняет Дэйв. — И посмотри на Косински. Руки в карманах, стоит расслабленно.

— Именно.

— *Слишком* расслабленно. — цедит Моджо. Раст хмурит брови, с подозрением глядя на напарника.

— Снова чуйка?

Других объяснений, логичных объяснений, тому, что Дэйв так уверен в своих словах, Раст найти не может. До этих двоих около ста ярдов. Там не то что глаза, лица не видно. С чего Моджо решил, что Рид смотрел именно на них, Раст не знает. И не собирается выяснять. Если Дэйв сказал, что их срисовали, значит, их срисовали.

— Ага. Нам нужна новая машина, — говорит Дэйв, набирая Мака. Калвертон прикрывает глаза.

— Ты не отцепишься от него, да? — обречённо спрашивает, тот непонимающе смотрит на него. — Мы должны пасти Дона, забыл?

— Да плевать мне на Дона, — бодро отвечает Дэйв. — Для слежки за ним отрядили целый батальон. Мне нужен Рид.

— Ты даже не знаешь почему, Дэйв.

— Именно, — парирует. Широко улыбается напарнику. — Вот и узнаем.

Поздний вечер означает, что главный зал ресторана будет заполнен до отказа. Легальный бизнес Дона Косински шёл в гору и если бы сам Дон не жаждал больше денег, власти и не был бы преступником до мозга костей, то ресторанного бизнеса было бы достаточно для жизни, лишённой всяких преград.

Он сидит за столом, в своём кабинете и смотрит на людей, которые собрались здесь. Бутч и Дэклан сидят по обе стороны от него и бурно дискутируют на тему усиления безопасности наркотрафика, над которым они работали с мексиканцами на протяжении последних трёх лет. Сили, несменный начальник охраны Дона, стоит в стороне, у двери, неподвижно и с абсолютно безэмоциональным лицом.

Дискуссия Бутча и Дэклана достигает пика и Дон уже собирается встрять, когда его прерывает резко открывшаяся дверь. Без стука. Так в его кабинет может ломиться только один человек... Ладно, теперь два.

— Да что б меня... — бормочет Дэклан, увидев Хантера и Эрика.

— Я надеялся, что ты сдох, — весело заявляет Бутч. Хантер даже не смотрит в его сторону.

— Да? Как-нибудь в другой раз, — усмехнувшись, отвечает, глядя на Дона.

В помещении повисает тишина. Дон и Хантер пристально смотрят друг на друга. Один ждёт объяснений и в тайне испытывает облегчение от того, что человек, которого он выбрал для работы с сирийцами, никуда не делся. Другой пытается увидеть в глазах босса хоть какой-нибудь намёк на причастность к покушению на его жизнь.

— Объяснишься? — Дон начинает первым.

Хантер усмехается, проходит до бара, к которому в любой другой ситуации не приблизился бы, но он вымотан, каждое движение отзывается болью во всём теле и усилия, которые он прилагает для того, чтобы никто не заметил насколько трудно ему даются обычные шаги, отнимают последние силы и делают из него раздражительного ублюдка. Поэтому пошёл бы Дон с его неприкосновенным бухлом нахер. Рид хватает один из графинов с дорогим алкоголем, наливает янтарную жидкость в два бокала, берет их в руку, другой при-

хватив графин, доходит до Эрика и протягивает ему бокалы. Тот смотрит на него исподлобья и, усмехнувшись, качает головой. Хантер пожимает плечами, мол, «как хочешь», и шагает до стола, садится напротив Дона. Эрик остаётся стоять в стороне.

— Классное пойло, Дон, — небрежно говорит, поставив один из бокалов на стол и сделав глоток из другого.

— Благодарю, — сухо отвечает тот, стрельнув взглядом в сторону племянника. Хантер откидывается на спинку кресла.

— Меня пытались убить, — говорит просто и прямо. Ответом ему служит тишина.

— Кто? — наконец напряжённо спрашивает Дон. Уголки губ Хантера опускаются вниз, когда он корчит гримасу «Да хер бы знал».

— Я надеялся, ты мне скажешь.

Дон щурится, наклоняется вперёд и облакачивается на стол.

— Ты ведь не думаешь, что это был я?

— Не знаю, Дон. — Хантер пренебрежительно пожимает плечами. — Думал, но Рик убедил меня в обратном, — добавляет медленно.

Дон снова смотрит на своего племянника, который теперь стоит подпирая стену плечом и скрестив руки на груди. Он отвечает на взгляд дяди, более того, Дон первым отводит глаза.

— Список тех, кто желает мне смерти, не маленький, но никто из них не перешёл бы от простых желаний к действиям.

— Почему это? — с насмешкой интересуется Бутч.

— Страх, — сухо отвечает Рид. — Они все боятся Дональда. — Снова переводит взгляд на босса. — Я много думал об этом. И знаешь что? — Он меняет положение, наклоняется вперёд, упирается локтями в колени. — Никто из старых врагов на это не решился бы. Значит, это кто-то новенький... Смекаешь? — Нахально усмехается.

— Зачем сирийцам твоя смерть? — медленно спрашивает Дон. Хантер пожимает плечами. Снова откидывается на спинку кресла.

— Да мне то откуда знать? Может, рожа моя не понравилась. Зачем они вообще убивают людей? — Молчит несколько секунд. — Просто потому что могут.

Дон не отвечает, обдумывая его слова. В них есть смысл, но нет никаких доказательств. А кидаться обвинениями в сторону таких серьёзных людей, руководствуясь лишь догадками Рида, он не намерен. Слишком уж желанно партнёрство с ними.

— Пока у тебя не будет прямых доказательств, — говорит он холодно, — даже не смей заикаться об этом. Понял? — Хантер молчит. — О том, где ты был и почему, мы поговорим позже, сейчас у меня на это нет времени. Из-за тебя застопорился весь процесс, поэтому ты сделаешь всё, чтобы

устранить последствия. Ясно? — Дон замолкает. Играет в гляделки со своим упёртым, как баран, подчинённым. Проходит несколько секунд и Хантер, сжав челюсти, медленно кивает. Дон широко и фальшиво улыбается. — Вот и ладненько. — Несильно хлопает ладонями по столу. — Завтра созвонишься с мистером Мануфом и договоритесь о встрече, у них для тебя и твоих ребят есть работёнка.

Хантер хмурит брови.

— Это, конечно, чудесно, — встречается Эрик, оттолкнувшись от стены, — но будет проблематично. — Встречает полные непонимания взгляды, переглядывается с Хантером. — О, так вы не в курсе? — спрашивает с насмешкой.

— В курсе чего? — раздражённо уточняет Дэклан.

— Того, что вас пасут, — приподняв брови, отвечает. Мужчины переглядываются. — Ну... Как же... Машина ФБР на той стороне улицы. — Замолкает. Изображает нелепую придурковатость, указывая пальцем себе через плечо.

— Что ты сказал? — зло спрашивает Сили, резко выпрямившись.

— Я, на хрен, заикаюсь что ли? Федералы. — Смотрит на присутствующих, переглядывается с Ридом и усмехается. — Пол, тебе, может взять пару отгулов? Ну, отдохнуть, а то совсем нюх потерял.

Дональд отвечает тяжёлым взглядом. Затем смотрит на Рида.

— Значит придётся быть более аккуратными. Но дело сде-

лать нужно. Всё ясно?

— Конечно, босс, — бодро заявляет Хантер.

Встаёт и залпом допивает содержимое обоих бокалов. Улыбается, но когда поворачивается к боссу спиной, улыбка испаряется. Они молча уходят и после того, как за ними закрывается дверь, в кабинете ещё некоторое время висит тишина.

— Это всё усложняет, Дон, — тихо и напряжённо говорит Бутч.

— Я знаю, — задумчиво отвечает Косински, уставившись в стол.

— За каким чёртом они вообще приставили слежку? — ни к кому конкретно не обращаясь, интересуется Дэклан. — Может и прослушку поставили...

— Нет. — Дон качает головой. — На предмет прослушки этот кабинет проверяется несколько раз в день. — Наклоняется вперёд, трёт лицо рукой. Смотрит на Бутча. — Свяжись с нашим источником в ФБР, узнай в чём причина повышенной заинтересованности с их стороны. Мы всегда были у них на карандаше, но это уже ни в какие ворота. — Бутч кивает, тут же встаёт и уходит прочь, выполнять полученное поручение. Дон смотрит на Дэклана. — Свяжись с мексиканцами и скажи, что мы согласны работать только на наших условиях. Если они откажутся, найдём кого-то другого.

— Но... других же нет.

— Им знать об этом необязательно, — на выдохе снисхо-

дительно, говорит Дон. — Забыл как блефовать?

— Неа, — усмехается, — понял. — Кивает и уходит.

Дон смотрит на Сили долгим, тяжёлым взглядом.

— А теперь объясни мне, какого хера за нами установлена слежка, но замечаешь это не ты, а говнюк, выевший мне весь мозг?!

Сили с трудом избавляется от образовавшегося в горле кома, встаёт по стойке смирно. У Дона есть все основания злиться. Потому что Пол не выполнил свою работу. Он облажался и понимает это.

Эрик аккуратно заезжает на подъездную дорожку дома Хантера, только сейчас вспомнив о том, в каком состоянии находится терраса. Медленно прикрывает глаза, пытаясь прикинуть как бы так объяснить состояние фасадной части его дома, да так, чтобы у того не возникло желания убивать. Как только машина останавливается, Хантер тут же выбирается из неё, а Рик настолько увлекается мыслительным процессом, что просто упускает момент.

— Эй, чувак, забыл сказать... — тихо зовёт он Хантера, в спешке вываливаясь из машины, но понимает, что опоздал по тому, как Рид застывает, уставившись на сломанные перила.

Несколько секунд оба не двигаются, а затем Хантер мед-

ленно поворачивается лицом к нему и выразительно поднимает брови. Рик отводит взгляд, принимается усердно чесать макушку. Косится в сторону Хантера. Снова движение бровями, ещё выразительнее. Дерьмо. Эрик нервно усмехается.

— Да ты в край охуел?

И всё... Рика накрывает. Исчезновение этого придурка. Бесполезные поиски, заставляющие чувствовать себя в очередной раз ничтожеством. Стычка с Арво у дяди в ресторане. Хвост, который приставил к нему Сили. Сам Сили, этот грёбанный дядюшкин цепной пёс. Отсутствие нормального сна. Снова стычка с Арво. Ведь как бы себя не вёл, он не бесстрашный. В любой момент в той хижине всё могло пойти наперекосяк и тогда и он, и малявка Форест были бы уже мертвы. Идиотское поведение Рида дома у Морган. Злость. Растерянность. Слежка ФБР...

Непрерывный мучительный мыслительный процесс. Бесконечный поток мыслей, буквально сводящий его с ума. И вишенкой на торте, что бы оно там, на хрен, ни значило, стало «Спасибо». Простое «Спасибо». Его никогда не благодарили вот так. Он никогда не влиял на ход человеческих жизней, никого не спасал.

А теперь, выходит, спас?

Среди всего, что происходило в последние дни, ярким пятном горит именно это. Смущая, сбивая с толку. Давая впервые почувствовать себя чего-то стоящим. Типа... он тоже годится для чего-то хорошего. Это довольно приятное

чувство. Особенно для человека, выросшего среди насилия и крови, отчаяния и одиночества. Сука, какие насыщенные несколько дней! Рик понятия не имеет откуда у него сил хватило оставаться более менее спокойным и не перестрелять всех к херам собачьим. И теперь, после всего, этот долбоклюй Рид собирается вынести ему мозги по поводу какого-то там куска дерева. Хер там плавал.

Косински внезапно становится спокойно безразличным, как человек, который долгое время находился в режиме повышенной боевой готовности и теперь, когда вроде все приостановилось, остаётся выжженным эмоционально. До тех пор, пока снова не получит дозу энергии. Он достаёт сигарету и прикуривает, пряча огонёк зажигалки ладонями от ветра. Поднимает голову, затягиваясь, спокойно смотрит на Хантера, у которого, кажется, уже пар из ушей валит из-за того, что кто-то трогал что-то, принадлежащее ему.

Хантер разводит руки в стороны.

— Прости, ты выучил какой-то странный язык жестов и теперь пытаешься мне что-то сказать, используя его? — с насмешкой в голосе интересуется Эрик, опираясь на машину.

В награду получает взгляд «ты охренел?». Хантер сжимает челюсти, злась и пытаюсь нащупать линию поведения с обновившимся Эриком. Этот мужик интереснее предыдущего, но стал ещё большей занозой в заднице.

— Что произошло? — сухо интересуется он. Прежде чем ответить Эрик делает ещё одну затяжку, приподнимает го-

лову, выпуская дым в небо.

— Ты хотел спросить «что произошло с моей непревзойдённой, прекрасной террасой из гниющего, трухлявого дерева»? — Хантер молчит. Эрик усмехается. — Сили произошёл. Заявился, — шагает в сторону дома, коверкая слова и гримасничая, — начал лепетать что-то про босса и то, что я знаю, где ты окопался. Короче, я надрал ему зад. — Останавливается возле Хантера и смотрит на него. — Перила нужно заменить. — Затягивается. — По всему периметру. Они разваливаются.

— Знаешь, — Хантер щурится, — ты мне больше нравился, когда строил из себя разпиздяя, был не таким мрачным и занудным, — недовольно говорит. Косински усмехается и шагает дальше. — Эй! — возмущившись внезапной догадкой, зовёт. — Ты всё то время, что меня не было, торчал в моём доме?!

Эрик поднимает руку и как-то неопределённо машет ею в воздухе, даже не обернувшись, доходит до крыльца и отправляет окурки в свободный полёт щелчком пальцев. Рид обречённо выдыхает, уныло шагает к дому. Ему нужен душ, чистая одежда и пожрать. Со всем остальным разберётся позже. Он заходит в дом следом за Риком и как только закрывает дверь, слышит вопрос:

— Они увязались за нами, да?

— Да. — Хантер кивает, подходит к окну, занавешенному тяжёлой плотной шторой. — Погоди, свет не включай.

Аккуратно выглядывает. Хрен что увидишь в темноте, но он знает машину каждого соседа на ближайшие десять домов в одну и другую стороны. Ту, которая припарковалась в трёх домах от его дома с нечётной стороны улицы, он видит впервые.

— Серый понтиак две тысячи пятого. — Отходит от окна. Направляется к лестнице. — Я в душ. Пиццу закажи, а?

— Две? — ухмыльнувшись, уточняет Рик.

— Да, две будет получше, — кивает, поднимается по лестнице.

— Как мы их сбросим? — прилетает в спину Риду. — Завтра. Встречу больше переносить нельзя. — Стоит у лестницы, подпирая стену. Хантер смотрит на него через плечо.

— Есть у меня пара уловов, — отвечает. И на ходу добавляет: — Не в первый раз сбрасывать хвост. — Вызывая этим дополнением недоумение Рика.

Заходит в спальню, плотно закрывает дверь и прислоняется к ней спиной, давая себе минуту на передышку. Нормальный человек в обычной жизни после таких ранений ещё валялся бы на больничной койке, но он *не нормальный* человек. И жизнь у него *не нормальная*. Это и не жизнь, так... жалкое подобие, состоящее из попыток выжить, не проколоться, *не выдать себя*.

Несколько лет. Десятки месяцев. Сотни недель и тысячи дней наполненных насилием, жестокостью, страхом и болью. Грёбанный день сурка.

Петля времени, из которой не выбраться. Хантер упустил тот момент, когда стал тем, кем изначально не являлся. А теперь боится, что не вспомнит кем был на самом деле. Да и стоит ли? После всего, что ему пришлось сделать. Разве цель оправдывает средства? Какой бы она ни была... Нет. Всё это не должно было затягиваться так надолго, а теперь у него нет пути назад. Он понял это в тот момент, когда вышел из тюрьмы и сел в машину к Дону. Назад не вернуться. Впереди беспросветный мрак и безысходность. Значит, выход только один. Сделать своё дело и сдохнуть. Почему нет? Его вполне устраивает такой расклад. Осталось набросать план и постараться сделать так, чтобы Эрик выбрался живым.

Хантер хмурится от этой мысли. Когда этот увалень стал важен то? Когда по-простецки предложил подбросить до дома через два дня после появления Рида у Дона? Скверная тогда была погода, снег вперемишку с дождём и ледяным ветром. Или когда молча таскался за ним, наблюдая и понимая без слов? Когда без вопросов сорвался по его просьбе в лес на выручку незнакомому человеку, зная, что численный перевес не в его пользу? Когда тащил его на себе после неудачной сделки пять лет назад, потому что Хантеру прострелили бедро, а вокруг не было ничего и никого?

Они материли в ту ночь друг друга всю дорогу до цивилизации и в какой-то момент Косински кинул его на землю, скрывшись в неизвестном направлении. Хантер думал, что он просто свалил. Но тот вернулся через двадцать минут с

водой и какими-то тряпками для перевязки. Где он их нашёл Хантер так и не понял. Или когда Косински навалил ему пиздюлей сегодня у Эрин? Потому что был, пожалуй, единственным, кто действительно психовал из-за его исчезновения. Когда, чёрт возьми?

Хантер прикрывает глаза, пытаюсь понять. И в итоге осознаёт, что просто ломает себе мозг, надеясь найти ответ на этот идиотский и по сути ничего не меняющий вопрос.

У него есть задача. Есть тот, кто координирует его действия. Никаких дружеских связей возникать не должно. Это абсолютно неприемлемо и глупо. Однако вот они, два придурка, застрявшие в одном доме. Казалось, на дух друг друга не переносившие, но всегда прикрывающие друг другу спины. Два года назад Хантер был уверен, что подставился и сел в тюрьму, выгородив Рика, лишь для того, чтобы заслужить доверие Дона. Теперь... он не был так уж уверен в своих мотивах.

— Пффф... совсем расклеился, кретин, — на выдохе шепчет.

Шагает по направлению к ванной, на ходу стягивая с себя одежду и не включая свет. Ему комфортнее в темноте. Забирается в душевую кабину, выкручивает вентили, делая воду едва тёплой и встаёт под струи, закрывая глаза, освобождая сознание от ненужных мыслей. Ему нужно сосредоточиться, потому что завтра, очевидно, будет не самый лёгкий день. Усмехается. Как будто когда-то было иначе.

Не знает, сколько стоит вот так, не шевелясь и пытаясь расслабиться. Понимает, что чувствует себя немного лучше, когда выходит из душа. Шагает в комнату, вытираясь на ходу. Натягивает чистые вещи. Замирает. Шарит взглядом по полу в тёмной комнате, натывается на бесформенную кучу. Одежда, от которой надо бы избавиться, кровь не вывести, да и дырки от пуль не красят. Но сначала... он подходит к вещам, с трудом приседает, цепляет пальцами куртку и начинает шарить по карманам. Снова замирает.

— Не может быть... — бормочет с раздражением, прикрывает глаза. — Да твою мать! — цедит сквозь зубы, с силой кидая вещь на пол.

Телефон. Его нет. Хантер шагает к столу, открывает ноутбук, вводит двадцатизначный пароль. Ещё один. И пока техника загружается, нервно дёргает ногой. Телефон не был единственным средством связи с тем, от кого он ждал звонка. Был ещё электронный ящик, IP-адрес которого находился то ли в Копенгагене, то ли в Амстердаме, то ли на Аляске. Неважно где он находился. Важно, что электронный след в итоге не приводил никуда. С этого адреса никогда не отправлялись письма. И никогда они на него не поступали.

Алгоритм был один: заходишь, создаёшь черновик письма, оставляешь нужное сообщение, сохраняешь, выходишь. Собеседник заходит, читает, удаляет, отвечает так же посредством сообщения, сохранённого в черновиках. В твою задачу входит удалить его черновик сразу после прочтения.

Не идеально, да, но ничего другого им не оставалось. Так что телефон не единственное средство связи, но несомненно опасное, если попадёт не в те руки. В данном случае «не те руки» принадлежали молоденькой занозе в заднице, работающей в редакции и рывкающей на всё, что движется. Несправедливо, Хант. Рывкает она только на тебя. Он мог бы позаниматься самообманом и пойти проверить машину, но это бесполезная трата времени.

Телефон у Эрин.

— Твою мать...

Он садится на кровать и с силой сжимает черепную коробку ладонями.

— Эй! Кусок придурка!

Хантер медленно поднимает голову, услышав приглушённый голос Рика с первого этажа.

— Мне тебя ещё долго ждать, принцесса?! Пицца остывает!

Замирает. Думает. Усмехается. Медленно и аккуратно поднимается на ноги, ковыляет к двери, внезапно почувствовав, как его настроение с каждой секундой становится лучше. Не хочет видеть Эрин? Прекрасно. Ему и не придётся. За него это сделает Эрик.

Глава 10.

Теона морщится от резкого звука автомобильного клак-

сона, пробравшегося в квартиру даже сквозь закрытые окна. Прищурившись, открывает один глаз и снова морщится, теперь уже от неясного света вставшего солнца, от которого не спасает даже масса запутанных разноцветных волос, закрывающих лицо. А в следующую секунду она вспоминает всё, что произошло накануне вечером... Её пригласили на чашку кофе. И следующее, что она запомнила — это как проснулась в движущейся машине далеко от города. Когда-нибудь запомнит, что не стоит пить напитки в компании мало знакомых людей. Эрин же предупреждала...

Калейдоскоп событий, мелькающих на внутренней стороне век, вызывает тупую боль в висках, отдаваясь во всём теле. Мельтешащие образы и ощущения резко пропадают, вырывая из памяти, словно стоп-кадр, светло карие, почти жёлтые глаза, в которых плещется растерянность и злость.

Форест раздражённо фырчит, надув щёки. Переворачивается с живота на спину, прогоняя навязчивый образ из головы и врезается взглядом в потолок. Поворачивает голову в бок, смотрит на спящую рядом Эрин. Они долго спорили кто и где будет спать. Эрин решительно отказывалась спать в своей комнате, пока не проведёт основательную генеральную уборку. Тео знала, что это была лишь часть правды. Другая состояла в том, что Эрин просто не хотела оставлять её ни на минуту и была благодарна за это. В конечном итоге они просто набросали на пол одеял и подушек, улеглись поверх них и, как ни странно, почти сразу уснули.

Девушка, кряхтя, принимает сидячее положение. Морщится от резкой боли и запускает пальцы в волосы, стараясь сдержать стон. Поднимается и тихо, стараясь не разбудить Морган, направляется в ванную. Закрывает дверь до щелчка, ловит взгляд уставших, ненормально блестящих глаз, в зеркале, висящем прямо напротив двери, и замирает на несколько секунд. Прекрасно помнит, как сейчас выглядит её кожа, но это всё равно выбивает из колеи. Моргает, прогоняя слёзы, стягивает с себя одежду и забирается в ванну.

Нервно откручивает вентиль до упора, совершенно не беспокоясь о том, что может обжечься. Теона торчала в душе накануне вечером минут сорок, но все ещё ощущает себя грязной. Поэтому принимается скрести кожу, совершенно не обращая внимания на то, что травмирует её ещё больше, лишь стискивая зубы сильнее в моменты, когда задевает порезы. Понимает, что теряет счёт времени, когда находит себя сидящей на дне холодной ванны с плотно прижатыми к груди коленями и слышит осторожный стук в дверь.

— Тео, всё в порядке?

Форест слышит плохо скрываемую тревогу в голосе Эрин и задаётся вопросом о том, сколько уже торчит здесь. Потерянно озирается по сторонам и пытается избавиться от сухости во рту, прежде чем отозваться.

— Да, я в порядке, — отвечает хриплым голосом. — Выйду минут через пять. — Одновременно с этим поднимается, принимаясь быстро приводить себя в порядок.

Эрин ещё какое-то время стоит у двери, прислушиваясь. Тихо и тяжело выдыхает, а затем отправляется на кухню, готовить завтрак и варить кофе. Пока занимается этими простыми манипуляциями, размышляет над тем, чем они займутся и как ещё она может помочь подруге. Так глубоко уходит в свои мысли, что вздрагивает от неожиданности, когда ножки высокого стула, отодвигаемого Тео, скользят по полу, издавая раздражающий, режущий слух звук. Эрин резко разворачивается, сжимая в руке нож с кусочками прилипшего к лезвию бекона, и натывается на слегка насмешливый взгляд Тео.

— Навязчивый невроз под названием «Грёбанный Хантер» даёт о себе знать, да? — выдаёт, садясь на стул и складывая руки на столе. Эрин закатывает глаза, поспешно отворачиваясь.

— А можно мы сделаем вид, что этих нескольких дней просто не было? — с надеждой в голосе спрашивает. Слышит как за спиной громко ухмыляются. Ну конечно, Теона теперь до конца жизни будет припоминать это. — Чем займёмся сегодня? — спрашивает, разворачиваясь и ставя перед подругой кружку крепкого кофе.

— Ммм... — Форест втягивает носом бодрящий аромат, прикрыв глаза и обхватывая ладонями кружку. Думает. — Эм... ничем? — Поднимает взгляд на Эрин. — Хотя нет, — хитро улыбается, — тебя ждёт генеральная уборка. А меня наблюдение за этим интереснейшим процессом.

— Ну уж нет, — прищурившись, отвечает, выставляет перед собой руку, тыча указательным пальцем в сторону Форест. — Ты будешь мне помогать, — Переворачивает кусочки бекона, довольно ухмыляясь.

— У меня лапа больная, я не могу, — надувшись, возражает Тео, уставившись в спину Морган.

— Ничего не хочу слышать, — безапелляционно заявляет та. Поворачивается лицом к девушке и широко улыбается.

Это не работает. Обе прекрасно понимают, что за спектакль «бодра и весела» они устроили. Однако, несмотря на провальность попытки, намерены продолжать натягивать хорошую мину при плохой игре.

Дэйв хмурым взглядом гипнотизирует дверь дома, расположенного в тридцати ярдах от машины, в которой они с Растом проторчали всю ночь. Предрассветные сумерки дают чуть больше возможности для обзора. Фонари уже выключили, ещё не вставшее солнце вполне себе справляется с темнотой, превращая её в одну сплошную серость. То тут, то там загораются прямоугольники окон домов, сигнализируя о том, что их обитатели встали и готовятся встретить новый день. День без зверств, убийств и опасностей, на самом деле подстерегающих на каждом углу.

Моджо упускает момент, когда вялотекущие мысли сво-

рачивают по направлению к «грёбанный дивный новый мир» и с упоением отдаётся нещадным уничижительным эпитетам, которыми осыпает этот самый мир. В нём столько злости и презрения к людям, к их глупым проблемам и желаниям, что иногда он просто не в состоянии назвать причину, по которой всё ещё борется за них. Зачем? Для чего? В моменты, подобные этому, не находит ответа. В дни получше может сослаться на что-то типа «хороших людей всё равно больше» и довольствоваться этой отмазкой. Но по факту... ему не спасти всех.

Людей не изменить, этот мир не изменить. Так зачем трепыхаться?

Затем, что он привык бороться даже тогда, когда численный перевес не в его пользу. И где-то глубоко внутри, где-то в самых дальних уголках его сущности есть то, в чём он никогда не признается даже себе. Потому что всё, через что он прошёл, всё, что видел, вечность назад заставило его превратиться в эту версию себя. Он просто не помнит как быть другим.

Слышит неясное бормотание справа, приподняв брови и скорчив недовольную гримасу, смотрит на источник шума. Калвертон, смачно причмокнув губами, ёрзает на сидении, устраиваясь удобнее, и продолжает себе сопеть, видя десятый сон. Моджо недоверчиво смотрит на напарника. Усмехается. Не понимает он Раста. Калвертон — агент с не меньшим опытом работы, что и он сам. И всё же рискнул завести

семью. Несмотря на всё, что видел на работе. Или именно поэтому?

Иногда Дэйву кажется, что он упускает что-то значительное. Иногда ему кажется, что Раст постиг что-то неведомое ему. Но чаще Дэйву просто некогда думать об этом, ведь всё его время занимает постоянный мыслительный процесс, обрабатывающий тонны информации и строящий десятки возможных путей развития событий. Вечность назад он сосредоточился на конкретной цели и не даёт себе отвлечься.

Усмехается, предвкушая детскую выходку, поднимает руку, резко и хлётко бьёт напарника по щеке, тут же садится ровно, отворачиваясь к окну.

— А... что... твоя очередь менять подгузники... — бормочет Раст, щурясь и оглядываясь ничего не понимающим взглядом. Подтягивается на руках, садясь ровнее на сидении, слышит едва сдерживаемый хохот и щурит глаза, уставившись на напарника. — Какого...

— Халтуришь, Раст? — Гаденько так хихикает. — Отлыниваешь от обязанностей новоиспечённого папаши? — Приподнимает брови. Сдаётся, широко улыбается. — Прости, мужик. — Больше не сдерживается, гогочет во весь голос. — Видел бы ты своё лицо... — Наклоняется к рулю. Раст корчит недовольную, раздражённую мину и закатывает глаза.

— Очень смешно, недоумок.

Он садится прямо, с силой трёт лицо и обречённо морщится, чувствуя отросшую щетину. Пытается сдержаться, не

открыть рот, зевая. С треском проваливается и издаёт протяжное: «Аааааа». Трёт глаза, впивается взглядом в ту самую чёртову дверь.

— Не видно их? — спрашивает, повернув голову в сторону Моджо.

— Неа. — Дэйв корчит гримасу, качая головой. Кладёт руки на руль, на них подбородок, продолжая сверлить взглядом дверь. — У меня отличная память на лица... да и вообще на всё. Что я упускаю? — задумчиво спрашивает воздух. Щурится. — Хантер Рид... Рид... — Прикрывает глаза. Резко выпрямляется. — Где его досье? — нетерпеливо спрашивает и сам начинает копаться в ноутбуке на который Джим загрузил всю имеющуюся по членам группировки Косински информацию. Раст хмуро наблюдает за ним, всё ещё пытаюсь проснуться.

— Ты уже выучил его наизусть. Что на этот раз?

Дэйв продолжает копаться в файлах, игнорируя вопрос напарника и Калвертону уже начинает казаться, что он не ответит.

— Его мать... её ведь убили, так? — бормочет. — Вот оно.

Ёрзает на сидении, устраиваясь удобнее. Раст продолжает с интересом наблюдать. Моджо нервно пробегает глазами по строчкам текста.

— Иии?

Калвертон не выдерживает, спрашивает, приподняв брови. Ответ получает не сразу. Моджо хмурится. Бормочет се-

бе под нос что-то нечленораздельное, раздражённо просматривает ещё несколько страниц.

— Как так получилось, что нам известно, о том, что его мать убили, но неизвестно её имя?

Раст недоуменно смотрит на него.

— В смысле?

Моджо молча пихает под нос ноутбук с открытым делом Рида, и ему приходится взять устройство из рук напарника, устраивая на своих коленях. Калвертон повторяет все действия Моджо, убеждается в том, что он прав. «Вроде как» известно о годах, проведённых Ридом в Штатах, но всё его детство, включая печальную судьбу его матери, заключает в себе лишь какую-то муть, без имён, точных дат и мест.

Это какое-то дерьмо.

— Мака спрашивал? — задумчиво интересуется Раст. — Может на бумажных носителях есть больше информации... прошло лет тридцать с момента её убийства, в архиве наверняка больше деталей.

— Двадцать восемь.

— Откуда ты...

— Я помню то дело. Не помню деталей, но помню само дело, — сухо отвечает Моджо, поджимая губы. Раст хмурится.

— Да у тебя тогда ещё даже пушка на роже не было. Тебе было двенадцать, — недовольно ворчит Калвертон. — Что ты несёшь?

— Оно попадалось мне... — тяжело выдыхая, отвечает Дэйв, откидывается на спинку сидения и смотрит на напарника. — Точнее, я думаю, что попадалось. Во время обучения в Академии. — Переводит взгляд в лобовое.

— Женщин убивают каждый день, Дэйв. Таким жестоким способом чуть реже, но всё же... — тихо замечает Раст.

— Да? Ты встречал много дел, в которых шестилетний ребёнок неделю тусовался в закрытой квартире в компании разлагающегося трупа своей матери?

Он снова смотрит на напарника и тот видит в его взгляде злость.

— Твою же... — Раст прикрывает глаза. — погоди. Хорошо. Даже если ты встречал это дело в архивах во время обучения, если это действительно то самое дело, то как это связано с твоими ощущениями относительно Рида?

— Я бы дал пару раз смачно ударить себя по яйцам, если взамен смог бы узнать ответ на этот вопрос. — Дэйв хмыкает. Думает. Надувает щёки и, вытянув губы трубочкой, шумно выдыхает. Снова думает. Хмурится. — Знаешь, что? — Ловит взгляд напарника. — Я может и не помню всех деталей, но точно помню, что фамилия жертвы была не Рид. Мне нужно в архив, — утверждает. Видит, что Раст смотрит куда-то в сторону, щурится.

— Оставь свои замашки Доры-следопыта. Хорьки выползли из норы.

Моджо резко поворачивает голову. Рид и Косински выхо-

дят из дома. Племянник Дона явно чем-то недоволен. Они садятся в машину, выезжают на дорогу и уезжают в противоположном от федералов направлении. Моджо ждёт пару минут и заводит мотор.

— Ну наконец-то.

Хантер расслабленно откидывается на спинку сидения, лениво наблюдая за потоком машин и следя за соблюдением правил дорожного движения. Им ни к чему привлекать лишнее внимание. Так он выглядит со стороны, на самом же деле напряжён, сосредоточен и сконцентрирован. Понятия не имеет, что принесёт грядущая встреча с новыми «партнёрами» Дона, но уверен, что бы там ни было, ему стопроцентно не понравится. Усмехается, вспоминая о сидящем на пассажирском сидении Эрике.

Тот не в духе. И это слабо сказано. Новость о том, что необходимо ещё раз наведаться в недавнее временное пристанище Хантера, мягко говоря, его не обрадовала. А когда Рид объяснил причину, по которой это нужно сделать и чем раньше, тем лучше, Эрик разразился трёхэтажным матом и в итоге послал его в пешее путешествие по всем известному маршруту.

Хантер косо смотрит на него. Шесть с лишним футов недовольства, дуящегося и пытящего, упрямо смотрящего

куда угодно, только не на него. Хантер закусывает нижнюю губу, ухмыляется. Работа работой, но он просто не может оставить Эрика в покое.

— Я тут подумал... — начинает будничным тоном.

— Ой, нахрен, лучше не надо, — зло бормочет тот, вызывая тем самым улыбку на Рида.

— Это ж... — шуруется, — тебя пугает перспектива ещё одной встречи с гномом или тот факт, что ты вроде и не прочь...?

Косит глаза вправо, приподнимая бровь и широко улыбается, встретив полный возмущения взгляд. А потом выражение лица Эрика меняется и Хантеру становится не так смешно. Потому что сочетание «хитрожолая ухмылка» и Эрик — очень плохое сочетание.

— Этот вопрос тебе стоит задать самому себе... ушлёпок.

Брови Хантера стремительно сдвигаются к переносице и Косински широко нарочито наигранно улыбается.

— Да пошёл ты, Эрик. Проверь ту хрень, которая отвечает за твоё чувство юмора, — ворчит угрюмо, отворачиваясь к лобовому стеклу.

— С удовольствием. Сразу после того, как ты проверишь ту хрень, которая отвечает за твоё чувство ответственности, — подняв брови, парирует он. Фальшивая улыбка испаряется, уступая место угрюмости и недовольству.

— Ой, да кончай ты зигмундфрейдить меня. Я что, так много прошу? Тебе даже говорить будет не обязательно.

— Я не собираюсь тащить свою задницу на другой конец города, чтобы забрать *твой* телефон, который *ты* умудрился забыть, только потому, что *ты* не в состоянии перестать вести себя, как мудак.

— Я просто стараюсь уменьшить риски, — деловито отвечает Хантер. Косински резко поворачивает к нему голову.

— О, да. Те риски, в которых неизбежно фигурирует чей-то труп? Вполне вероятно твой.

— Что? — Рид корчит гримасу. — Ты за кого меня... — Его лицо резко перестаёт выражать что-либо. — Да я прикончу обеих и даже не вспотею! — Щурится, потому что Эрик гаденько усмехается.

— Конечно. — Его лицо так же перестаёт выражать хоть что-то. — Именно поэтому ты всё утро выносишь мне мозг, пытаешься уговорить забежать к ним ненароком и забрать твой треклятый телефон вместо тебя.

Эрик замолкает. Хантер сверлит его раздражённым взглядом. Ему отвечают тем же. Косински знает, что может делать это весь день, а Рид вспоминает, что вообще-то за рулём. Переводит взгляд в лобовое, смотрит в зеркало заднего вида.

— Ты видишь? — тихо спрашивает. Эрик садится ровнее, кидает взгляд в зеркало. Кивает.

— Серая тачка, пятая от нас. Правый ряд. Далековато они. Ты так и не сказал как мы от них уйдём.

— Смотри и учись.

Перестраивается левее, смотрит на указатели. Им ещё ми-

нут десять ехать до нужного моста. Всё просчитано. Единственное, что просчитать Хантер не может — это Фло. Тот либо на месте, либо нет. Но скорее солнце перестанет светить, чем Фло пропустит хоть один день. Этот парень попался ему совершенно случайно, но как нельзя вовремя. Со времени их сотрудничества прошло уже года четыре, а парнишка ни разу его не подвёл. Обычно всё проходило гладко, но сейчас у них на хвосте не ребята Дона или ещё какой-то мутный тип. Сейчас их пасут федералы и задача усложняется.

— Мы ещё не закончили этот разговор, ты же знаешь, да? — тихо интересуется Хантер спустя несколько минут езды в полном молчании. Эрик закатывает глаза.

— Сука, как ты уже заебал то меня, а, — обречённо тянет. Слышит фырканье с соседнего сидения, бросает взгляд в сторону и понимает, что сейчас не время, потому что Хантер напряжён.

— Делай всё, что я скажу, — говорит тот. — И, Эрик, — встречается с ним взглядом, — делай это быстро.

Проходит ещё пара минут, прежде чем Рид видит нужный ему мост, под которым проходит полотно дороги. Проблема в том, что движение довольно оживлённое. Нужно его притормозить. Где-то на границе сознания мелькает мысль о том, что он посвящает Эрика в нюансы своей работы и в будущем это может вылиться во что-то не очень хорошее. Следом приходит мысль о том, что если они не сбросят хвост и сорвут встречу, никакого будущего вообще не будет. Дон

просто перестреляет их к херам. Поэтому Хантер откидывает любые сомнения. Будет решать проблемы по мере их поступления.

Когда до моста, под который ему нужно попасть, остаётся ярдов двадцать, он резко выворачивает руль влево, затем сразу вправо, виляя задом тачки и тем самым создавая аварийную ситуацию на дороге. То, что ему и нужно. Машины, находящиеся впереди, просто продолжают свой путь. В отличие от тех, что едут сразу за ними. Они начинают тормозить, сигналить, пытаются избежать столкновения и, как следствие, создавая небольшой затор. Ещё пара таких манёвров и Хантер видит, что позади образовалась небольшая пробка. Ухмыляется, вжимая педаль газа в пол. У них не так много времени.

— Мог бы и предупредить, — бормочет Эрик, хватаясь за дверцу машины, чтобы удержаться на месте.

Хантер никак не комментирует его слова, выискивая взглядом нужную ему фигуру. Когда они оказываются почти под мостом, его губы трогает улыбка. Фло на месте. Мост довольно широкий и под ним образуется небольшой туннель с шестью полосами дорожного движения, разделёнными на две равные части массивными колоннами. Фло и его приятели точкуются прямо у них. Не самый лучший район города предполагает, что и дурь можно купить на каждом углу. Этим Фло и занимается — толкает дурь. Когда не выполняет поручения Хантера.

Рид убеждается в том, что парень замечает его, тормозит перед выездом из-под моста и молча выходит из машины, не глуша мотор. Эрик делает то же самое и хмурится, когда видит, что Хантер стягивает с себя куртку и толстовку, кидает шмотки подбегающему к ним парню.

— Хант, — ловя на ходу вещи и широко улыбаясь, тянет парнишка.

— Кореша своего позови, — обходясь без приветствий, отвечает Рид. Кивает. — Вон того буйвола. — Шагает по направлению к колоннам. Эрик следует за ним, стараясь не отставать.

— Эй, Лонни! — громко зовёт Фло, натягивая на себя шмотки Рида. Парень, видимо Лонни, по комплекции похожий на Эрика, встаёт с выступа. — Поехали, нужно прокатиться.

Они подходят к колоннам. Помимо Лонни и Фло здесь есть ещё парочка парней, на которых Хантеру абсолютно плевать. Фло хватает с земли свой рюкзак и пальто. Пальто тут же отправляется в руки Хантера, в то время как из его рук в руки Фло переходит небольшой свёрток двадцаток.

— Бумага есть? — тихо спрашивает Рид.

Фло кивает, торопливо роется в рюкзаке, кидает ему небольшой блокнот и карандаш. Рид знает, что времени почти не осталось, но ничего не может с собой поделать. Ухмыляется, быстро написав всего три слова. Сворачивает вырванный листок в три раза и вручает его парню.

— Это на тот самый случай.

На лице Фло лишь на мгновение мелькает замешательство, а затем его губы растягивает широкая улыбка. Он кивает. В этот момент слышится звук клаксона и Хантер понимает, что тянуть больше нельзя. Парень тоже это понимает, поэтому кивает Лонни и они бегут к машине.

— Капюшон натяни, сопляк! — кричит вслед Хантер. И когда видит, что парень его услышал, хлопает ничего не понимающего Эрика по предплечью. — Пошли.

Они обходят широкую колонну и встают так, чтобы их не было видно. Спустя минуту слышится характерный шум, говорящий о том, что движение возобновилось. Хантер стоит, кажется, прислушиваясь и что-то высчитывая. И когда Эрик открывает рот, чтобы задать интересующий его вопрос, Рид просто поднимает ладонь вверх, затыкая его. Спустя короткий промежуток времени они передвигаются чуть левее так, чтобы их не было видно и с другой стороны моста. Хантер поднимает голову, встречается взглядом с Эриком.

— А теперь ты мне расскажешь какого чёрта это было?

Вместо этого Хантер проходит мимо него и шагает туда, откуда они приехали, предварительно перебежав дорогу. Эрик матерится себе под нос, следуя за ним.

— Видишь, как расположена дорога перед туннелем? — весело спрашивает Рид.

— Она поворачивает, — тупо отвечает тот, глядя на него, как на придурка. Хантер кивает, резко сворачивает в сторону

от моста и начинает подниматься по насыпи.

— Ага. Так, что туннель оказывается в слепой зоне. Все наши действия остались незамеченными козлами, которые уселись нам на хвост, — довольный собой сообщает, добравшись наконец наверх. Эрик отстаёт на секунду и лишь потому, что тормозит на полпути, когда все понимает.

— Так... — Вытягивается во весь свой рост. — Они до сих пор думают, что пасут нас... — полуспрашивая, полуутверждая говорит он. Хантер просто злобно улыбается. Эрик кивает. — Ладно. — Усмехается. — Дальше что, генний? Мы без машины.

— О, — он продолжает шагать чёрт знает куда, — ошибаешься, — говорит, глядя на него через плечо. — В пятистах ярдах отсюда припаркована тачка.

Косински на секунду тормозит. Смотрит в спину удаляющемуся недоприятелю и обречённо вздыхает.

— Окей, — говорит громко. Рид поворачивается к нему всем телом, продолжая шагать спиной вперёд. — Я заберу твой грёбанный телефон. Но отказываюсь это делать раньше понедельника. — Щурится. — Усёк?

Дэйв резко выворачивает руль вправо, обгоняя очередную машину. Сжимает челюсти. Рулю достаётся больше.

— Эй, попридержи коней, — напряжённо говорит Раст,

хватаясь за ручку двери.

— Этот мудак меня бесит, — злобно шипит в ответ Моджо. Калвертон корчит гримасу.

— И я тебя понимаю, но они никуда не делись. А если будешь продолжать играть в Шумахера, нас просто срисуют.

Раст всё ещё пытается успокоить напарника. После высадки Рида на дороге пятнадцать минут назад, Моджо словно с цепи сорвался. Как будто забыл, что в их задачу входит простое наблюдение и ничего больше, если того не потребуют обстоятельства.

Пятнадцать минут они... просто едут. Пятнадцать минут Моджо сдерживается изо всех сил, чтобы не догнать прикурка и не выбить из него всё дерьмо. Пятнадцать минут частью сознания пытается понять, что именно так его взбесило, ведь обычно без труда остаётся безразлично-холодным. Но, видимо, не сейчас. Почему? Моджо уверен, что причиной его нестабильного состояния является тот факт, что он никак не может вспомнить. Не было случая, чтобы он не мог что-то вспомнить. Поэтому чёртов Рид просто как долбанная красная тряпка, зудящий прыщ, вошь или гадкий мелкий камушек, неизвестно каким образом попавший в ботинок. Вроде бы не так больно, но, сука, как же бесит. Есть ещё один момент, не дающий ему покоя.

— Он не просто так это сделал, — тихо говорит. — Пару минут они были в слепой зоне, Раст. И пробку на дороге он устроил не случайно. — Быстро смотрит на напарника

и снова переводит взгляд на дорогу. — Мы почти двадцать минут едем. Куда? Зачем? Ничего не заметил?

— Нууууу... — Раст ненадолго замолкает. — Немного бестолковый маршрут он выбрал. Тут ты прав. Как будто... — Сжимает челюсть. Вот же ублюдок!

— Ага. Как будто просто катается. С какой целью? — Моджо снова косится на него. Раст садится ровнее и теперь тоже выглядит разозлённым.

— Просто тянет время. Водит нас за нос. Когда они нас вычислили то, чёрт?

— Вчера, — просто отвечает Моджо. — Не смотри на меня так. Я редко недооцениваю противника. В этот раз облажался. Они видели нас у ресторана. Сменить машину было недостаточно.

Дёргано трёт подбородок. Немного притормаживает, заметив, что подобрался слишком близко к машине Рида. Через несколько ярдов она поворачивает таким образом, что агентам на несколько секунд открывается профиль водителя и обоих накрывает волна раздражения. Моджо вжимает педаль газа в пол, обгоняет несколько машин, в том числе и ту, которую они пасут. Находит достаточно широкую обочину и резко тормозит, располагая машину поперёк полосы.

— Эй, Дэйв...

Раст пытается остановить напарника, но тот не слушает. Выходит из машины, достаёт пистолет и шагает прямо по дороге навстречу приближающейся машине. Теперь агент мо-

жет разглядеть водителя и пассажира чётче.

И это точно не те, за кем они следили.

Машина замедляет ход, останавливается. В отличии от Моджо, который проходит напрямик к двери водителя. Без протокольных фраз, без предъявления своего удостоверения, молча открывает дверь, продолжая держать тех, кто сидит внутри, на мушке. Хватает парнишку за шкирку и выволакивает наружу. Тот не оказывает никакого сопротивления, всё время держа руки на виду и не делая резких движений. Пока Дэйв занимается водителем, Раст прикрывает, не спуская глаз с пассажира, который, впрочем, никак не интересуется тем, что происходит. Моджо пихает пушку к самому носу парня.

— ФБР, — злобно цедит. — Выходи. И тебе лучше отвечать на вопросы громко и чётко. Сечёшь? — Парень быстро кивает, становясь похожим на болванчика. — Где он?

— К-кто?

Дэйв сжимает челюсти и несильно вбивает парня спиной в машину.

— Дэйв, — предупреждающе зовёт Раст. Напарники перекидываются взглядами.

— Спрошу ещё раз. Где он?

В первые секунды лицо парня не выражает ничего, кроме растерянности, а затем в нём мелькает понимание.

— Вы про владельца машины? Так он это... дал мне немного денег, ключи от машины и сказал покататься по го-

роду, — лепечет, имитируя испуг. Дэйв смотрит на Раста и тот спокойно встречает его взбешённый взгляд. — Он ещё... — Фло облизывает пересохшие губы, когда Дэйв снова смотрит на него. — Он дал мне записку. На случай, если меня остановят. — Невинно моргает.

Моджо щурится.

— Какую записку?

— Ну... на... н-на бумаге.

Лицо Моджо принимает зловещий вид.

— Какую записку? — меняя тон, снова спрашивает.

Парень указывает всё ещё поднятой вверх рукой на свою толстовку. Дэйв лезет в его карман, достаёт клочок бумаги, не обращая никакого внимания на патрульных, которые только что подъехали. Видимо вызвал кто-то из проезжавших мимо. С ними разберётся Раст.

Моджо отходит на пару шагов, убирает пистолет в кобуру и принимается разворачивать лист бумаги кончиками пальцев, словно это что-то омерзительное. Калвертон, показавший патрульным своё удостоверение и уже объяснивший, что именно происходит, теперь внимательно следит за лицом напарника, которое... не выражает ничего. Моджо читает написанное как минимум три раза. Сминает бумагу в кулаке. Рывкает патрульным, чтобы оформили и машину, и парней. Он намерен поговорить с ними ещё разок, теперь уже в ближайшем полицейском участке. Не глядя на напарника идёт к своей машине. Садится. Молчит. Раст оказыва-

ется на соседнем сидении пару секунд спустя.

— Что там? — осторожно спрашивает он. Моджо кидает ему на колени скомканную бумагу.

— Сучий кусок дерьма! — не выдерживает, рывкает, смачно ударив кулаком руль.

Раст хмурится, краем глаза наблюдая за ним и разворачивая лист бумаги. Читает содержимое. Ещё раз. Хмурится. Испытывает замешательство. Потому что часть его понимает почему Моджо психует, а другая часть очень хочет засмеяться. Берёт себя в руки, прочищает горло.

— Он сбросил нас. Значит пока мы, как идиоты... гхм... пасём не того, Рид и его дружок, вполне возможно, занимаются чем-то действительно опасным.

Раст старается вернуть себе серьёзный настрой, что получается не очень. Этот мужик просто поимел их.

— Да ты что, правда что ли? Например? — огрызается Моджо. Раст чешет бровь.

— Например... встречаются с Сабуром Мануфом? — предполагает и следующие тридцать секунд мужественно выдерживает сверлящий его взгляд. — Поехали?

Моджо, злой, как чёрт, закатывает глаза и заводит мотор. Вливается в поток машин. Предположение Калвертона очень даже возможно. Их техники так и не обнаружили Мануфа. Он как сквозь землю провалился с того дня, когда камеры засекли его у ресторана Косински. Потом было относительное затишье. И вот, появляется этот мудака, и начинается суета.

Что-то происходит, шестерёнки завертелись и Моджо умудрился их упустить.

Дерьмо собачье.

Пока Дэйв занимается разносом своих собственных действий, Раст аккуратно разглаживает бумагу на колене, поднимает руки и цепляет клочок на зеркало. Встречает скошенный на него злобный взгляд, пожимает плечами.

— Уберу, когда арестуем их, — отвечает на невысказанный вопрос и ухмыляется, отвернувшись к окну.

Дэйв долгую секунду сверлит взглядом три слова, выведенные аккуратным размашистым почерком, пока не вспоминает, что он за рулём. Переводит взгляд на дорогу, но буквально кожей продолжает ощущать грёбаную записку. Над ним словно насмеваются.

Оставшуюся часть пути до участка они едут в полном молчании и только белеющий клочок бумаги, резко выделяющийся на фоне серых и чёрных цветов салона машины, выглядит неправдоподобно карикатурным. «Выкусите, ищейки пёстрожопые! :)»

— Я думал, мы встретимся на каком-нибудь заброшенном складе... — растерянно ворчит Эрик, выбираясь из машины. — Типа подальше от лишних глаз... без камер. Хлам, разбитые окна... крысы бегают, не? — Скорчив гримасу, смотрит

на Хантера.

— Ну... — отвечает тот не глядя на него и уперев руки в бока. — Я рад, что в этот раз обошлось без пошлых клише.

Эрик хмурится, но шагает за ним. Они пересекают парковку какого-то загородного клуба, членство в котором стоит целое состояние. И, как следствие, попасть в этот охраняемый комплекс не представляется возможным обычным людям, вроде этой парочки. Их уже ждут, Рид понимает это, потому что мужчина, стоящий у входа по стойке смирно, в костюме за приличную сумму денег, даже не слушает, что они говорят. Просто молча открывает дверь и движением руки предлагает им следовать за ним.

Хантер и Эрик переглядываются. Последний пожимает плечами. Довольно просторный первый этаж четырёхэтажного здания поделён на секции, ограждённые друг от друга мутным стеклом. Обстановка раза в три богаче, чем в самом любимом ресторане Дона. Они слышат гул голосов, но не встречают никого из посетителей. Все, кто попадает к ним на пути, относятся к обслуживающему персоналу. Несмотря на это, Хантер поостерегся бы встретиться хоть с одним из них в тёмном переулке. Слишком опасными выглядят их рожи.

Мужчина, встретивший их, идёт странным лабиринтом и в какой-то момент Хантер думает, что если им придётся унести отсюда ноги, то они просто запутаются нахрен и сдохнут так и не найдя выхода. По ощущениям, если не обращать внимания на стены и перегородки, они идут в заднюю

часть здания. Просторный зал сменяется коридором со множеством дверей.

— Куда, чёрт возьми, нас занесло? — настороженно шепчет идущий рядом Эрик.

— Понятия не имею. Но идея с крысами и хламом мне уже не кажется такой уж непривлекательной, — так же шёпотом отвечает Хантер.

И действительно так думает. Несмотря на то, что здесь светло, чисто, просторно и приглушенно, ощущение того, что это западня, не покидает Хантера с того самого момента, как он переступил порог. И тот факт, что они приехали сюда, чтобы обсудить что-то, что неизменно повлечёт за собой смерть людей... большого количества людей, несколько не успокаивает. В смысле, для доступа в такое место определённо нужны связи. И связи не в криминальных кругах, а в элите сообщества страны... хотя может и в мировом сообществе. Этот клуб явно из тех, о которых не прочитаешь в известных печатных изданиях. Так с кем они на самом деле связались?

Они подходят к одной из многочисленных дверей. По ощущениям она находится в самой заднице, где-то на подступах к перевалочному пункту ада. Мужчина, форма которого не предусматривает даже таблички с именем, открывает дверь и отступает в сторону. Хантер и Эрик переглядываются, прежде чем переступить порог. А переступив, натягивают на лица свои привычные маски. Как только оказываются

по ту сторону, дверь бесшумно закрывается и они остаются в небольшом кабинете, интерьер которого выполнен в тёмных тонах с преобладанием натурального дерева в предметах мебели. Их встречают три пары ничего не выражающих глаз. Обладателя одних они узнают.

Сабур Мануф.

Его глаза имеют тот оттенок чёрного, который, кажется, чернее самого чёрного. Тот случай, когда возникает ощущение, что чёрный высасывает всё краски, расположенные поблизости. Двух других мужчин Хантер видит впервые, но исходя из того, что один из них сидит в кресле, расположенном в середине и на противоположной от них стороне стола, делает вывод, что он, пожалуй, тут за главного. Эрик, если его спросить, не согласился бы с этим. Потому что этот мужик, сидящий в кресле «босса» всё время нервно поглядывает на Сабура. Так, словно ищет подсказки для своих дальнейших действий. Косински поставил бы на Мануфа. Им не говорят ни слова. Не приветствуют, не предлагают располагаться. Хантер ухмыляется.

Окей.

— Господа, — говорит бодрым голосом, нахально улыбаясь. — Рад наконец встретиться с вами. — Собирается сесть на один из диванов и использовать какой-то дорогуший столик, как подставку для ног, но меняет направление, приметив бар. Зуб готов отдать на то, что там что-то получше, чем в неприкосновенном запасе Дона. — Приношу свои извине-

ния относительно того, что по моей вине сорвалась предыдущая встреча.

Подходит к бару и наугад хватает первый попавшийся графин. Вопросительно смотрит на Эрика, тот качает головой. Хантер переводит взгляд на Сабура, глуповато широко улыбается. Намеренно наливает больше, чем положено и с грохотом возвращает графин на место. Вальяжной походкой шагает к намеченному ранее диванчику, садится. Откидывается на спинку, встречается взглядом с сирийцем. Медленно, глядя прямо ему в глаза, закидывает ноги на стоящий рядом низкий столик, улыбается.

Мануф не шевелится. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Лишь прищур глаз становится едва заметнее. Хантеру достаточно того, что он видит, чтобы понять, с кем имеет дело. Он переводит взгляд на того, кто по его мнению играет здесь роль главаря.

— Итак, мистер...

— Деккер, — отвечает мужчина.

Хантер пристально изучает его несколько секунд, затем кивает и делает небольшой глоток алкоголя. Удовлетворенно усмехается.

— Итак, мистер Деккер. Мой босс сказал, что у вас есть для меня и моих ребят какое-то дело.

Он кожей чувствует прожигающий насквозь взгляд чёрных глаз Мануфа, но продолжает делать вид, что его просто не существует. Деккер кидает быстрый взгляд на сирийца и

это не ускользает от Хантера. Он понимает то, что несколькими минутами ранее понял Эрик. Главный здесь — Сабур.

— Да, — отвечает тот. — Нужно, чтобы вы помогли нам проникнуть в одно место.

— Нет, — говорит Хантер.

— Н-нет? — непонимающе переспрашивает Деккер.

— Ага, — насмешливо отвечает Рид, шагая к двери и встречая хмурый взгляд Эрика, который вытаскивает руки из карманов куртки, освобождая их на всякий случай.

— Мы так не договаривались, — наконец подаёт голос Сабур. Тихий, мстительный, злобный шёпот.

— Ну надо же! — говорит Хантер Эрику, скорчив гримасу притворного удивления. — Он всё-таки умеет говорить, Рик. — Останавливается возле него, поворачивается к присутствующим лицом и спокойно встречает гневный взгляд сирийца. — Всё? Закончили своё тупое представление? — интересуется, приподняв брови.

— Да как ты... — начинает Сабур, но Рид грубо прерывает его.

— Закрой свой рот, будь любезен. — Он зол и не скрывает этого. Мало того, что ему навязывают это партнёрство, так ещё и держат за идиота. — Ты ведь в курсе, что между нашими боссами существует договорённость относительно одной маленькой, но весьма значимой детали? — Сабур молча продолжает сверлить его гневным взглядом. — Ага, — Хантер кивает, — все дела, в которых участвуют мои лю-

ди, автоматически попадают под мой безоговорочный контроль. Очевидно, что здесь мы собрались обсуждать как раз такое дело. И что я получаю? — Он делает шаг по направлению к сирийцу и разводит руки в стороны. — Дешёвенький спектакль! Вместо серьёзного и обстоятельного разговора. — Корчит гримасу. — Тебе что, пять лет?! — Усмехается, качает головой. — Мы или ведём себя как взрослые серьёзные люди. Или, — неопределённо машет рукой, — продолжай в том же духе и вали на хер!

Эрик косится в его сторону, затем сканирует взглядом лица остальных, выискивая признаки опасности. Но если Мануф и зол, то двое других мужчин явно растеряны. Сириец сжимает челюсти. Думает. Выдыхает. Смотрит на своих людей, едва заметно кивает. Оба в полной тишине поднимаются со своих мест и поспешно покидают кабинет. Тишина сохраняется до тех пор, пока оставшиеся не слышат характерный звук замка.

— Я тебе не доверяю. Никому из вас, — тихим, вибрирующим от злости голосом говорит Сабур. — Но мой босс считает, что я чересчур предвзят.

— Твой босс просто идиот. Доверие верный путь к смерти, — в тон ему отвечает Хантер. Мануф едва заметно ухмыляется.

— Нужно проникнуть в филиал цюрихского банка на Манхеттене.

— Хм... — Рид обводит взглядом кабинет. — Не похоже,

что вы нуждаетесь в деньгах.

Сириец медленно качает головой.

— Нам нужны не деньги. Пойду я и ещё четверо моих ребят.

— Нет. Слишком много и совершенно необоснованно, — возражает Рид. — Чем меньше людей, тем лучше.

— Без меня ничего не будет, — настаивает на своём Сабур.

— Да милости прошу. — Хантер поднимает руки вверх. — Ты и, скажем, — что-то прикидывает в уме, — пара твоих ребят. С моей стороны будет четверо.

— Численное превосходство, — с подозрением в голосе говорит сириец. Хантер закатывает глаза.

— Пффф да на кой чёрт мне оно? Я профессионал, Сабур, дело прежде всего. — Тот обдумывает его слова, кивает, соглашаясь. Лицо Хантера перестаёт выражать хоть что-то. — Но правило остаётся тем же — вы делаете только то, что говорю я.

— Если в итоге я получу то, что нам нужно, то это не проблема.

— Что за банк?

— UBS.

— О, ребята, а вы не мелочитесь, да? — присвистнув, комментирует Эрик. Замечает взгляд Хантера. — Что? А чего бы не грабануть Форт Нокс тогда уж?

— Какие-то проблемы? — интересуется Сабур у Хантера.

— Нет. Какие сроки?

— Три недели. Максимум четыре.

— Лады. — Рид поворачивается к двери. — Через три недели сообщу, если нам чего-то будет не хватать. И Сабур, — хватается за ручку двери и смотрит на сирийца через плечо, — брось свои тупые игры. Я парень простой. Делаю то, что должен, но терпеть не могу, когда из меня делают идиота. Если не облажаешься, все получают то, чего хотят и мы просто пойдём каждый своей дорогой.

— А если нет? — с вызовом спрашивает сириец.

Хантер довольно красноречиво ухмыляется и молча переступает порог кабинета.

Глава 11.

— Ты здесь не убиралась с момента заселения, что ли? — хнычет Теона, кидая тряпку в ведро.

Хмуро смотрит на Эрин, которая кряхтит, пытаясь достать тряпкой до дальнего угла под шкафом. Эрин поднимает голову, не меняя своего положения, и смотрит на подругу сквозь паутину запутанных прядей волос. Сдувает их, выпрямляется, но все ещё стоит на коленях.

— Я старалась не заходить сюда в последние дни, ты же знаешь, — говорит тихо.

Она устала для более эмоционального ответа. Большую часть дня они проводят здесь, убираясь. Ну или пытаюсь. С

постоянным ворчанием Форест времени на уборку уходит больше раза в три. Эрин оглядывает комнату. Всё убрано, все поверхности протёрты, она даже по стенам прошлась тряпкой. Постельное бельё они поменяли, отправив то, на котором спал Хантер, в стиральную машину. В какой-то момент Теона предложила его сжечь и Эрин потратила минуту, всерьёз раздумывая над этим. Но в итоге решила, что всё не настолько плохо. Она медленно складывает грязную тряпку и отправляет её в ведро с водой.

— Я думаю, мы закончили, — говорит, устало улыбнувшись.

— О, хвала богам! — Тео закатывает глаза и трясёт жатыми в кулаки руками. — Закажем пиццу? Посмотрим «Голлак»? — с надеждой в голосе интересуется. — Мы так и не начали смотреть второй сезон.

— Ох, ну конечно, — Эрин поднимается, — как это мы без твоего Руди жили всё это время... — Шагает к двери, подхватив ведро. Тео хмурится, уперев руки в бока.

— Руди он был в «Отбросах», Эрин!

— Ага... — Девушка смотрит через плечо на подругу, — Прости, я хотела сказать Кэссиدي. — Усмехается, наблюдая за тем, как челюсть Форест ползёт вниз и всё её лицо становится маской возмущения.

— Это из «Проповедника», — шипит тихим голосом. Эрин приподнимает брови в притворном удивлении. — А в этом шоу он Винни. Ясно тебе? — по-детски надувшись,

ворчит девушка.

— Точно. Но, честно, в качестве вампира-обдолбыша он нравится мне больше.

Тео не успевает ответить, её прерывает приглушённый телефонный звонок. Обе тормозят и недоуменно смотрят друг на друга.

— Это не мой. На моём стоит Disturbed. А на твоём R.E.M... А это какой-то дряхлый, дребезжащий, старушечий звонок.

Эрин ставит ведро на пол и снова заходит в комнату. Осматривается, пытаясь понять откуда доносится звук. Скорее всего из-под кровати. Подходит к ней, встаёт на колени, шарит рукой, ничего не выходит и мысленно проклинает Хантера. Сомнений в том, что телефон принадлежит ему, нет. Ложится на живот, подтягиваясь на руках заползает под кровать. Как она пропустила эту чёртову штуковину, когда мыла пол? На ощупь шарит рукой, находит устройство как раз в тот момент, когда звонки прекращаются. Выбирается из-под кровати, поднимается, хмуро разглядывая раскладушку очень старой модели в своих руках. Теона подходит ближе, уперев руки в бока и глядя на телефон, как на что-то новенькое.

— Он реально что ли работает?

Эрин ответить не успевает, потому что звонки начинаются снова и от резкого громкого звука она вздрагивает, едва не выронив устройство. Испуганно смотрит на Тео. Номер

звонившего не определён.

— Ответишь? — отчего-то шёпотом спрашивает Форест.

— Ещё чего не хватало... Тео, нет! — шипит Эрин подруге, которая выхватывает телефон, намереваясь ответить на звонок.

И судя по выражению её лица, ничего хорошего звонившего не ждёт. Теона отскакивает от Морган, одновременно с этим открывая раскладушку.

— Добрый вечер. Если вы оказались в трудной жизненной ситуации, нажмите единицу, — говорит дружелюбным тоном. — Если вы хотите связаться с оператором, нажмите двойку. Если с владельцем данного телефона, — тон её голоса перетекает в злобное шипение, — то шли бы вы нахер! И дружка своего можете забрать, потому что таким индивидуумам не место среди нормальных людей! — зло заканчивает, игнорирует настороженный взгляд Эрин и ждёт ответа. Но слышит лишь тишину. Отрывает телефон от уха, раздражённо смотрит на него. Снова прикладывает устройство к уху. — Слушай, накурыш, не трепи мне нервы и не звони сюда больше, иначе клянусь, я найду тебя и глаз на жопу натяну, ПОНЯЛ?! — С силой захлопывает крышку телефона, кидает его на кровать. Выдыхает, поправляет волосы и улыбается. Нарочито жизнерадостно. Встречает взгляд Морган. — Что?

— Его можно было просто отключить... — тихо отвечает та. — Неизвестно кто звонил. Может это очередной больной садист.

— Ииии?

— Тебе не кажется, что злить таких людей не стоит? — интересуется, пристально наблюдая за Форест.

— Да плевать. Ну что, — снова ненормально весело спрашивает, — «Голяк» и пицца?

— Конечно, — улыбнувшись, отвечает.

Довольная девушка выходит из комнаты, оставляя Эрин в тревожных раздумьях. Она не знает сколько стоит вот так, отсутствующим взглядом уставившись в дверной проём, но отмирает, когда слышит нетерпеливое: «Эрин!». Бросает последний беспокойный взгляд на телефон, лежащий на её кровати, выходит, закрывая дверь и безуспешно пытаясь избавиться от чувства неясной тревоги.

Переполненный холл полицейского участка бесит. То, что уже вечер — бесит. Люди, горланящие когда нужно и ненужно — бесят. Самодовольный, самоуверенный сопляк, переставший строить из себя дурочка — бесит. И то, что нет никаких новых зацепок тоже бесит. Сука, на хрен, бесит всё! Моджо с силой пихает дверь, не обращая внимания на тот факт, что практически бьёт ею одного из офицеров, которому не посчастливилось стоять слишком близко. Торопливо спускается по лестнице, намереваясь свалить отсюда к херам. Меняет свои намерения и просто отходит чуть в сторо-

ну от главного входа, достаёт сигарету, прикуривает, глубоко затягивается. Дэйву до смерти хочется прикурить сигарету с немного другим содержимым, но не здесь.

— Этот... Фло... тот ещё фрукт, — спокойно говорит Раст, подходя к напарнику. В ответ получает полный раздражения взгляд.

— Да ты что?

Фло перестал ломать комедию сразу же, как только оказался в комнате для допроса. Он знал, что у них на него ничего нет. За все нарушения закона, в которых его смогли обвинить, он уже отсидел, или отработал на общественных работах. После этого не попадался. И сейчас у них ничего нет. Хотя агенты ФБР довольно умело вели политику запугивания. С кем-то другим, возможно, это и сработало бы, но только не с Фло. Он предпочитал быть подкованным в разных сферах, именно поэтому изучил всё, что было доступно в правовом поле. Знал законы. Знал, как их могут обойти представители правопорядка. И знал, что делать, чтобы с ним это не сработало.

Такие, как Моджо, называли таких, как Фло обдолбанными, инфантильными, недалёкими идиотами. Такие, как Фло, не заморачивались с ответом, демонстрируя лишь длину своего среднего пальца.

Калвертон сразу понял, что этим двоим нельзя оставаться наедине. Дэйв не обладает какой-то особенной моралью относительно людей вроде Фло. А Фло... будет развлекаться,

изучая порог, до которого сможет довести агента. Поэтому допрос вёл Раст. В какой-то момент ему пришлось силком выволочь напарника за дверь, иначе тот просто покалечил бы изворотливого сопляка. Он не сказал ничего, что могло хоть как-то связать его с Ридом. Дэйв был уверен, что если копнёт глубже, то без труда обнаружит их связь. Проблема в том, что пока они застряли здесь, Хантер продолжал проворачивать свои грязные делишки. Как ни крути, Моджо его упустил. И всё остальное на данный момент не имеет значения.

— Нет смысла держать их здесь, Дэйв, — игнорируя тон голоса напарника, продолжает Раст. — Поехали в штаб, нужно доложить Маку. — Встречает мрачный взгляд Дэйва и понимает, что тот действительно устал, раз перестал напрягаться и маскировать своё истинное настроение. — Ты ещё не закончил?

— Что?..

— Кончай строить из себя идиота, Дэйв. Ты не машина. Не Господь Бог. И не суперсолдат. Знал бы ты, как меня до невозможного бесит твоя мания винить себя даже в том, что возможно и не случится!

— Мы знаем наверняка, что второй акт, а может и третий, неизбежны, — тихим, уставшим голосом отвечает Моджо. — И мы знаем наверняка, что я в состоянии это остановить. Если, сука, перестану отвлекаться.

Раст невесело усмехается, качает головой. Маниакальная

привычка его напарника загонит их обоих в гроб. Но даже не это беспокоит его. Дэйв стал другим. Он загоняет себя: спит по два часа в сутки, выкуривает по три пачки в день, выпивает чёрт знает сколько кофе и почти ни с кем не разговаривает.

Со стороны может казаться, что Моджо вполне доволен своей жизнью. Такой себе волк-одиночка, с гипертрофированным чувством собственного превосходства. Наглый, грубый, уверенный и забивающий на какие-либо правила. Вот только Раст проводит слишком много времени рядом с ним на протяжении многих лет. Он видел тот взгляд. Взгляд загнанного в угол зверя. Причём загнанного самим собой. И может быть Дэйв действительно заноза в заднице. Может быть для большинства людей он просто конченный ублюдок, помешанный на своей работе.

Но не для Калвертона.

Они многое прошли вместе, оказывая друг другу молчаливую поддержку. Правда, в случае с Моджо довольно специфическую поддержку. Дэйв, сам того не желая, многому его научил. И хоть они одного возраста, Расту довольно часто кажется, что в теле Моджо заперт двухсотлетний старик. Он никогда не забудет первый день их совместной работы в качестве напарников. Тот ещё денёк. Калвертон не знает другого Дэйва, но знает, что другой когда-то был. Пытался выяснить что случилось. По глупости, не подумав, что это неуместно. Но с треском провалился. Что бы там не случи-

лось, это было достаточно хреново, чтобы заставить Дэйва стать тем, кем он является сейчас.

— Дэйв...

— Поехали. Рочестер ждёт отчёт, — перебивает тот, кидая окурок себе под ноги. — И мне всё ещё нужно в архив. — Шагает спиной вперёд, чтобы видеть лицо напарника. — И нужно подобрать парочку особо уродливых агентов, чтобы этот Рид, если они попадутся ему на глаза, решил, что они из своих. — Усмехается, а затем резко тормозит и хмурится, глядя за спину Раста. — Да ты, на хрен, шутишь что ли...

Раст оборачивается и пару раз моргает, чтобы проверить, что ему не показалось.

— Э...

Вот и всё, что может выдать перегруженный мозг агента. Потому что он просто не в состоянии поверить в то, что видит. По дороге в их направлении бодро шагают две рослые мужские фигуры.

— Дэйв... — предостерегающе говорит Раст, но Моджо уже шагает по направлению к парочке.

— Он бессмертным себя считает, что ли? — рычит, однако понимая, что по факту им нечего предъявить, мать его, Риду, который вразвалочку двигается к ним навстречу, широко улыбаясь.

— Добрый вечер, господа, — весело приветствует агентов Хантер, когда Моджо и поспевающий за ним Калвертон останавливаются в паре ярдов от него. — Мне сказали, что я

могу забрать свою машину здесь. Не подскажите, где я могу получить информацию об этом?

Дэйв молча продолжает сверлить его гневным взглядом, не обращая никакого внимания на Эрика. Тот нервничает, хотя и не показывает этого. Когда Хантер сообщил о том, что собирается наведаться в участок таким тоном, будто им предстояла поездка в Диснейленд, он всерьёз задумался о психическом здоровье недобриятеля, уставившись на него, как на недоумка. В ответ на этот взгляд Рид хлопнул его по плечу и заверил, что будет весело. Эрик так не считал. И на данный момент его мнение не изменилось.

Калвертон с интересом наблюдает за племянником Дона. Косински смотрит в ответ не моргая. Чёрт, он в состоянии делать это всю ночь, если понадобится, но предпочёл бы свалить отсюда как можно скорее.

— Ээээ... — Хантер трёт переносицу указательным пальцем, — простите, ребят. Не думал, что это сложный вопрос. — Усмехается, прекрасно зная, что играет с огнём. Моджо продолжает хранить молчание, Калвертон переводит удивленный взгляд.

— Обзавёлся стальными яйцами, Рид? — тихо интересуется Дэйв, видит чуть заметный прищур глаз Хантера. Затем тот натягивает маску оболтуса и пожимает плечами.

— Так... я вроде и не терял их. — Широко улыбается. Дэйв, наконец, отмирает, парой широких шагов уничтожает расстояние, разделяющее их. Калвертон и Косински на-

пряжённо замирают, готовые в любой момент действовать, но Хантер остаётся стоять в расслабленной позе. Моджо щурит глаза, пристально изучая лицо напротив.

— Только дай мне шанс, долбокрой, — убийственно спокойным голосом наконец говорит Дэйв. — Только дай. Такие, как ты, в конечном итоге совершают самую мизерную, но смертельную ошибку.

— Я никогда не ошибаюсь, ищейка. — Хантер сокращает и без того небольшое расстояние между их лицами. — Никогда.

Дэйв приторно-дружелюбно улыбается. Ещё несколько секунд они играют в гляделки, а затем Рид делает шаг в сторону и обходит агента, направляясь к полицейскому участку.

— Приятно было встретиться лично, — кидает агентам, даже не обернувшись и считая, что он с ними закончил. Моджо так не считает.

— Эй, Рид... — зовёт он, разворачиваясь на пятках и продолжая улыбаться. Хантер оборачивается, вопросительно приподняв брови. — Я всё думаю и не могу понять... Чем ты питался? — Игнорирует осуждающий взгляд напарника, пристально глядя на Хантера.

— Уточнишь? — с усмешкой вопросом на вопрос отвечает тот.

— Ну, — Дэйв небрежно пожимает плечами, — ту неделю, что был заперт в вонючей квартире с разлагающимся, порубленным в фарш телом мамыши. Что мог есть шестилет-

ний пацан?

Вот оно. Моджо получает желаемую реакцию. Лицо Хантера на мгновение становится каменным, а в глазах отчётливо мелькает паника и боль. Но уже в следующую секунду его губы растягивает отвратительная улыбка, не доходящая до глаз. Он игнорирует хмурый взгляд Эрика. Так же небрежно, как и Моджо за секунду до него, пожимает плечами.

— Макароны с сыром и вкуснейшие наггетсы.

Почти не лжёт. Правда макароны были сухими, сыр с плесенью, а наггетсы... про них он и вспоминать не хочет. Они были сгнившими. Его рвало от такой «чудесной» пищи, а поскольку он почти не выходил из шкафа, то и блевал там же. Последние четверо суток пил только воду. Когда находил достаточно сил, чтобы выйти из своего укрытия. Грёбанный федерал.

Уголки губ Дэйва ползут вниз, когда он корчит гримасу «неплохо», а затем широко улыбается. Хантер, ненавидя этого мудозвона всей своей душонкой, но продолжая улыбаться, салютует агентам двумя пальцами и разворачивается, возобновляя движение в сторону участка. Эрик, застывший от шока, отмирает двумя секундами позже и осторожно шагает рядом с ним.

— Только заикнись... — бесцветным голосом предупреждает Хантер.

— И не подумаю. Захочешь, расскажешь сам, — в тон ему отвечает Эрик. Ему лучше других известно, что вопросы о

матери могут быть чертовски болезненными.

Агенты не двигаются с места, наблюдая за удаляющейся парочкой. Моджо думает о чём-то своём. Калвертон пытается заткнуться, но в итоге сдаётся.

— Это было обязательно? — раздражённо спрашивает. Дэйв смотрит на него секунду, затем разворачивается и шагает к своей машине.

— О чём ты?

— Говорить о его матери было обязательно?

— Решил пожалеть преступника? — приподняв бровь, интересуется.

— Ему было шесть, Дэйв! — возмущается Калвертон, глядя на напарника через крышу машины.

— Ага. Двадцать восемь лет назад. Ты видел то же, что и я? — Калвертон лишь хмурится в ответ. Дэйв закатывает глаза. — Он среагировал.

— Да! Как любой человек, мать которого жестоко убили на его глазах! Господи, да что с тобой не так?! — Раст разводит руки в стороны, действительно не понимая.

— Или, — Дэйв нарочито назидательно поднимает вверх указательный палец, — как человек, который всё ж таки имеет слабые места. — Пропускает мимо ушей возмущённое «Какого...» Раста. Садится в машину и напарник следует его примеру. Дэйв заводит мотор, но не двигается с места. — Пока ты сладко спал, пачкая слюнями обивку сидения моей машины, я сделал пару звонков.

— И? — Раст поднимает брови, раздражённо уставившись на него. Моджо усмехается, выворачивает руль и начинает выезжать с парковки.

— Я говорил с одним из людей Танабэ. — Дэйв подчёркнуто внимательно следит за тем, куда едет. — Знаешь, что Рид работал с ними до того, как попал к Косински? — Не видит, но чувствует, что получил нужную реакцию от напарника.

— Нет, этого я не знал.

— Да. Но интересно не это, а знаешь что? — Дэйв с угрюмой весёлостью смотрит на Раста, тот корчит гримасу. — Изао и его люди не забыли Рида. — Отворачивается, снова наблюдая за дорогой и добавляет тише: — Потому что этот мужик стал кошмаром *для них*.

— С кем ты говорил? — перебивает Раст настороженно. Дэйв отвечает не сразу. Чешет нос.

— Помнишь то дело в Далласе?

— Да, но не помню, чтобы там фигурировал кто-то из японской мафии. — Дэйв никак не реагирует на это. — Моджо, мать твою, что ты сделал?!

— Да не важно, что я сделал! То, что было нужно на тот момент. Важно то, что я говорил с одним из бывших членов банды Танабэ. И...

— У них не бывает бывших, Дэйв! — снова перебивает Калвертон, всё больше злясь на напарника. — Дорога из банды одна — в могилу! Уж не знаю как Риду удалось от них уйти.

— Кое-кому кроме него удалось избежать этого, окей?! — в тон ему отвечает Дэйв. — В то время, когда Рид работал с ними, его боялись, Раст! Понимаешь?! Изао не ставил ему чётких границ, а остальные члены банды просто старались обходить стороной! По этой же причине он беспрепятственно ушёл от них. — Переходит на крик. — Люди, которые сами являются кошмаром для самых отъявленных ублюдков, боялись его. Что это говорит тебе о нём?! А?!

Дэйв смотрит на напарника долгую секунду, достаточную для того, чтобы для Раста стали понятны причины изменения поведения Моджо. Он почуял знатный кусок какого-то дерьма. Взял след или думает, что взял. И Раст не удивится, если для Моджо теперь поиск членов «Паноптикума» не в приоритете, потому что у него особые отношения с больными психопатами по неизвестным Калвертону причинам. И если Дейв решил, что Рид один из них, то его поимка теперь стоит на первом месте. И это, мать его, хреново. Раст молчит. Не знает, что сказать.

— Я думаю, ключ к нему — его мать, — говорит Моджо тихим, мрачным голосом. — И мне всё ещё нужно в архив.

— Они сказали, что будут ждать здесь? — чуть удивлённо интересуется Хантер, когда Эрик тормозит у хижины.

— Лука, — неопределённо пожав плечами, отвечает тот.

— Выбирался в город за едой и медикаментами. — Глушит двигатель, выходит из машины.

— Надо же, ну прямо Мать Тереза, — с издёвкой говорит Рид, тихо закрывая дверь со своей стороны. Эрик злобно усмехается.

— Неа, — зажимает сигарету зубами, подкуривает, — я сказал, что если этот хер сдохнет до разговора с тобой, то отвечать будут они. — Улыбается. А Хантер ненадолго виснет, пялясь на этого странного человека. Качает головой.

— Ладно, — говорит на выдохе. Он устал. Слишком насыщенный был день, но этот разговор откладывать больше нельзя. — Давай уже разберёмся с этим, а то что-то я заебался.

Достаёт и прикуривает сигарету, прежде чем двинуться в сторону хижины. Быстро добирается до двери и без стука распахивает её. Тихо, спокойно. Молча заходит в помещение, которое встречает его абсолютной, звенящей тишиной. Он слышит тихий гул голосов до того, как появляется. Но все присутствующие резко замолкают, когда видят его. Замирают, как пойманные в свет фар кролики. Рэйденом, кажется, даже дышать перестаёт. Лука встречается взглядом с Эриком и почти сразу же переводит взгляд на Хантера.

— Здоров, мужик, — говорит он спокойно. Хантер готов поклясться, что серб единственный из присутствующих действительно рад видеть его живым.

— И тебе не хворать, — кивнув, отвечает.

Хантер осматривается. Чисто. Он не ожидает этого. Эрик тоже быстро пробегаётся взглядом, но не просто осматривается, ищет признаки присутствия Арво, оружия, чего угодно, что представляет хоть малейшую опасность. Но, похоже, как только ребята услышали о том, что Хантер жив-здоров, резко присмирели.

Лука сидит всё в том же кресле, что и сутки назад. Словно и не вставал всё это время. Рэйден разжигал огонь в небольшом камине, когда они зашли, но, кажется, совершенно забыл об этом просто замерев и не спуская глаз с Хантера. Крис... этот недоумок слишком туп, чтобы понимать, когда нужно остановиться, поэтому всё ещё смотрит с вызовом. Арво не видно. Рид останавливает свой взгляд на Крисе.

— Где он? — задаёт вопрос спокойным голосом.

Тот отвечает не сразу. Да и ответом служит лишь кивок в сторону одной из двух закрытых дверей. Хантер оглядывается, смотрит на Эрика, давая понять, чего хочет от него сейчас. Тот молча коротко кивает, скрестив руки на груди и упираясь спиной в косяк входной двери.

Рид спокойным шагом направляется в указанном направлении, но, проходя мимо другой двери, тормозит. Снова смотрит на Эрика и тому не нужно делать хоть что-то, чтобы Хантер понял, что Тео он нашёл за этой дверью. Недолго думая, хватается за ручку двери и толкает. Не знает, что ожидает увидеть. Не знает и о том, какой будет его реакция. Ему просто интересно, вот и решил взглянуть.

Так он думает.

Но тошнота, злость и едва заметный намёк на сожаление, появившиеся в тот момент, когда он видит беспорядок и окровавленные простыни, говорят совсем о другом. Он не заходит в помещение. Незачем. Медленно прикрывает дверь и спустя секунду оборачивается. Три совершенно разных реакции. Взгляд Луки спокоен, он примет всё, что решит их непосредственный начальник. Крис всё ещё старается выглядеть дерзким, но его выдаёт бегающий взгляд. Рэйден просто опускает взгляд в пол. Знай Хантер его чуть хуже, решил бы, что ему стыдно.

Он разворачивается и направляется в соседнюю комнату. Пинает закрытую дверь, которая от силы удара врежется в стену. Мужчины видят сквозь дверной проём подскочившего от неожиданности и скорчившегося от боли Арво, но потом дверь захлопывается и они вчетвером остаются в напряжённой тишине, бросая друг на друга настороженные и злобные взгляды.

— Ты, говорят, приболел, Арво, — добродушно улыбнувшись, сообщает Хантер, стоя у закрытой двери.

— Хантер...

Бледный, как простыня, Арво принимает сидячее положение, что несомненно доставляет ему сильный дискомфорт. Лоб покрывает испарина, появившаяся от попыток скрыть боль. От херовых попыток. Рид быстро осматривает комнату. Кровать, стул, тумба. В противоположной от двери сто-

роне — окно. Вот и вся обстановка. Комната меньше двух соседних. Следы побоев на роже его подчинённого выделяются особенно отчётливо на фоне бледной кожи. Эрик отлично постарался, Хантеру и добавить то нечего.

— Расскажешь, что случилось? — спрашивает всё ещё спокойным голосом.

Точно знает, что делает. В таких ситуациях тон, выбранный им, лишь всё усугубляет. О таких моментах обычно говорят: «Лучше бы, на хрен, орал или бил».

— Ты... — Арво запинается, проталкивая ком в горле, разрываясь между желанием послать Хантера куда подальше и чувством самосохранения. — Ты и так всё знаешь, — заканчивает тихо. Хантер пожимает плечами, корчит гримасу.

— Я хочу послушать твою версию.

Арво на секунду перестаёт дышать. Понимает, что его дела ещё хуже, чем он предполагал. Решает молчать. Отчасти потому что знает — выведет Хантера этим из себя. Отчасти потому что понимает — ему нечего сказать, а опускаться до глупых отмазок он не собирается. Поэтому вскидывает голову, откидывая со лба пряди почти белой длинной чёлки и, не моргая, смотрит на него.

— Что ж, ладно. — Хантер корчит гримасу. — Давай я подскажу. — Медленно проходит к окну, делает вид, что разглядывает сосну, растущую прямо у дома. — Ты нарушил прямой приказ. Более того, нарушил его лишь тогда, когда была велика вероятность того, что я сдох, — говорит задум-

чивым голосом. — И возникает справедливый вопрос... — Он разворачивается, сцепив руки за спиной. Щурится. — Откуда такая уверенность? — Видит непонимающий взгляд. Пожимает плечами. — Ну... в том, что я не вернусь. Ведь ты действовал так, словно никакого наказания за нарушение приказа не последует. — Его взгляд тяжелеет. — Почему?

Это чушь и он знает об этом. Арво никак не связан с покушением, Хантер уверен. Но Арво знать об этом не обязательно. Начав понимать куда клонит Хантер, тот бледнеет ещё больше. Его взгляд мечется по комнате, пока мозг пытается придумать, как убедить в своей невиновности относительно данной ситуации. В детали которой он даже не посвящён.

— Что?.. — Качает головой, нервно усмехается. — Ты же не думаешь... — Хантер приподнимает брови. Арво подаётся вперёд. — Мужик, я понятия не имею, где тебя черти носили. — Рид молчит. — Да я и не думал, что что-то случилось. Мне просто скучно было! А тебя не было несколько дней!

Хантер щурится, глядя на то, как Арво медленно впадает в панику. Оно и понятно. Одно дело не выполнить приказ. Другое — быть замешанным в исчезновении главы ячейки. Оба варианта так себе и караются в обязательном порядке. Но второй — смертью. Без шансов быть оправданным. И Арво это понимает. Он замолкает, осознав, что начинает лепетать, как малолетка. Хантер усмехается, подходит к кровати и слегка похлопывает его по плечу.

— Расслабься. — Задерживается ладонью на бледной щеке. — Я знаю, что ты не имеешь отношения к этой проблеме. — Арво облегчённо выдыхает. — Знаю. — Резко наклоняется, сокращая расстояние между их лицами и удерживая того ладонью, которую так же резко перемещает с щеки на заднюю часть шеи. — Но это не значит, будто меня устраивает, что мой человек за моей спиной ведёт себя, как гнида, подрывая мой авторитет! — цедит сквозь зубы.

— Бля... — Арво пытается вырваться, морщится от жгучей боли в том месте, где ещё вчера была татуировка. — Сука...

Рид задействует вторую руку, кладёт её на ногу Арво, нащупывает повязку, следом рану от огнестрела и давит на неё большим пальцем, впихивая в рану вместе с бинтом. Крик Арво вперемешку с матами от злости из-за невозможности избежать этой самой боли, ведь Хантер держит крепко, разрывает тишину, повисшую во всём доме. Люди в соседней комнате переглядываются, но не двигаются с места. И только Косински удовлетворенно усмехается. Хантер ждёт, когда взгляд Арво немного прояснится, устанавливает зрительный контакт, переставая сдерживать гнев.

— Что, не нравится? — Злобно улыбается. — Ну зато ты теперь хотя бы примерно представляешь, что чувствуют те, кого ты трахаешь против их воли. — Пожимает плечами. — Правда, велика вероятность того, что твоя боль и рядом не стояла. А если так?

Продолжает вдавливать палец в рану на ноге, чувствуя тёплую кровь. Арво стискивает зубы, мычит, дёргаясь. Взгляд не отводит, хотя держится из последних сил. А потом всё резко прекращается. Хантер отпускает его, отходит на пару шагов. Арво бесформенной кучей валится на кровать. Тяжело и шумно дышит, болезненно стонет. Но Хантер и не думает заканчивать. Снова подходит к кровати, игнорирует попытки Арво увернуться от его руки, хватая за волосы и с силой тащит сначала с кровати, а затем и из помещения. Приподнимает и пинком отправляет в середину комнаты. Арво проходит почти ту же траекторию, что и сутки назад. Разве что стол не ломает, потому что стола в месте его приземления больше нет. Рид останавливается на пороге и мрачным тяжёлым взглядом смотрит на своих людей, получая моральное удовлетворение от стонов боли белобрысого ублюдка.

— У нас есть заказ, — начинает говорить, останавливаясь взглядом на каждом. — На подготовку отведено четыре недели, но мы будем готовы через три. Сегодня-завтра видеть ваши рожи не хочу, но в понедельник всем быть на месте.

— В ресторане? — тихо интересуется Лука.

— Нет. — Рид задерживается взглядом на все ещё ползающем Арво, но потом смотрит на задавшего вопрос. — На складе в доках. Всё, что связано с делом, обсуждается только там. Ясно? — В ответ молча кивают. — Никакого алкоголя,

наркотиков или тёлоч до тех пор, пока дело не будет сделано. Это тоже ясно? — Получает тот же ответ. — Хорошо. Теперь об... — смотрит на Арво с чётким выражением отвращения на лице, — этом. Арво, дружище, в состоянии уловить суть моих слов? — с издёвкой спрашивает. Встречает горящий ненавистью взгляд чёрных глаз спокойно. Секунду спустя Арво медленно кивает. — Чудненько. — Улыбается. — С этого дня ты выполняешь самые мерзкие и грязные поручения, которые только могут быть. Если раньше ты был относительно наравне со всеми, то теперь ты ниже. — Арво молчит, лишь дышать начинает чаще. — Смекаешь? Любой из нас может дать тебе поручение и ты не в праве отказаться. Хочешь изменить своё положение? — Тот едва заметно кивает, вызывая довольную, но далеко не доброжелательную улыбку Рида. — Ну тогда тебе придётся постараться. Любой промах — смерть. И, чувак, я говорю не о пуле в лоб. Это ясно?

— Да. Я понял, — сквозь сжатые зубы отвечает.

Хантер кивает, направляется к выходу, хлопнув его по-приятельски по плечу, проходя мимо, но дойдя до Эрика, тормозит. Разворачивается и теперь уже без кривляний, убийственно спокойным голосом начинает говорить:

— Забыл уточнить. Если я узнаю, что кто-то из вас тронул женщину без её согласия — я кастрирую его собственными руками. Это, сука, понятно?! Вы знаете меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что мои слова редко расходятся

с делом. Я надеюсь, мы поняли друг друга? — Он смотрит в глаза каждому до тех пор, пока не получает молчаливый кивок в ответ. Добившись желаемого, злобно усмехается. — Да неужто.

Он выходит на улицу, чувствуя ломоту во всём теле. Полученные раны дают о себе знать, но останавливаться нельзя. Некогда отлёживаться. Он добредает до машины и прижимается к ней спиной, засовывая в зубы сигарету. Прикуривает и глубоко затягивается. Выдыхает, наблюдая за тем, как сизый дымок поднимается вверх, растворяясь где-то там, на фоне уже потемневшего неба. Прикрывает глаза.

Здесь так тихо.

Пожалуй, это именно то, чего ему не хватает больше всего — тишины. Вместо постоянной болтовни, шума города, собственных мыслей. Непозволительная, на хрен, роскошь.

Открывает глаза, услышав тихий скрип двери. Эрик не спеша шагает в его сторону, тоже закуривая. Хантер следит за ним взглядом и в голове назревает вопрос, который рано или поздно придётся озвучить. Косински останавливается со стороны водителя, отвечает на взгляд Рида.

— Спасибо, — говорит тихо, спустя какое-то время. Хантер хмурится.

— За что?

— Ты сделал то, что обещал. — Открывает дверь, садиться за руль.

— Почему? — спрашивает Хантер, плюхаясь на соседнее

сидение. Эрик непонимающе смотрит на него. — Почему тебя так волнует этот момент? — Пожимает плечами, Эрик заводит мотор. — Не пойми меня неправильно, я тоже не переносю насильников, но у тебя это прям мания какая-то.

Косински выворачивает на просёлочную дорогу и молчит, надеясь, что Хантер просто отвалит к херам. Но ведь это Хантер. Если ему что-то приспичит, то вынь и положи сию минуту. Выдыхает.

— Это относится к разряду тех же вопросов, что и смерть твоей матери, — наконец отвечает мрачно, затем смотрит на Рида. — Готов поговорить о своей матери? — с лёгкой язвительностью интересуется.

— Пошёл ты... — беззлобно отвечает Хантер, отворачиваясь к окну.

Оставшуюся часть пути они проводят в полном молчании, переваривая весь поток информации, полученной за день. Это был не день, а просто какой-то отстой.

Эрин тянет руки вверх, потягиваясь. Шумно выдыхает и только после этого открывает глаза. Взглядом изучает потолок несколько секунд, а после поворачивает голову, ожидая увидеть Теону рядом. Хмурится. Резко садится и начинает нервно оглядываться. Она просыпается на полу, как и вчера. Не спала большую часть ночи. Теоне снились кошмары.

Паника, подступающая к Эрин, испаряется сразу, как только она видит хрупкую, худенькую фигуру, укутанную в плед, стоявшую на балконе в предрассветных сумерках. Она замирает в нерешительности, ведь даже стоя спиной Теона выглядит одинокой и разбитой. Сама Эрин предпочитает подобные моменты переживать в одиночестве, но смотреть на такую Форест просто не может. Поэтому выбирается из нагромождения подушек и одеял, зачем-то проводит ладонями вниз по своей пижаме, решительным шагом направляется к балкону. Тихо открывает дверь, глубоко вдыхает запах прохладного утреннего города, перемешавшегося с сигаретным дымом и запахом крепкого кофе, тихо выдыхает. Прижимается плечом к дверному косяку, скрестив руки на груди.

— Кофе сварен минут десять назад, ты ещё успеешь застать ту его температуру, которую любишь, — тихо говорит Теона.

— Ты больше не спала? — задаёт интересующий вопрос, а затем, оттолкнувшись от своей опоры, подходит к девушке. Встав рядом, наблюдает за тем, как серое небо медленно окрашивается в тёплые цвета, ожидая ответа.

— Нет, — Теона качает головой, стряхивая пепел тонкими пальцами, — но я буду благодарна, если ты перестанешь носиться со мной, как с хрустальной. — Поворачивает голову и смотрит на Морган, грустно улыбнувшись.

— Ладно, — через силу улыбнувшись, отвечает та.

— Ладно?

— Ага. — Она хватается за перила и отклоняется назад, как маленький ребёнок. — Раз ты не хочешь, чтобы о тебе позаботились, тогда хватит гипнотизировать соседнее здание. Выпивай свой кофе и шевели задницей. У нас много дел, — сказав это, Эрин разворачивается и шагает к двери.

— Каких ещё дел?

— Шевели задницей, — вместо ответа беззлобно шипит. Форест подчиняется. Они вместе выпивают кофе, завтракают, Эрин обрабатывает раны девушки, хоть та и сопротивляется поначалу. День проходит хорошо. Они гуляют, идут в кино, кричат, смеются и почти забывают, что происходит вокруг.

Их хорошее настроение испаряется по мере того, как они приближаются к дому, потому что между ними завязывается спор, темой которого становится необходимость Эрин завтра возвращаться на работу. Она не хочет оставлять Форест без присмотра. Как бы ни старалась, у неё плохо получается скрывать беспокойство. Теона, по факту, единственный близкий для Эрин человек, отсюда и повышенное внимание. Форест такой расклад не устраивает, что она и озвучивает, закрывая входную дверь.

— Я не маленькая. А Ланкастер не может и дальше продолжать делать тебе поблажки.

— Переживёт, — раздражённо отвечает Эрин, подходя к кухонному столу и ставя на него сумку.

— Ну хорошо. — Тео закатывает глаза, всплеснув руками.

— Если ты так не хочешь оставлять меня в одиночестве, то я просто позвоню кому-то из своих друзей.

— Пффф, — Эрин оборачивается. — О, да. И они скажут мне всё, что я захочу услышать, при этом не выбираясь даже из своих кроватей.

— Эрин!.. — Теону прерывает стук в дверь и она снова закатывает глаза, сердито шагая к двери. — Кого ещё там принес... ло...

Застывает, потому что этого человека ожидает увидеть на пороге своей квартиры меньше всего. Ей приходится задрать голову, чтобы встретиться взглядом с непрошенным гостем. Который совершенно точно раздражён. Форест принимает это на свой счёт и щурит глаза.

— Какого хрена тебе здесь надо?

— У меня тот же вопрос, — враждебно говорит Эрин, подойдя к Форест и уставившись на Эрика.

Косински в этот момент готов пристрелить придурка Хантера, заставившего его делать то, что он не хотел. Но под этой причиной кроется ещё одна — Рид этим утром заявил, что Рик не будет принимать активного участия в намечающемся деле. И отказался объяснять причины, отмахнувшись неопределённым: «Позже». Мало ему было этого, так теперь придётся отбиваться от двух мелких злобных фурий.

— И вам добрый день, — саркастично улыбнувшись, отвечает он наконец. — Мой приятель... чуть ниже ростом, ведёт себя, как задница и раздражает одним своим видом...

помните такого? — Выдерживает гневный взгляд одной и хмурый взгляд другой. — Вижу, помните. Так вот, — трёт нос, — он кое-что забыл у вас.

Видит понимание на лице Эрин. Та резко разворачивается и идёт к лестнице. За время её отсутствия Тео выпускает его в квартиру и теперь они стоят друг напротив друга, играя в гляделки. Теона отходит на достаточное расстояние, скрестив руки на груди. Взгляд Эрика тяжёлый и недовольный.

— Смотрю, тебе лучше. — Он решает открыть рот и тут же жалеет об этом.

— Тебе какое дело?

— Абсолютно никакого.

От ответа Форест избавляет появившаяся Эрин. Она кидает телефон Эрику так, словно это что-то до ужаса мерзкое.

— Благодарю, — фальшиво улыбнувшись, говорит он. Получает в ответ точно такую же улыбочку и разворачивается к двери, надеясь свалить отсюда как можно быстрее. Вот только мыслительный процесс Форест оказывается шустрее.

— Стой! — Она делает пару шагов и поворачивается к Эрин, встав между ней и Эриком, который от неожиданно резкого тона послушно тормозит и теперь стоит полубоком. — Слушай, — начинает тараторить, обращаясь к девушке, — не хочешь оставлять меня с друзьями, потому что думаешь, что они будут делать то, что я захочу, окей. Не вопрос. Ну уж он то, — тычет указательным пальцем в его сторону, даже не смотря на него, — точно не станет плясать под мою

дудку.

— Чего... — бормочет Рик, но никто не обращает на него внимания.

— Ты... спятила? — тихо спрашивает Эрин. Теона ненормально весело улыбается.

— Да нет же! Я не буду одна, но и творить всякую чушь, которую по твоему убеждению я творить буду, мне не дадут. Ты спокойно пойдёшь на работу и перестанешь уже подставлять своего шефа.

— Тео, ты говоришь о человеке, который является другом...

— Да мы не такие уж и друзья, — бормочет Эрик, и снова остаётся не услышанным.

— ...человека, по вине которого ты и оказалась в состоянии, в котором тебя страшно оставлять одну. — Замолкает, хмуро наблюдая за Тео.

— Он вытащил меня из того гадкого места. Зачем ему вредить мне?

— Гхм... — Косински всё ещё пытается привлечь внимание.

— Да ладно тебе. — Тео снова улыбается. — Мы просто... будем смотреть фильмы.

До него наконец доходит, о чем они говорят.

— Эй, я в няньки не нанимался!

— Помолчи! — рывкает Форест, бросив на него раздражённый взгляд. И он затыкается, потому что просто немно-

жечко так охреневает.

— Мне не нравится эта идея, — говорит Эрин, не веря, что вообще рассматривает этот вариант. Но и пользоваться благосклонностью Ланкастера она больше не может.

Тео корчит морщку кота из Шрека и Эрин косится в сторону Косински. Понимает всю абсурдность этой идеи, но всё равно собирается согласиться по непонятной ей причине. Эрик хмурится, щурится, злится на эту мелочь, а затем вспоминает о том, что сказал утром Рид. Он ему не нужен. Отлично. И поставить на место злобного гнома не мешало бы. Он переводит взгляд на Форест.

— Чудненько.

Мстительно улыбается, а девушке становится не по себе, ведь она предложила его кандидатуру в качестве няньки лишь потому, что была уверена — проблем с ним не будет. Потому что он просто не придёт. Двух зайцев одним выстрелом: Эрин будет спокойна за неё, а её наконец-то оставят в покое. Но, кажется, что-то идёт не так.

— Я ухожу в восемь, — сообщает Эрин, нарушая повисшую тишину.

Эрик не отвечает, просто кивает и молча уходит, оставив обеих в «лёгком» недоумении, в котором пребывает и сам. Потому что...

...какого хрена только что произошло?

Глава 12.

Чувствует холод, вальяжно пробравшийся через открытое настежь окно, но не делает попыток как-то от него укрыться. Наоборот, радостно приветствует невидимого гостя, играя со своим воображением и представляя, что именно так чувствовал бы себя, окажись в могиле. Серый предрассветный сумрак играет на руку, окрашивая все вокруг в тусклые полутона. Будто всё потеряло цвет, перестало иметь значение, превратилось в прах, наконец приобретя свой истинный вид... необратимость, холод и пустота.

Будильник дребезжит. Хантер не спал всю ночь. Память тянула его обратно в гниль, вонь и страх.

Трёт лицо, злясь на себя за то, что никак не может сконцентрироваться. С сегодняшнего дня начинается то, что неизвестно куда приведёт. Он думал, просчитывал разные варианты событий, но в конце концов понял, что не сможет составить полную картину до тех пор, пока не поговорит с единственным человеком, знающим о нём больше, чем кто бы то ни был. Но телефон молчит. Новых черновиков в почтовом ящике не появляется, эта мёртвая тишина в эфире начинает его напрягать.

Хантер поднимается с кровати, плетётся в ванную, мысленно раздавая себе пинков и подзатыльников, но все равно едва переставляя ноги.

Не включает свет, просто оставляет дверь открытой. Забирается в душ, крутит вентиль, резко втягивает воздух. Холод.

Хорошо. Подставляет голову под струи холодной воды, упорно отгоняя непрошенные воспоминания и матеря на чём свет стоит назойливого федерала. Не шевелится, чувствуя, как кожа становится гусиной в тех местах, где её касаются холодные струи. Открывает глаза и смотрит в водосток. Вот только видит он совсем другое... продолжение сна, мучившего его всю жизнь.

Он действительно не добрался до кухни тогда, вернувшись в шкаф. Почти умер от обезвоживания, когда его нашли копы. Плохо помнит ту ночь. Зато навсегда запомнил тихий шёпот офицера, вынесшего его на руках на свежий воздух и обещавшего, что теперь всё будет хорошо. И пустой, но в то же время осуждающий, обвиняющий взгляд матери, навсегда оставшейся на том полу. Он знал, что не был виноват, но пронёс это чувство сквозь всю свою жизнь, где-то на подкорке сознания, упорно отказываясь признавать, но в то же время отчаянно цепляясь за него. Как будто это было единственным ориентиром, местом, от которого он мог отталкиваться, если забывал, кто он есть. Крошечным и единственным местом.

Хантер принимает душ, натягивает спортивные штаны. Подходит к раковине. Тут и застывает, гоняя по кругу тот грёбанный вечер. Тот мужчина всегда был тёмным пятном. Но теперь Хантер пытается осознанно его разглядеть.

Он не может позволить себе невнимательность. Только не сейчас. Не время для детских травм. На самом деле это са-

мое хреновое время. Но другого не будет. Хантер прикрывает глаза, хмурится, наклонив голову к плечу, вспоминая, пожалуй, впервые осознанно тот ад.

Было довольно темно, мать уже уложила его спать. Всё, что он успел увидеть, прежде чем забрался в шкаф — это человека. Мужчина был крупным, или ему так казалось. Светлые волосы, тёмный костюм. Хантер тихо матерится, понимая, что этого недостаточно, но никак не может вспомнить лицо.

Сжимает края холодной раковины, стискивает челюсть и открывает глаза, уставившись в свое отражение. Он только что кое-что понял. То, что всегда плавало на поверхности. Он не может вернуть мать, не может вернуть себя, у него ничего нет. Ничего, кроме размытого огромного пятна, насилловавшего и убивавшего женщину, которая была какой-то какой, но матерью. Хантер жалеет, что начал осознанно копаться в этом, но уже не может остановиться.

— Просто чудесно, нахрен...

Теона смешно надувает щёки, выпуская горькую струйку дыма, и тушит окурок в пепельнице. Хмурится, глядя в квартиру сквозь стеклянную дверь балкона и натыкаясь взглядом на огромную тушу, нагло развалившуюся на её диване. Закинувшую свои длинящие ноги на её журнальный столик.

Этот день она намеревалась провести в полном одиночестве и даже пританцовывала от нетерпения, наблюдая за тем, как Эрин надевает пальто и хватает сумку, собираясь уходить. Но все её «грандиозные» планы были нарушены, когда пространство квартиры разорвал дверной звонок и на напряжённом лице Эрин отразилось облегчение. Весёлый, хоть и немного обеспокоенный взгляд встретился с хмурым и раздражённым.

— Ну наконец-то, — с улыбкой проговорила Морган, прекрасно понимая, что Форест рассчитывала совсем на другое. — Ты почти опоздал, — недовольно сообщила она стоявшему на пороге громиле вместо приветствия.

— И тебе доброе утро.

Рик вошёл, не дожидаясь приглашения. На Эрин он смотрел, игнорируя Теону.

— Ну... не лютуйте здесь, — неуверенно попросила Морган, пряча нервозность за натянутой улыбкой. — Я позвоню ближе к обеду, — предупредила, посмотрев на Тео и тут уже улыбнулась широко и искренне. Слишком уж забавно выглядела её подруга.

Когда дверь закрылась, Форест вихрем крутанулась вокруг себя, повернувшись лицом к громиле и упёрла руки в бока, сверля его гневным взглядом прищуренных глаз. Выражение его лица не изменилось, оставаясь каким. Правда, он всё же немного приподнял брови, как бы спрашивая её: «Чего уставилась?».

— Какого хрена... — прошипела девушка. Эрик скорчил мину, пожал плечами и огляделся.

— Так... сама же просила, — сказал он, не глядя на неё. Развернулся и направился к дивану.

— Что?.. — Форест издала нечленораздельный звук, шагая за ним. — Ни о чём я тебя не просила! Предполагалось, что ты вообще не придёшь. Не понимаешь намёков? — продолжала бушевать она, недоумённо наблюдая за тем, как Рик устраивался на диване. — Что... ты делаешь?!

Голос перешёл в ультразвук, когда она остановилась возле него. От неё не укрылось то, что при последнем вопросе лицо Эрика исказила гримаса раздражения. Он оставил без ответов все её вопросы, откинувшись на спинку дивана, скрестив руки на груди, откинув голову на мягкие подушки и натянув до носа капюшон так, что остались видны только нижняя часть лица. Он приоткрыл глаза, выглянул из-под плотной ткани и, найдя то, что искал, бесцеремонно закинул ноги на журнальный столик.

Девушка от возмущения открыла рот и ещё несколько секунд безмолвно стояла. А когда шумно втянула воздух ртом, набирая побольше кислорода в лёгкие для того, чтобы начать распинать наглого мужика, услышала тихий и почти бесцветный голос:

— Меня совершенно, нахрен, не колышит, что ты там собралась говорить, коротышка. Ты сама начала это дерьмо. Так что теперь не выгрызай мне мозг. Займись делом. А я

пока посплю.

Теона прищурилась, намеревалась ответить в тон ему, но было что-то в его голосе... внезапно весь её запал пропал. В конце концов какая ей разница?

— Я и займусь своими делами, — наконец ответила она пренебрежительным тоном, — но не хочу, чтобы мне мешали. Так что прижми свою задницу и не отсвечивай. Понял?

— Предельно ясно.

— Вот и прекрасно.

— Чудесно.

— Великолепно.

— Да охренительно.

Тео открыла рот, чтобы ответить, но не произнесла ни звука, увидев едва заметную ухмылку, тронувшую губы Эрика. Она прищурилась, поняла, что не собирается препираться с ним, доставляя удовольствие, и просто развернулась, направляясь на кухню, чтобы налить себе ещё кофе.

Три часа она делала вид, что занята. Но всё равно чувствовала его. В какой-то момент услышала тихое сопение, говорящее о том, что Эрик действительно уснул. А потом она почувствовала спокойствие. Это понимание стало настолько неожиданным, что она неуклюже села на стоящий рядом стул, не сводя взгляда с торчащей над спинкой дивана макушки. Каким образом она могла чувствовать себя спокойно рядом с совершенно незнакомым, более того, совершенно точно опасным человеком? Ну, для Форест ответ был очеви-

ден. Она просто отбитая на всю голову идиотка. Понимание этого разозлило и поэтому она не нашла ничего лучше, кроме как пойти выкурить пару сигарет.

И теперь она стоит, кутаясь в тёплый свитер и пялится через стеклянную дверь на причину своей головной боли, испытывая одновременно и раздражение, и... некий интерес.

Девушка медленно открывает дверь и тихо заходит внутрь, на этот раз стараясь не шуметь. Замирает на несколько секунд, прислушиваясь к тихому дыханию Эрика, а затем мотает головой, отдёргивая себя.

— Ты дышишь, как пёс, пробежавший пару миль.

Слышит она недовольное бормотание и все её хоть сколько-нибудь положительные эмоции сменяются раздражением. Она фырчит, закатывает глаза и шагает к лестнице, намереваясь оставить его реплику без ответа.

— Так и чем мы займёмся?

Форест замирает, разворачивается, моргает и почти упускает момент в который только что развалившийся и кажущийся полностью расслабленным Эрик, оказывается на ногах, поднявшись резко и слишком грациозно для своих габаритов.

— Я...

— Угу...

Из под капюшона показывается пара совсем не заспанных глаз. Рик интенсивно кивает, словно болванчик, ожидающий ответа. Нахальная ухмылка говорит о том, что он не упу-

стит любую возможность подколоть её. Тео упрямо поднимает подбородок.

— Я с тобой ничем заниматься не собираюсь.

— Нет?

— Нет.

— Хм... — Рик обхватывает свой подбородок длинными пальцами, приняв задумчивый вид. — Ладно.

— Ладно? — Девушка непонимающе хмурится, не веря в такую удачу.

— Ага.

Ухмылка, затронувшая левую сторону его губ быстро спускает её на землю. Тео закатывает глаза, фырчит и, поменяв направление, шагает к кофеварке.

На протяжении следующего получаса Эрик не произносит ни слова, безмолвной огромной тенью шагая по пятам за Форест, чем здорово нервирует её. О чём несомненно прекрасно знает. Он стоит за спиной, пока она наливает кофе, отвечает на письма, просматривает сайты с оборудованием, нужным ей для работы фотографом. Всё, что он произносит за это время — это насмешливо удивлённое: «О...», когда в строке поиска, которой она хотела воспользоваться, выскакивает ссылок пять на порно сайты. Тео резко захлопывает крышку ноутбука, со злостью смотрит на него через плечо, успев в сотый раз пожалеть о том, что вообще связалась с ним, щурится, ожидая серию подколов, но... не слышит ничего.

— Ну всё, хватит с меня, — бормочет она, спрыгивая с высокого стула и направляясь к балкону.

Эрик молча следует за ней, осознав, что давно не курил. Достает пачку сигарет, прикуривает, облокотившись на перила и скопировав позу Форест. Девушка делает затяжку за затяжкой, нервно постукивая ногой по полу. Косински знает, что не он является причиной этой нервозности. Во всяком случае не основной. Понятия не имеет о природе этой уверенности, да и ему наплевать. Задаётся вопросом какого чёрта он вообще здесь делает, но не найдя ответа или отказываясь принимать единственно верный, косит взглядом в сторону Теоны. И тут же жалеет об этом. Потому что впервые рассматривает следы побоев и порезов, оставленных Арво, при дневном свете.

— Больно? — внезапно для себя задаёт простой вопрос тихим голосом.

Рука Теоны с зажатой в ней сигаретой застывает на полпути и девушка смотрит ему в глаза, не поворачивая головы. Секунду, другую. Делает последнюю затяжку, выкидывает окурок, разворачивается, намереваясь покинуть балкон.

— Тебе то какая разница?

Не дожидаясь ответа уходит, хлопнув дверью. Эрик ещё какое-то время стоит, глядя на дверь, а затем достаёт ещё одну сигарету и прикуривает. Переводит взгляд на город, задумчиво крутя фильтр в пальцах. Действительно, какая ему разница? Выходит, что разница есть? Каждое животное, к

спасению которого он приложил руку, становилось для него ответственностью. Он помогал с ними в приюте, бывал финансовым куратором и брал на себя большую часть расходов до тех пор, пока зверушке не находили хороших хозяев. Были и те, кого никто не хотел. Слишком старые или искалеченные, или с психологическими проблемами. С такими было сложнее, но и их он не бросал, считая, что раз вытащил из-под колёс, ямы, канавы, из лап жестоких хозяев, то и возиться с ними ему.

Он вытащил Теону из лап Арво. Да. Вот только она — человек. А с людьми всё не так просто. С людьми вообще ничего не бывает просто. Окей, он допускает, что это привычка, присматривать за теми, к спасению кого он приложил руку. И это является второй причиной, по которой он всё-таки притащился сюда этим утром. Но что, если все немного сложнее? Он тянется к карману толстовки, доставая третью сигарету.

Форест позорно сбегает, прячется в ванной, не забыв закрыть за собой дверь. Она цепляется за край раковины, но не спешит поднимать взгляд.

«Больно?»

Простой вопрос, вскрывающий совсем не простые вещи. Одно слово, описывающее не только последние события.

«Больно?»

Школа, самоубийство матери, мерзкие отношения с отцом и братом, невероятное количество неверно принятых

решений.

«Больно?»

Теоне становится трудно дышать и она хватается ртом воздуха, чувствуя, как сдавливает виски, сердце трепыхается где-то в горле, дрожь в руках настолько сильная, что приходится сжать края раковины до побелевших костяшек.

«Больно?»

Она поднимает голову и встречается взглядом с перепуганной девочкой, которой всё ещё является. Той, что нашла свою уже холодную мать. Той, что большую часть жизни вздрагивала от любого шороха. Той, что повесила замок на дверь своей комнаты, едва набралась смелости перечить отцу. Той, которой этот замок ничем не помог.

«Больно?»

Больно.

Дейв торчит перед зданием Управления уже час. Бездумно пялится в приборную панель, разумом находясь совсем не здесь. Он проторчал все выходные в архивах, пытаясь найти хоть что-то. Забил на наружку и текущее дело, за что чувствовал грёбаную вину, но ничего не мог с собой поделать. Он не был уверен в том, что прошлое Рида приведёт его к террористам. Чёрт, он знал, что не приведёт. Точно так же, как знал и то, что эта ниточка, куда бы ни привела, даст ему

ответы на вопросы, которые ещё даже не сформировались во что-то чёткое и понятное.

Моджо хмурится, погрызывая внутреннюю сторону щеки. Нет, кое-что он всё-таки определил. Копаясь в пыльных пожелтевших бумагах и не найдя ничего конкретного, он совершенно точно понял, что отсутствие информации о матери Хантера, о её смерти, да и вообще хоть чего-то более менее конкретного о его прошлом, говорило только об одном — кто-то здорово постарался, чтобы скрыть эту информацию. И здесь справедливо возникает ещё один вопрос... Зачем?

Зачем кому-то проворачивать довольно энергозатратное дело с сокрытием информации о ком-то вроде Рида? То есть он, конечно, довольно занятный криминальный элемент, но... Но. Никто не станет рвать задницу просто так из-за преступника такого рода. Дэйв подсознательно гонит от себя мысль о том, кто мог это сделать, но выводы напрашиваются сами. Доступ к архивам ФБР есть далеко не у каждого, а это значит только одно — кем бы ни был тот, кто уничтожил информацию об этом деле, он совершенно точно из ФБР.

Моджо раздражённо выдыхает, давит пальцами на глаза и с силой сжимает переносицу. Проводит ладонью по лицу, морщится, ощутив колючую щетину и резко выходит из машины, но не идёт прочь, уставившись покрасневшими от недосыпа глазами на двери главного входа. Он ощущает сводящее кости нежелание тащиться в командный центр и чер-

товски злится.

Потому что не понимает природы этого чувства.

Потому что не понимает себя.

Это не первое дело такого плана. Более того, бывали дела и похуже. И он просто не может разобрать по полочкам всё, что происходит сейчас в голове. А ему нужно разобрать всё по полочкам. Просто жизненно, на хрен, необходимо.

Рука Дэйва, с сжатой в ней сигаретой, застывает на полпути ко рту и он щурит глаза.

Ему нужно в Академию. Но сначала ему нужно поговорить с Рочестером.

— Джим! — рывкает Мак, неожиданно громко даже для себя, шагая к центру помещения широким, размашистым шагом.

— Сэр?.. — Техник нервно поправляет очки и смотрит на него.

— Что с Мануфом?

Чувствует разочарование, видя виноватую физиономию техника и предвидя ответ заранее.

— Ничего, сэр. Как сквозь землю провалился, — тихо отвечает Джим. Мак поджимает губы и кивает. Он в общем-то и не предполагал ничего другого.

— Мак...

Рочестер реагирует на зов и поворачивается на сто семьдесят градусов.

— Раст, — приветствует агента без особого энтузиазма.

— С Дэйвом не говорил? — интересуется Калвертон. Тяжко выдыхает, когда Мак отрицательно качает головой.

— Кстати, где он?

— В архиве, полагаю, — уныло отвечает агент, подходя к своему временному рабочему столу и ставя на него два стаканчика с кофе. Мак, не долго думая, подходит и хватается один. — Ээй... это же... — не особо возражая, начинает Калвертон, но замолкает, увидев, как лицо Мака морщится и он активно ищет глазами куда бы выплюнуть то, что только что заглотил.

— Как он пьёт эту дрянь?! — возмущается под неопределённое хмыканье Калвертона.

— Странно слышать это от человека, который беспардонно заграбастал то, что ему не принадлежит, — язвительно ворчит только что вошедший Моджо. Мужчины резко разворачиваются на звук его голоса.

— Да это же грёбаная отравка, а не кофе! — брезгливо вытирая рот внутренней стороной ладони, отвечает Мак. Дэйв хватается за грудь в области сердца в притворном изумлении.

— Какая неблагодарность! Ебануться просто! — продолжая играть роль, возмущается он. Калвертон издаёт что-то среднее между смешком и вздохом, а Мак закатывает глаза.

— Нашёл что-нибудь? — спрашивает Раст, решив перевести разговор.

— Конечно! — радостно отвечает Дэйв, — Целое ни-ху-я, прикинь! — Широко улыбается. В следующую секунду улыбка пропадает и цепкий взгляд агента переходит к Маку. — Скажи мне, Рочестер, кому может быть выгодна пропажа дела двадцативосьмилетней давности?

— Что?.. — недоуменно переспрашивает тот.

Он знает, зачем Дэйву нужно было в архив. Знает, что тот хотел там найти. Точно так же, как и то, что дела, которые ещё не перенесли в общую базу, все до одного хранятся в архиве.

— То, — в присущей ему манере отвечает Дэйв, подходя к столу и бесцеремонно падая на стул. — Я перерыл всё. На мать Хантера Рида ничего нет. То есть, — пожимает плечами, — есть какие-то обрывки. Начало без конца. Складывается ощущение, что кто-то просто повырывал нужные ему страницы из дела.

Рочестер смотрит на него хмуро. Этого ещё не хватало. Мак пятится к стоящему рядом столу и присаживается на него, скрешивая руки на груди, продолжая сверлить взглядом Моджо.

— И что дальше? — нарушает тишину Раст. Дэйв пожимает плечами.

— Хочу съездить в нашу Альма матер.

— Сейчас?!

— Не вижу причин тянуть с этим, — просто отвечает, с усмешкой глядя на напарника.

— Расследование смерти химика зашло в тупик, — раздражённо говорит Мак. — Посол из Китая связался с Директором и настоял на участии их человека в расследовании.

— Погоди... — Раст смотрит на него с недовольной физиономией. — Чего?

— Ага. — Мак встаёт в полный рост. — К нам направляется какой-то крутой ниндзя-чувак. — Засовывает руки в карманы и переводит суровый взгляд на Дэйва. — Как тебе такая мотивация высунуть голову из задницы и начать работать над делом, а? — Причиной отвратительного настроения Рочестера была именно эта новость, о которой ему сообщил полчаса назад заместитель директора Рэйнольдс.

— Я работаю над делом, — холодно отвечает Моджо.

— Нет, Дэйв, — Мак делает шаг по направлению к нему, — ты роешь носом землю, ведомый своей чёртовой чуйкой. Не в том направлении. — В ответ получает тяжёлый взгляд исподлобья. — Чёрт, у нас террористы в городе, Моджо! И ни одной грёбаной зацепки. Понимаешь?! Мы в тупике. И у нас нет времени на твои экстрасенсорные замашки. Чего ты вообще зацепился за этого засранца?!

Моджо отвечает не сразу, на пару секунд выпав из реальности, окунувшись в далёкое прошлое, события в котором стали причиной, по которой он вообще занялся этой работой. Бледное, измученное лицо молодого паренька, осо-

ловелый и обезумевший от ужаса и боли взгляд которого вгрызался в него... солоновато металлический запах крови и нечистот, пропитавших воздух и вообще всё вокруг... мерзкий, тошнотворный, чавкающий звук и тихий, хриплый смех монстра в человеческом обличье...

Моджо прикрывает глаза, медленно выдыхает. Встаёт в полный рост и смотрит прямо в глаза человека, который — он точно знает — понял бы, расскажи он ему всё с самого начала. Проблема в том, что Дэйв не хочет произносить вслух то, что происходило задолго до того, как преимущественный процент дел, за которые он брался, начали составлять психи.

— Хантер один из лидеров Дона. Они явно связаны с Мануфом, а значит и с «Паноптикумом».

— Ага. — Мак кивает. — Вот только дело не в этом, Дэйв. — Отвечает на пристальный взгляд, пытаясь прочесть его.

— Да что б тебя... — обречённо бормочет Раст, отступая на шаг и понимая, что ему не остановить их препирательства.

Дэйв открывает рот, чтобы выдать серию аргументов, отмазывающих его от того, в чем пытается уличить его Мак, но его прерывает громкий восхищённый возглас.

— Сэр! — Все трое одновременно поворачиваются на звук. Бренда, так резко вставшая со стула, что тот сейчас валется возле её ног, смотрит на Рочестера взглядом победителя, перемешенного со злорадством. — Он попался. Назначил встречу.

Отлично. Хотя что-то сработало. Тема с чатом, над которым всё это время работала Бренда, не была основной и шансов на то, что человек, находящийся по ту сторону экрана, клюнет, было ничтожно мало. Но и не разрабатывать это направление они не могли. Трое мужчин переглядываются. Раст ухмыляется. Моджо тяжело выдыхает и засовывает руки в карманы брюк.

— Лады, — примирительным тоном говорит он, пожав плечами. — Поездка в Академию может подождать.

Мак несколько секунд пристально смотрит на него, а затем коротко кивает.

Эрин вздрагивает от грохота. Рафферти, ругнувшись, достаёт упавшую рамку. Она выдыхает, понимая, что уже минут десять гипнотизирует телефон. Она не станет звонить Теоне ещё раз. Она уже делала это трижды за последние два часа. И хоть голос подруги не блистал энтузиазмом, но был хотя бы живым. Может быть нянька из Эрика никудышная, но вот отвлекающим фактором он стал самым подходящим.

Эрик Косински. Странный тип. Она помнит выражение его глаз в вечер, когда он привёз Тео домой и вчера, когда Форест втянула его в свою авантюру. Да, он огромный, выглядит устрашающим с этими своими татуировками, грубый и хамоватый... Но Эрин с поражающей чёткостью кое-что

поняла: Теона рядом с ним в полной безопасности.

— Да как же ты меня затрахал-то, а!

Возмущённый возглас вырывает Эрин из мыслей. Она поворачивается в сторону Рафферти, матерящего телефон и невольно усмехается.

— Чем тебя так достал телефон, Ник? — с лёгкой улыбкой на губах интересуется. В ответ получает недовольный взгляд.

— Не телефон. Вонг, — отвечает он, кривя губы. Эрин вопросительно поднимает брови. Ник закатывает глаза. — Агент ФБР. Я договаривался о встрече. — Эрин понимающе хмыкает. — Он переносил её уже четыре раза.

— У них сейчас есть проблемы поважнее, понимаешь же, — пожав плечами, говорит Морган. Глаза Ника злобно блещут.

— А мне что, брать материал из воздуха? — Разводит руки в стороны. — Сроки поджимают. — Кидаёт телефон на стол, сам садится в кресло.

— И не у тебя одного... — бормочет Эрин. Отклоняется в сторону, бросив быстрый взгляд на кабинет босса. Сэм говорит с кем-то по телефону, важно расхаживая по помещению. Эрин прикусывает внутреннюю сторону щеки, думая. — Ник?..

— А?

— Известно что-нибудь про убийство химика? — спрашивает она, невинно моргая. Ник открывает рот, чтобы ответить. Закрывает. Щурится.

— Хах, ну нет, дорогуша, я на это не куплюсь.

— Что? — Эрин выпрямляется на стуле, принимаясь перебирать какие-то бумажки на столе. — Не понимаю о чём ты...

— Да что ты. — Отталкивается ногами от пола и на кресле подъезжает ближе к Морган. Наклоняется вперёд. — Шеф ясно дал понять, что тебе не стоит лезть в это. Я не собираюсь получать люлей из-за твоего упрямства.

— Да я просто спросила. — Небрежно пожимает плечам. — Интересно же...

Продолжает перебирать бумажки, делая вид, что ей всё равно. Ник какое-то время молчит, размышляя. Набирает в лёгкие побольше воздуха.

— У них почти ничего нет... — начинает говорить, поглядывая на кабинет шефа. Эрин не прерывает своего занятия, но теперь перебирает бумажки медленнее и тише. — Ни биологического материала, ни улики, ни следов. Вот если бы они нашли хотя бы одного свидетеля... — задумчиво произносит, не замечая как застывает Эрин. Он медленно поворачивает голову и смотрит на неё через плечо. Их взгляды встречаются. — Ходят слухи, что какой-то федерал, отбитый на всю голову профи, нашёл что-то на видеозаписях.

— Да? — тянет слабым голосом Морган. — И что же?

— Ты думаешь, они делятся подобной информацией? Говорю же, это слухи, — отвечает Ник тоном, подразумевающим окончание разговора, и снова отталкивается ногами от

пола, чтобы вернуться на своё рабочее место. Эрин тянет руку и хватается за подлокотник его кресла, останавливая.

— Погоди, — наклоняется ближе, — Ник...

— Эрин!

Оба замирают. Поворачивают головы в сторону звука и видят Ланкастера, стоящего на пороге своего кабинета и сверлящего их негодующим взглядом.

— Д-да?.. — нервно улыбнувшись, отзывается девушка.

— Будь добра, зайди ко мне, — сверкая фальшивой дружелюбной улыбкой говорит Сэм.

Не дожидаясь реакции с её стороны, разворачивается, идёт к своему столу. Ник и Эрин переглядываются.

— Я спляшу на твоей могиле, — весело говорит он. Эрин фырчит, поднимаясь со стула.

— Только если под Led Zeppelin.

— Договорились, дорогуша.

— Мы серьёзно наденем это? — Лука кривится, демонстрируя всё отношение к маске хоккеиста из какого-то странного мультфильма.

— Я думал, ты оценишь, — широко улыбаясь, говорит Рэйден, активно шевеля бровями.

— Ха, — безэмоционально отзывается серб и швыряет в него маску. — Очень смешно. Клоун. — Тот, словив на лету

предмет, тут же прикладывает маску к лицу. — Эй, — обращается к только что вошедшему в помещение склада Хантеру, — я не надену это.

Рид одаривает его раздражённым взглядом, пыхтя от натуги из-за коробки с техникой, которую притащил из машины.

— Да хоть труселя мамыши Криса напяль, — говорит со злостью. — Главное, чтобы твоего лица не было видно.

Практически кидает коробку на один из стоявших здесь столов. Упирает руки в бока и осматривается.

Склад пустует уже несколько лет. Хлам, коробки, пыль, грязь. Солнечный свет не пробивается сквозь окна. Несколько лет назад Дон использовал его.

— Надо бы разгрести весь хлам хотя бы в середине, босс, — говорит Крис.

Хантер отвечает не сразу, отвлечённый уведомлением о новом сообщении. Уведомлением, прозвучавшим не от его рабочего телефона. Он лезет во внутренний карман куртки и достаёт старенькую раскладушку, не обращая внимания на четыре пары глаз, прикованных к нему. Хватается за крышку и открывает телефон. На дисплее показывается маленький запечатанный конверт. Чувствует зуд в пальцах, нажимает на нужную кнопку

Время и место встречи.

Он выдыхает, прикрыв глаза, только сейчас осознав всю степень напряжённости, вызванной молчанием со стороны

человека, написавшего сообщение. Смотрит на часы. Полдень. Значит, ему ждать ещё десять часов. Чувствует раздражение. Какого чёрта его заставляют ждать? Замечает, что мужики так и стоят, ожидая его распоряжений. Чувствует вторую волну раздражения. Останавливает свой взгляд на Крисе.

— Что ты сказал? — уточняет, хотя прекрасно слышит и с первого раза.

— Говорю... — голос того становится на тон тише, — разгрести бы тут всё, чтобы было где развернуться... — нервно усмехается, не понимая он ли является причиной этого фирменного взгляда Рида.

— Отличная идея, Крис! — широко улыбнувшись, говорит тот, приводя мужчину в ужас. — Вот и займись этим. — Улыбка моментально пропадает, когда Хантер переводит взгляд на безмолвно стоявшего в стороне Арво. — Вместе с Арво.

День проходит совсем не так, как ожидает Хантер. Вместо того, чтобы кинуть все силы на планирование предстоящей операции, они по уши закапываются в груды хлама, разгребая и выкидывая всё без разбора. Звучит много трехэтажной нецензурной лексики. А учитывая разнообразие национальностей, представляющих их маленькую группу, это трехэтажная нецензурная лексика, помноженная на пять. К тому моменту, когда начинает смеркаться, им удаётся расчистить достаточную территорию для того, чтобы поместилось

два больших стола и несколько стульев. Нужно бы добавить чуть больше комфорта, учитывая то, что им предстоит провести здесь очень много времени. Но это подождёт до завтра.

Хантер вытирает грязные руки о какую-то тряпку и тут же жалеет об этом, потому что по ощущениям похоже будто его руки, вместо того, чтобы отчиститься от пыли, стали ещё грязнее. Он тихо матерится себе под нос и свистит, сигнализируя подчинённым о том, что хочет кое-что сказать. Когда все четверо оказываются в непосредственной близости от него, он достаёт пачку сигарет, прикуривает и только после этого начинает говорить:

— Вы оба, — смотрит на Луку и Криса, — завтра навестите UBS. Мне нужно знать сколько там камер, количество охраны, время пересменки, в общем все. — Лука кивает, Крис остаётся безучастным. — Не светитесь там сильно, наблюдайте издалека.

— Может взять с собой Сару? — предлагает Рэйдэн.

— Чё? — тупо переспрашивает Рид.

— Сара, — повторяет.

— Мне должно быть знакомо это имя? — с издёвкой интересуется. Рэйдэн от досады сжимает челюсти.

— Она работает на бухгалтера Дона. Могла бы зайти внутрь и прикинуться потенциальным клиентом. Узнала бы чуть больше, — совсем тихо заканчивает. Хантер несколько секунд сверлит его пристальным взглядом.

— Хочешь сказать, ей можно доверять?

— Да она завязана по самые уши, — вместо Рэйдена отвечает Лука. Угрюмо. Слишком угрюмо. Хантер щурится. — Вся её семья работает на Дона. Родители, братья, сестры... Там какой-то долг, я не знаю всей истории, — заканчивает, отводя взгляд. Рид думает несколько секунд.

— Нет. Пока обойдёмся без лишних. — Рэйден уныло кивает. — Но... — немного помолчав, продолжает Хантер, — если не останется других способов, то, как вариант, подойдёт. — На этом аттракцион неслыханной щедрости под названием «скупая похвала от Хантера» заканчивается. — Рэйден, нужны планы здания, схемы сигнализации... короче всё, как обычно.

— Понял. Достану.

— Арво... — зовёт, намеренно растягивая звуки, выводя того из себя. Они встречаются взглядами. Хантер щурится. — Здесь не хватает пары кресел, дивана... может кофеварки и небольшого холодильника... — Осматривается, заводит руки за спину, сцепляя пальцы в замок, пожимает плечами. — Может раздобудешь пару старых ковров. В общем... наведи здесь уют, хозяйюшка. — Широко улыбается, отвечая на тяжёлый взгляд.

— Хорошо, — отзывается Арво, но как бы ни старался, все равно не может сдержать гневные нотки.

— Вот и умница, — говорит он, разворачивается на пятках и шагает к выходу, прикуривая очередную сигарету.

— Так... на сегодня всё? — недоуменно интересуется Лу-

ка.

— Ага, — следует незамедлительный ответ.

Хантер даже не оборачивается, на ходу небрежно махнув им рукой и оставляя в замешательстве. У него больше нет времени. Нужно добраться на другой конец города в максимально короткие сроки.

— Спасибо, что подвёз, — с улыбкой говорит Эрин Сэму, хватаясь за ручку двери. Ланкастер отвечает такой же улыбкой.

— Без проблем. Засиделись мы что-то.

— Ну так работы валом, — пожав плечами, отвечает и собирается выйти из машины, но вопрос Сэма останавливает её.

— Как там кузен твоей подруги?

Он смотрит куда угодно, но только не на девушку, задавая этот вопрос. Эрин не сразу понимает о ком он спрашивает, а когда всё же понимает, то около минуты просто глупо моргает, пялясь на своего босса.

— Ну, тот, с недержанием...

— А... эм... — Она переводит взгляд на приборную панель. — А он уехал.

— Так скоро? — Брови Сэма приподнимаются.

— Да, ему... нашли хорошую клинику. — Эрин нервно

хихикает и предпринимает ещё одну попытку сбежать.

— Эрин...

— Да?..

Ланкастер открывает рот, чтобы продолжить, но тут же закрывает его. Дежурно улыбается.

— Ничего. До завтра.

Эрин молча кивает и наконец выходит из машины. Ланкастер не трогается с места до тех пор, пока не убеждается в том, что Морган без проблем зашла внутрь многоквартирного дома. Эрин же остаётся в холле, провожая машину босса взглядом и только после этого шагает к лифту. Она чертовски устала, хотя практически не продвинулась в написании статьи. Обзвонила семьдесят процентов из списка освободившихся по УДО, но либо никто не отвечал по указанному в деле телефону, либо отвечали и узнав кто она и по какому поводу звонит, отправляли в пешее путешествие по всем известному маршруту.

Эрин прислоняется спиной к стенке кабины лифта и прикрывает глаза от усталости. Характерный «звяк» раздаётся слишком быстро и девушка уныло плетётся к двери, надеясь, что хотя бы у её подруги всё в порядке. Квартира встречает сумраком и звуками транслируемого матча, который смотрит Эрик. Эрин не сразу находит взглядом Теону. Девушка сидит на полу возле раковины и с остервенелым усердием трёт дно кастрюли.

— Привет... — с улыбкой говорит Морган. Ответом слу-

жит взгляд разозлённых голубых и скупающих карих глаз. —
Признаков разрушений не видно. Я удивлена.

Теона выдаёт раздражённое: «Пффф» и возвращается к прерванному занятию. Косински поднимается с дивана, шагает к выходу. Пройдя мимо Эрин, он кидает безразличное. «До завтра», и выходит из квартиры. Эрин ещё какое-то время стоит в растерянности разглядывая только что закрывшуюся дверь, а затем подходит к стойке, делившей пространство между кухней и комнатой.

— Всё не могло быть так плохо, — с беззлой насмешкой говорит она Тео и встречает взгляд, который мог бы убивать.

Басы бьют по барабанным перепонкам, но Хантер, выкрутив громкость на всю, не собирается это менять. Ему нужно хорошенько проветрить мозги перед встречей. Рок подходит для этого как нельзя лучше. Он отбивает большими пальцами ритм, качает в такт головой, иногда даже подпевает на особо любимых моментах. Но совсем не замечает этого. Не видит и того, что происходит за пределами его машины. Сознание переходит на автопилот, натренированное до идеального состояния, не способное дать осечку. Он знает, что среагирует моментально, если возникнет опасная ситуация на дороге. Среагирует на автомате. Поэтому не утруж-

дает себя концентрацией внимания на этом моменте, уверенный в своих инстинктах. Фокусируется на первоочередных задачах. Дон. Точка. «Паноптикум». Точка. Убитый химик. Точка. Покушение на его собственную жизнь. И... Дэвид Моджо? Да, о нём тоже стоит поговорить.

Проверяет зеркала и сворачивает с оживлённой центральной улицы в проулок. Ещё один поворот и ярко освещённые улицы остаются позади, заменяемые тихими полутемными переулками. Но ему нужно не сюда. Старый, заброшенный сквер в юго-восточной части города. Не самый благополучный район, но и не самый гадкий. Средненький. Ничего выделяющегося. То, что нужно.

Хантер паркуется возле одного из муниципальных зданий. Не скрывается, зная, что камер здесь нет, но всё равно сканирует взглядом улицу на предмет подозрительной активности прежде, чем продолжить путь уже пешком. Натягивает на голову капюшон, руки прячет в карманы и втягивает голову, стараясь казаться меньше, чем есть на самом деле. Ещё два квартала идет пешком, прислушиваясь к каждому шороху. Добирается до сквера быстрее, чем рассчитывал, и на секунду тормозит у старых покосившихся кованых ворот. Снова осматривается, не напрягая зрение.

Шагает в темноту, под голые, кривые и извивающиеся ветви деревьев, о которых уже давно никто не заботится, и быстро пересекает сквер. Без особых усилий перепрыгивает через невысокий забор, перебегает узкую улицу, тормозит на-

против одноэтажного старого и как будто заброшенного дома. Вглядывается в тёмные окна, замечает едва уловимое движение внутри и быстро обходит ветхое строение. Он не станет заходить в помещение через главный вход, воспользуется чёрным.

Дом встречает тишиной, темнотой, холодом и вонью отсыревших стен. Рид осматривается, проходит в гостиную.

— Ты опоздал.

В темноте раздаётся хриплый, жёсткий голос. Хантер видит едва различимый силуэт и к своему удивлению испытывает волну раздражения.

— А чего ты в задницу к чёрту не забрался? Я бы и не так опоздал.

Мужчина, сидящий в скрипучем кресле, резко наклоняется вперёд, упирается локтями в колени. И теперь Хантер может видеть его лицо в свете тусклого, грязного уличного фонаря.

Шон Доэрти.

Единственный человек, связывающие Рида с его прошлой жизнью. Человек, заставляющий его делать страшные вещи. Тот, кого Хантер давно начал тихо ненавидеть.

— Забываешься, — холодно произносит Шон, шуря глаза.

— Ты не выходил на связь несколько месяцев, ожидал тёплого приёма с цветами и шампанским? — в тон ему отвечает. Доэрти остаётся неподвижным несколько секунд, затем усмехается и принимает расслабленную позу.

— Ты вышел сколько, две недели назад? Три? Знаешь же, что было опасно связываться с тобой, пока ты отдыхал в камере.

Хантер невесело усмехается. «Отдыхал», как же. Он проходит чуть вперёд, огибая стол, и опирается на него, скрепя руки на груди.

— У нас проблемы, Шон...

— Да, «Паноптикум», я наслышан, — безразличным тоном отзывается Доэрти.

— И? Что будем делать?

— Ничего. — Пожимает плечами. — Наша основная цель не изменилась, пареньь.

Хантер замирает, пытаясь понять не шутит ли он, а когда понимает, что нет, психует.

— Какого чёрта?! У вас полно нужного материала! Уже года три как, но я всё ещё торчу на месте. И вдобавок вынужден работать с террористами. С террористами, Шон! Хочешь сказать, что тебе наплевать? Настолько, что ты рискнул и засветился в репортаже у здания суда? И ты собираешься сидеть и просто наблюдать?! Люди погибнут. Много людей!

— Люди, — Доэрти резко поднимается во весь свой рост и Хантеру приходится чуть задрать голову, — умирают каждый день. — Чеканит каждое слово. — Наша цель осталась той же.

— Я хочу выйти.

— Ты не закончил.

— Да мне поебать! — Хантер повышает голос.

Доэрти по-отечески кладёт руки на плечи Хантера.

— Я знаю, ты устал. Психологическое давление, которое ты испытываешь каждый день, любого уже давно свело бы в могилу. Я понимаю, почему ты обеспокоен текущей ситуацией... но, — он замолкает, выдерживает паузу, — помни, зачем ты здесь, парень. Помни, ради чего вообще ввязался в это.

Хантеру не нужно помнить, потому что он и не забывал. Ни на одну гребаную секунду последних восьми лет своей жизни. Вставал с этим знанием, ложился с ним. Напивался, принимал, избивал, убивал... ни на секунду не забывая о своих истинных мотивах. Опускает голову, а затем едва заметно кивает.

— Что-то ещё? — участливо интересуется Шон. Хантер поднимает голову, смотрит ему в глаза.

— Меня пытались убить.

— Ну, — Доэрти отходит на пару шагов, усмехнувшись, — ты же преступник, тебя каждый день пытаются убить.

— Нет, это не просто какие-то уличные разборки. Это была спланированная операция. И ребята были серьёзные.

Шон некоторое время пристально смотрит ему в глаза и Хантер понимает, что до него доходит серьёзность ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.